

МЕТАМОРФОЗИС

2018
ТОМ 2. № 3

метаморфозис

М Е Т А М О Р Ф О З И С

Том 2

#3

декабрь 2018

студенческий научный
журнал

Научный руководитель проекта:

Т.Ю. Сидорина

Главный редактор:

Алексей Натальский

Редакция:

Сирануш Арсенян

Евгения Горобец

Антон Гребенников

Кристина Грищенко

Людмила Дегтярева

Дима Журавлев

Александра Захарова

Ксения Изиланова

Виктория Кобзева

Ксения Корчагина

Кристина Кузнецова

Никита Попович

Анна Смирнова

Екатерина Ткаченко

Амела Шаботич

metamorphosis-journal.com
vk.com/metamorphosisjournal
facebook.com/metamorphosisjournal

Выпуск журнала осуществлен в рамках учебного проекта НИУ ВШЭ:
Разработка периодического издания в сфере гуманитарных наук – 2018/2019
<https://pf.hse.ru/220438989.html>

© МЕТАМОРФОЗИС 2018
© АВТОРЫ СТАТЕЙ 2018

Тема номера: Русские заметки: история, философия, литература

«Метаморфозис» является периодическим научным мультидисциплинарным изданием НИУ ВШЭ. Научные статьи для нашего журнала написаны студентами и проверены профессорами ВУЗа.

Изначально «Метаморфозис» представлял собой сборник лучших работ по философии, но наш проект с каждым годом развивается и уже включает в себя статьи по различным дисциплинам. Наша команда под руководством профессора, доктора философских наук Татьяны Юрьевны Сидориной – студенты, желающие поддержать молодых неравнодушных к науке исследователей.

С о д е р ж а н и е

- 6 *Елизавета Кривоносова*
Убийство Андрея Боголюбского в 1174 году
- 15 *Владислав Тюрин*
Двор и повседневная жизнь царского наследника конца XVI в. (по «Розыскному делу об убийстве царевича Дмитрия» 1591 г.)
- 27 *Дарья Головизнина*
Протопоп Аввакум о Соборе 1666–1667 гг.
- 37 *Полина Янина*
Бесчестье по Соборному уложению 1649 года
- 49 *Анна Асеева*
Указ об отмене местничества 1682 года: процедура отмены и ее обоснование
- 59 *Дарья Чаганова*
Чернышевский как материалист: о *новых людях*, счастье и о том, *что делать*
- 68 *Владимир Чернусь*
«Спрос на тоталитаризм» накануне революции
- 74 *Егор Садаков*
Критика эмпиризма и идеализма в «Письмах об изучении природы» А.И. Герцена
- 80 *Олег Глебов*
Беспочвенность как способ достижения истины и аксио-онто-гносеологизм Льва Шестова
- 88 *Юлия Ким*
Образование для «Забракованных»: сатира Н.А. Некрасова и политика министерства народного просвещения в журнальном контексте эпохи
- 100 *Аполлинария Острожкова*
Театральность в «Тупейном художнике» Н.С. Лескова
- 104 *Надежда Шмулевич*
Идеологическая концепция и отношение автора к героям в повести Н.М. Карамзина «Марфа-посадница, или Покорение Новагорода»
- 112 *Алиса Китрар*
Функции пейзажа в балладах Жуковского (на основе баллад «Гаральд», «Эолова арфа», «Варвик», «Рыбак» и «Лесной царь»)
- 118 *София Кулик*
Как в стихотворении «Я не знаю, Земля кружится или нет...» Велимир Хлебников перевернул мир и составил математическую модель жизни и творчества

Убийство Андрея Боголюбского в 1174 году

Елизавета Кривоносова (образовательная программа «История»)

Введение

В данной работе анализируются описания гибели в 1174 году великого владимирского и суздальского князя Андрея Боголюбского, представленные в трех древнерусских летописях – Лаврентьевской, Ипатьевской и Новгородской первой младшего извода. Цель работы – изучить три версии убийства Андрея Боголюбского. Задачи работы – проанализировать историю создания «Повести об убиении Андрея Боголюбского» в двух редакциях – Ипатьевской и Лаврентьевской, изучить описание гибели Боголюбского в Новгородской первой летописи; рассмотреть и сравнить содержание трех версий, проанализировав указанные в них причины убийства, состав заговорщиков и само изображение преступления.

Предметом исследования являются тексты об убийстве Андрея Боголюбского в трех упомянутых летописях. Объект – описание гибели князя. Хронологические рамки: дата гибели Андрея Боголюбского – 1174 год (6682 по мартовскому стилю / 6683 год по ультрамартовскому стилю).

История создания трех версий

Задачей этой главы является анализ проблематики и времени создания «Повести об убиении Андрея Боголюбского» и ее редакций, а также текста Новгородской первой летописи.

Андрей Юрьевич Боголюбский (1110/1115–1174) – значительная фигура в истории Древней Руси, стремившаяся усилить значимость северо-восточных земель и самостоятельность Владимирского княжества¹. Будучи вторым сыном Юрия Долгорукого, Андрей оставил полученный в свои владения город Вышгород и направился в Северо-Восточную Русь, забрав с собой икону Богоматери². Боголюбский известен своей активной военной деятельностью и суверенной политикой, а также трагической смертью вследствие заговора приближенных.

Сведения об убийстве князя содержатся в «Повести об убиении Андрея Боголюбского» и в Новгородской первой летописи. Известно, что исходный текст Повести был написан владимирским клириком, хорошо знавшим князя и являвшимся свидетелем его смерти³.

---

¹ *Кривошеев Ю.В.* Гибель Андрея Боголюбского: Историческое расследование. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета (СПбГУ), 2003. С. 11.

² Там же. С. 11.

³ *Насонов А.Н.* История русского летописания XI – начала XVII века. Очерки и исследования. М.: Изд-во «Наука», 1969. С. 154.

Повесть была создана в 1174 году, сразу же после гибели князя и наказания его убийц: подробное описание преступления доказывает, что в Повести были использованы показания самих заговорщиков⁴. Структурно текст делится на пять частей: запись о гибели Андрея, рассказ об Успенском соборе, описание убийства князя, события после его смерти и почетное слово Андрею Боголюбскому как христианину⁵. Стоит сказать, что здесь заметно влияние киевской житийной литературы, а именно «Жития Бориса и Глеба»⁶: на это указывает и сравнение мученической смерти Боголюбского со смертью святых, и меч Бориса, которого не оказалось в спальне князя.

«Повесть об убиении Андрея Боголюбского» существует в двух редакциях: краткой и пространной⁷. Краткая редакция находится в Суздальской летописи Лаврентьевского свода, пространная – в Киевской летописи Ипатьевского свода, она содержит более подробное описание убийства князя, объясняет его причины и воспроизводит по деталям саму сцену мученической смерти.

Вопрос о взаимоотношении двух редакций до сих пор остается спорным. Некоторые ученые, например, Хрущев, Воронин, Серебрянский, считают, что пространная редакция является первоначальной. По их мнению, в краткой редакции отсутствуют реалистичные детали и события,

которые не могли быть придуманы: мотивировка заговора, сцена с притворством убийц, горький плач киевлянина Кузьмищи⁸. Так, если бы краткая редакция была первичной, у автора

⁴ Воронин Н.Н. Повесть об убийстве Боголюбского и ее автор // История СССР. 1963. № 3. С. 85.

⁵ Насонов А.Н. Указ. соч. С. 153.

⁶ Там же. С. 154–155.

⁷ Воронин Н.Н. Указ. соч. 80.

⁸ Там же. С. 92.

пространной должно было быть провидение. Н.Н. Воронин утверждает, что пространная редакция была сокращена при Всеволоде Большое Гнездо в 1193 году для включения ее во Владимирский летописный свод⁹. Однако Шахматов и Перфецкий придерживаются иного мнения: они утверждают, что первоначально краткая редакция, которая позже была дополнена с учетом следственных показаний и рассказов очевидцев¹⁰.

А.Н. Насонов представляет другой взгляд на текст Повести. Он пишет, что у обеих редакций был общий протограф, на основе которого, независимо друг от друга, были созданы обе версии¹¹. В 1177 году исходный текст, как пишет историк, был сокращен в интересах Владимирской власти и добавлен в первый Владимирский летописный свод¹². Позже, северо-восточный источник попал в Киев и был дополнен киевским летописцем.

Не менее существенна, чем проблема соотнесенности разных редакций текста между собой, проблема авторства. Известно, что редакции созданы разными людьми в разное время. Н.Н. Воронин считает, что пространную редакцию написал поп Микула – духовник князя и глава капитула Успенского собора¹³. На это указывают несколько «улик»: частое упоминание имени Микула в редакции и сходство Повести со «Сказанием о чудесах Владимирской иконы», написанным Микулой. Краткая же редакция, по мнению Воронина, была создана Феодулом, игуменом Успенского собора¹⁴. Однако нет точных сведений, подтверждающих выводы ученого.

Перейдем к Новгородской первой летописи младшего извода. В ней кратко упоминается о дате и деталях гибели Андрея Боголюбского. Видно, что данная запись внесена в Новгородскую летопись после Лаврентьевской и Ипатьевской и представляет собой отдельный рассказ. История о смерти владимирского князя, скорее всего, была хорошо распространена. Личность автора записи в Новгородской летописи неизвестна, но вполне вероятно, что это был новгородский летописец, внесший рассказ после своего ознакомления с двумя версиями Повести.

Таким образом, несомненно, что «Повесть об убиении Андрея Боголюбского» была написана владимирским летописцем сразу же после смерти князя и в дальнейшем внесена в Лаврентьевскую и Ипатьевскую летописи. Вопрос о редакциях, их первичности и авторстве

---

⁹ Там же. С. 94.

¹⁰ Там же. С. 81.

¹¹ *Насонов А.Н.* Указ. соч. С. 151.

¹² Там же. С. 156.

¹³ *Воронин Н.Н.* Указ. соч. С. 92.

¹⁴ Там же. С. 94.

до сих пор остается спорным. Новгородская первая летопись младшего извода представляет собой отдельный рассказ, написанный неизвестным автором.

Содержание трех версий

Задачей этой главы является анализ преступления, состава заговорщиков и причин, побудивших их к преступлению, а также сравнение содержания трех версий и анализ их летоисчисления.

Начнем с попытки выявить, кто являлся убийцами Андрея Боголюбского. В Лаврентьевской и Ипатьевской летописях содержится одинаковая информация о заговорщиках. В Ипатьевской: «началникъ же оубицамъ. бысѣ Петръ Кучьковъ . зать Анбаль Ёсинь ключникъ . Ёкимъ Кучьковичъ . а всихъ невѣрныхъ оубициъ . кѣ . числомъ»¹⁵. В Лаврентьевской: «Началникъ же оубицамъ Петръ Кучковъ зать. Аньбаль Ёсинь ключникъ . Ёкымъ Кучковичъ . а всѣхъ невѣрныхъ оубициъ . числомъ . кѣ»¹⁶. Видно, что обе летописи практически слово в слово перечисляют заговорщиков и дают одинаковую цифру – 20.

При исследовании вопросов, связанных с личностями убийц Андрея Боголюбского, стоит обратиться к граффити, обнаруженному при реставрации Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском в 2015 году. Надпись содержит 20 имен убийц Андрея Боголюбского, а также церковное проклятие в их адрес. Согласно исследованию, граффити было нанесено спустя небольшой промежуток времени после убийства, в последней четвери XII века, то есть, оно современно летописным записям.

Нам же точно известно только 4 участника. Итак, рассмотрим их:

- а) Петр Кучков – главарь заговора, московский боярин.
- б) Зять, то есть, Офрем Моизович – знатного происхождения. Можно предположить, что он был на службе у князя¹⁷. О нем также нет точных сведений.
- в) Анбал, родом яс, осетин – личный слуга Боголюбского, его ключник. Как следует из того, что Анбал забрал меч Бориса из покоев князя, он мог самостоятельно распоряжаться хозяйством патрона и даже входить в его комнату¹⁸.

¹⁵ Ипатьевская летопись. ПСРЛ. Т. 2. М.: Языки русской культуры, 1998. Стб. 586.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 369.

¹⁷ Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. Л.: Изд-во «Наука» (Ленинградское отделение), 1987. С. 85.

¹⁸ Там же. С. 84.

г) Яким Кучкович – приближенный слуга Боголюбского. В Ипатьевской летописи он описан как «возлюбленный слуга»: «бѣ оу него Екимъ слуга възлюблены имъ». Возможно, его брат тоже служил князю¹⁹.

Исходя из двух редакций Повести, можно сказать, что заговор был организован приближенными людьми князя. Новгородская первая летопись подтверждает ту версию, что убийцами были дворцовые слуги: «Убиша в Володимири князя Андрѣя свои милостьници»²⁰. Милостниками, как замечает Ю.А. Лимонов, были княжеские слуги, занятые именно в дворцовом хозяйстве²¹. В Лаврентьевской летописи убийцы названы «дворянами»: «горожане же Болубьскыи. и дворане разграбиша»²². Известно, что милостники – предшественники позднейших дворян²³. В Ипатьевской летописи также есть косвенные сведения, показывающие отношение милостников к убийству: убийцы после гибели князя сели на «милостных» коней и взяли «милостное» оружие – «и вскладъше на млстѣныѣ конѣ . послаша до свѣта. прочь. а сами воземъше на са вружьæ кнаже млстѣное»²⁴. Однако независимо от того, были ли убийцы дружинниками или милостниками князя, они являлись приближенными Боголюбского, которые имели доступ к его личным покоям.

Так как среди участников заговора были люди знатного происхождения, можно сказать, что бояре также участвовали в убийстве князя.

Кроме того, в летописях есть информация о народе, который разграбил дворец Боголюбского, а это значит, что простые люди, возможно, тоже были недовольны политикой князя.

Боголюбский был убит в городе Боголюбове: в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях описано, как тело князя переносят из Боголюбова во Владимир²⁵. Вот, что сказано в Новгородской летописи: «убиша Володимири князя Андрѣя свои милостьници на канунъ святых апостоль Петра и Павла в ноци спящю ему въ Боголюбемъ»²⁶.

Теперь перейдем к причинам заговора. В Лаврентьевской и Новгородской первой летописях отсутствует информация о причинах, сподвигнувших заговорщиков на преступление. Сама мотивировка заговора описана только в Ипатьевской летописи – Яким

---

¹⁹ Там же. С. 85.

²⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. ПСРЛ. Т. 3. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 223.

²¹ Лимонов Ю.А. Указ. соч. С. 84.

²² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 370.

²³ Лимонов Ю.А. Указ. соч. С. 84.

²⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 589.

²⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 370; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 592.

²⁶ ПСРЛ. Т. 3. С. 223.

Кучкович предлагает убить князя, так как узнает, что князь убил его брата, и боится, что он убьет и их: «Екимъ Ж слуга възлюблен имь . и слыша ѿ некого . аже брата его князь велѣлъ казнить . и оустрѣмиса дѣволимь наоучениемь . и тече вопиѣ къ братѣи своеи . къ злымъ свѣтникъмь . ажеже Июда къ Жидомь . тѣснаса оугодити вѣщю своему сотонѣ и почаша молвити днѣь того казнилъ а насъ завутра а промыслимы ѡ князѣь семь»²⁷.

Исходя из этого, можно выдвинуть несколько версий, объясняющих убийство князя:

1) Убийство Боголюбского было местию за смерть брата Якима. Однако возникает вопрос – почему так много убийц решили его поддержать? На наш взгляд, эта версия поверхностна.

2) Убийство произошло из-за боязни, что заговор раскроется, и его участники будут казнены. В Ипатьевской летописи написано, что князь был осведомлен о заговоре: «князь же Андрѣи вражное оубиство слышавъ напередѣ»²⁸. Вполне вероятно, что Боголюбский узнал о готовящемся убийстве от брата Якима, убил его и планировал ликвидировать и остальных заговорщиков, однако опоздал²⁹. Ю.А. Лимонов даже предполагает, что данный заговор был умышлен Ростиславичами – племянниками Андрея, которые намеревались занять его престол³⁰. На это указывает то, что после смерти князя был собран съезд, на котором присутствовала дружина Суздальской земли, а также послы Глеба, рязанского князя и мужа дочери Ростислава Юрьевича. Эти послы, по мнению ученого, были еще при жизни Андрея и могли подкупить заговорщиков³¹. К тому же, в Ипатьевской летописи есть сравнение убийц с Горясером – слугой Святополка Окаянного, умерщвившего Бориса и Глеба именно по заказу Святополка: «О, горе вамъ, нечестивии, что уподобистесь Горясѣру»³². Возможно, автор Повести знал о планах Глеба Рязанского.

3) Вполне вероятно, что приближенные князя были недовольны его политикой: дружина устала от бесконечных военных походов, бояре и милостники не хотели подчиняться его абсолютной власти³³. Стоит сказать, что политика духовенства также указывает на то, что служители церкви не очень поддерживали Боголюбского. В Лаврентьевской летописи написано, что за трупом князя прибыли только на четвертый день, в Ипатьевской – что останки князя были отпеты на третий день, а на шестой увезены во Владимир³⁴.

---

²⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 586.

²⁸ Там же. Стб. 584.

²⁹ Лимонов Ю.А. Указ. соч. С. 88.

³⁰ Там же. С. 91.

³¹ Там же. С. 92.

³² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 587.

³³ Лимонов Ю.А. Указ. соч. С. 89.

³⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 370; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 592–593.

Новгородская первая летопись не дает никакой информации о причинах убийства князя. Возможно, представленная здесь запись о мятеже во Владимире и Суздале после гибели Боголюбского говорит о недовольстве приближенных князя его политикой. Вполне вероятно, что мятеж был вызван недовольством народа, узнавшем новость об убийстве Андрея Боголюбского.

Стоит сказать, что в Ипатьевской летописи выразительно описаны страдания народа – плач и вопли были слышны во всем городе: «и людье не могоша сѧ ни мало оудержати . но вси вопьахуть . ѿ слезь же не можаху прозрити . и вопль далече бже слышати»³⁵. В Лаврентьевской летописи же только сухо указано, что князь был погребен с «достойными хвалами»³⁶.

Теперь же приступим к анализу описания убийства Боголюбского. Для начала рассмотрим дату убийства князя. Известно, что Андрей Боголюбский был убит 29 июня 1174 года в канун «12 апостолов». В Лаврентьевской и Ипатьевской летописях годом убийства Боголюбского значится 6683, а в Новгородской первой – 6682. Различные даты объясняются разным стилем летоисчисления – в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях год написан по ультрамартовскому стилю, а в Новгородской первой – по мартовскому³⁷. Таким образом, все три версии содержат одинаковый год убийства – 1174.

Однако в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях отличается день убийства Боголюбского: в Лаврентьевской – это 29 июня, в Ипатьевской – 28 июня. Доказано, что убийство было совершено в ночь с 29 на 30 июня: 29 июня – верная дата, так как в 6683 году суббота приходится именно на это число³⁸. Так как в Ипатьевской летописи не уточняется, в канун каких именно апостолов было совершено убийство – там написано канун «святых апостолов», то возможно, что летописец ошибся. Н.Г. Бережков объясняет, что автор пространной редакции перепутал канун «12 святых апостолов» 30 июня с кануном «апостола Петру и Павлу» 29 июня и посчитал, что убийство было совершено с 28 на 29 июня³⁹. Иначе, дату гибели Боголюбского в Ипатьевской летописи нужно датировать не 1174, а 1775 годом. Но в Новгородской летописи день убийства уже уточняется: «на канунъ святых апостоль Петра и Павла»⁴⁰ (т.е. с 28 июня на 29). Данная дата также является ошибочной⁴¹ а,

---

³⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 593.

³⁶ ПСРЛ. Т.1. Стб. 370.

³⁷ *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 78.

³⁸ Там же. С. 78.

³⁹ Там же.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 3. С. 223.

⁴¹ *Бережков Н.Г.* Указ. соч. С. 200.

следовательно, можно прийти к выводу, что новгородский автор ознакомился именно с пространной редакцией Ипатьевской летописи.

Итак, спланировав заговор, убийцы ночью пришли к покоям князя, к которым вела лестница в дворцовой башне⁴². Немаловажная деталь, которая пропущена в Лаврентьевской летописи, описывается в Ипатьевской: прежде чем войти в покои князя, убийцы пошли в погреб и напились. Возможно, летописец Ипатьевской летописи хотел показать, что заговорщикам было нелегко совершить преступление, и для того, чтобы набраться мужества, они решили употребить алкоголь. В Лаврентьевской и Ипатьевской летописях нет информации об охране князя – убийцы сразу же очутились у порога его покоев. В Новгородской первой летописи присутствуют сведения о сторожах, которых избili заговорщики⁴³. Стоит сказать, что в Ипатьевской летописи есть момент, когда убийцы притворились Прокопием – близким слугой князя (которого, впоследствии умертвили), однако Боголюбский сразу же признал обман⁴⁴. Возможно, именно этот момент подтолкнул новгородского летописца додумать стражей, с которыми убийцы столкнулись.

Затем во всех трех версиях описано, что заговорщики с силой выломали дверь и ворвались в покои князя⁴⁵. В Новгородской первой летописи написано, что они убили князя копьями: «и ту насунуша копыи»⁴⁶. В Лаврентьевской и Ипатьевской убийцы использовали не только копья, но также сабли и мечи. Во всех трех версиях князь был обезоружен – его меч забрал ключник Анбал.

В Лаврентьевской и Ипатьевской заговорщики не с первого раза убили князя – им пришлось возвращаться, так как они слышали стоны Боголюбского, который спустился с башни вниз⁴⁷. Вернувшись, они убили его, и Петр Кучков отрезал ему правую руку. Стоит сказать, что в летописях содержится ошибка – при изучении скелета обнаружено, что отрублена была левая рука, а не правая. Авторы двух редакций написали именно правую – «вѣта руку десную»⁴⁸. Есть несколько версий относительно данной ошибки. Вполне вероятно, что сами убийцы в момент судебного разбирательства перепутали руки или же специально дали ложную информацию, однако, для чего – непонятно. В Новгородской первой летописи нет никакой информации об отрезании руки.

---

⁴² Лимонов Ю.А. Указ. соч. С. 81.

⁴³ ПСРЛ. Т. 3. С. 223.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 586.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 369; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 586; ПСРЛ. Т. 3. С. 223.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 3. С. 223.

⁴⁷ Лимонов Ю.А. Указ. соч. С. 81.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 369; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 589.

Таким образом, несмотря на то что Ипатьевская и Лаврентьевская летописи содержат во многом одинаковую информацию о гибели Боголюбского, это все же не идентичные истории. Лаврентьевская летопись сокращает Ипатьевскую и пропускает многие важные детали: например, эпизод со спусканием в погреб перед убийством или описание плача киевлянина Кузьмищи. Новгородская первая летопись является самостоятельным рассказом.

На наш взгляд, велика вероятность того, что у обеих редакций Повести был общий протограф, а Новгородская первая летопись была создана независимо от двух других версий, так как история о мученической смерти князя Андрея была распространена. Причиной гибели Боголюбского, по нашему мнению, является тот факт, что князь узнал о готовящемся против него заговоре, вызванном недовольством приближенных. Опираясь на текст Повести, стоит сказать, что политикой князя были недовольны многие: знатные люди, слуги князя, горожане Боголюбова и даже духовники. Следовательно, возможно, что Андрей Боголюбский не был столь «мужественным и мягкосердечным» князем, если готовящийся против него заговор никто не смог (или не захотел) предотвратить.

Библиография

Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. М.: Языки русской культуры, 1998.

Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1. М.: Языки русской культуры, 1997.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. Т. 3. М.: Языки русской культуры, 2000.

Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Воронин Н.Н. Повесть об убийстве Боголюбского и ее автор // История СССР. 1963. № 3. С. 80–97.

Кривошеев Ю.В. Гибель Андрея Боголюбского: Историческое расследование. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета (СПбГУ), 2003.

Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. Л.: Изд-во «Наука» (Ленинградское отделение), 1987.

Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVII века. Очерки и исследования. М.: Изд-во «Наука», 1969.

Двор и повседневная жизнь царского наследника конца XVI в. (по «Розыскному делу об убийстве царевича Дмитрия» 1591 г.)

Владислав Тюрин (образовательная программа «История»)

Введение

Конец XVI века в России был отмечен важными процессами, которые отразились на всей последующей истории страны. Смута конца XVI начала XVII века была во многом вызвана политикой Ивана Грозного, который извел всех своих ближайших родственников (боковые линии в потомстве Василия Темного) и, как считается, в порыве гнева убил своего старшего сына Ивана, тем самым вызвав острый династический кризис. Царь Иван IV умер 18 марта 1584 года, оставив после себя двух сыновей: Федора, ставшего царем, и малолетнего Дмитрия¹.

Дмитрий Иоаннович – сын Ивана Грозного от последнего, седьмого, брака с Марией Нагой родился в 1582 году. На момент смерти отца ему было полтора года². Старший брат царевича, Федор Иоаннович, взошел на престол в 1584 году, однако из-за своего слабого здоровья он был неспособен вести государственные дела, поэтому власть в стране по завещанию Ивана Грозного перешла к регентскому совету, состоявшему из влиятельных бояр³. Любимцы прежнего царя, Нагие, родственники царицы, остались не у дел и были отстранены от двора из-за опасений в заговоре в пользу царевича Дмитрия⁴.

Царевич получил в удел город Углич и был отправлен туда фактически в ссылку со своей матерью Марией Федоровной и всеми родственниками Нагими. В знак уважения к царице бояре разрешили поехать в Углич большой свите, в которую входили стольники, стряпчие, дети боярские и жильцы, их охрану обеспечивало четыре приказа стрельцов. Всего 200 человек⁵. Прибыв в Углич, царские «узники» поселились в обширном каменном дворце за стенами кремля⁶.

---

¹ Соловьев, С.М. История России с древнейших времен: В 29 т. Т. 7. М., 1990. – С. 190-191.

² Скрынников Р.Г. Борис Годунов. М.: Наука, 1978.

³ Там же. С. 17.

⁴ Там же.

⁵ Киссель Ф. История города Углича. Ярославль, 1844. С. 224.

⁶ Там же. С. 226.

Изначально Нагие были единовластными правителями Углича с правом собирать доходы с удела. Однако вскоре из Москвы был прислан дьяк Михайло Битяговский, взявший власть в свои руки. Нагие утратили право распоряжаться доходами своего княжества и стали получать деньги «на обиход» из царской казны⁷. Углич был политически изолирован Годуновым и имел мало связей с внешним миром⁸, однако такое положение дел продолжалось недолго. 15 мая 1591 года на заднем дворе угличского дворца погибает восьмилетний царевич Дмитрий. Это событие вызывает череду необратимых последствий.

Целью данной работы, однако, не является попытка выяснить причину гибели царевича или восстановить порядок событий, произошедших в тот роковой день. Этим моментам уже посвящено немалое количество исследований и до сих пор нет единого мнения на этот счет⁹. Задача данной работы состоит в попытке реконструкции повседневной жизни царевича, его быта, а также выяснение устройства и структуры его двора. Перед тем как непосредственно приступить к теме исследования, проведем краткий анализ источника, на котором будет основываться работа.

⁷ Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 74-75.

⁸ Полосин И.И. Угличское следственное дело 1591 г. // Социально-политическая история России: сборник статей. М., 1963. С. 224.

⁹ Кобрин В.Б. Указ. соч. С. 84.

Анализ розыскного дела об убийстве царевича Дмитрия

Наиболее ценный источник, повествующий о смерти царевича – «Розыскное дело об убийстве царевича Дмитрия» – , составленное комиссией, прибывшей из Москвы через несколько дней после трагических событий¹⁰. Именно на этом материале и будет базироваться исследование.

Следственное дело, состоящее из 54 склеек, хранится в архиве Министерства иностранных дел¹¹. Впервые оно было опубликовано в 1819 году в «Собрании государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел»¹². Дело представляет собой рукопись, изготовленную и отредактированную в Угличе. Доказательством этому служит различие почерков написания допросов, а также наличие характерных подписей свидетелей («... руку приложил»), оставленных, по-видимому, только грамотными людьми¹³. Начало дела и его конец не сохранились. Исследователи расходятся во мнениях и по этому вопросу: одни полагают, что недошедшие части могли уничтожить по политическим мотивам во время Смуты, другие заявляют, что все дело в неаккуратных архивных работниках XVIII века, которые, помимо прочего, перепутали порядок склеек, соединяя их¹⁴.

В начале дела, как считает И.И. Полосин, могло помещаться сообщение о назначении и составе комиссии, их приезде в Углич, осмотре места происшествия и тела царевича, начало следствия, в конце – оставшиеся допросы жителей Углича, а также допросы лиц, вызванных в Москву (царицу из-за ее высокого положения мог допрашивать только царь¹⁵) и непосредственно приговор по делу¹⁶.

В дошедшем до нас виде дело имеет следующую структуру: отрывок из показания Русина Ракова (городского приказчика), затем следуют допросы разных свидетелей, далее идут вклеенные челобитные царю (рассыльщиков и вдовы Авдотьи Битяговской), заканчивается дело сообщением о заседании Освященного собора и Боярской думы, челобитной Русина Ракова и инструкцией по доставке в Москву на допрос некоторых свидетелей. Также стоит упомянуть, что следственное дело об убийстве Дмитрия было лишь одним из трех дел, которые вела комиссия. Второе дело рассматривало измену Нагих, а третье – городское

¹⁰ Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 70.

¹¹ Полосин И.И. Указ. соч. С. 228.

¹² Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1819.

¹³ Кобрин В.Б. Указ. соч. С. 108.

¹⁴ Полосин И.И. Указ. соч. С. 224.

¹⁵ Кобрин В.Б. Указ. соч. С. 110.

¹⁶ Полосин И.И. Указ. соч. С. 233.

Двор и повседневная жизнь царского наследника...

восстание, произошедшее в Угличе после смерти царевича. Оба дела не сохранились или не найдены¹⁷.

В комиссию, расследовавшую все три дела, вошли четыре человека: от царя – окольный Андрей Петрович Клешнин (ближайший соратник Бориса Годунова) и дьяк Елизарий Вылугзин, от бояр – князь Василий Иванович Шуйский (один из главных противников Годунова, назначенный, по-видимому, для свидетельствования непричастности Годунова к смерти царевича) и от духовенства – митрополит Геласий¹⁸.

Комиссия прибыла в Углич вечером 19 мая, и на следующий день началось следствие. До нас дошли допросы 140 человек разного социального положения. И.И. Полосин считает, что в утраченных частях дела должны присутствовать показания как минимум еще 200 человек¹⁹. Проработав в Угличе, по всей видимости, 6-9 дней, комиссия уже 2 июня делала доклад в Москве²⁰.

Допросы по делу о смерти царевича имеют похожую структуру. Все свидетели трагедии отвечают на одни и те же вопросы комиссии: где был свидетель в момент гибели царевича, чем он занимался в это время, от кого узнал о происшествии, когда свидетель явился на место происшествия и что увидел, что и от кого услышал по дороге. В некоторых случаях для краткости записей был выработан условный шаблон, поэтому часть допросов во многом не отличаются друг от друга. Все допросы велись публично во дворе Угличского кремля, поэтому оказание давления на свидетелей было затруднено, пытки и вовсе не применялись²¹.

На основании всех показаний свидетелями было высказано 6 версий смерти царевича. Основными являлись две версии: несчастный случай в ходе эпилептического припадка («падучей», «черной немочи») и убийство людьми дьяка Битяговского.

Двор царевича Дмитрия в Угличе

Высокое положение Марии Федоровны и ее сына позволяло рассчитывать на свой личный, хоть и гораздо менее масштабный государев двор в Угличе. И как было упомянуто ранее, он был им предоставлен²².

Государев двор был одним из важнейших государственных институтов на Руси, а потом и в Российском царстве. В него входили так называемые дворовые люди. Строгих

---

¹⁷ Там же. С. 243.

¹⁸ Там же. С. 225.

¹⁹ Там же. С. 227.

²⁰ Там же.

²¹ Кобрин В.Б. Указ. соч. С. 107.

²² Киссель Ф. Указ. соч. С. 224.

Двор и повседневная жизнь царского наследника...

разграничений между придворной жизнью и государственными делами в допетровской России не было, поэтому дворовые люди помимо частных дел князя (царя) занимали административные, военные и судебные должности²³. В состав двора входили следующие чиновные группы: чины думные (бояре, окольничие, думные дворяне и думные дьяки) – они составляли наиболее влиятельную и приближенную к государю верхушку, чины дворцовые (стряпчие, жильцы, дети боярские, конюшие, дворецкие, оружейничие, казначеи, постельничие, сокольничие и др.), чины московские (стольники, дворяне московские) и чины городовые (выборные дворяне (самый многочисленный чин государева двора) и дети боярские)²⁴.

В допросе свидетелей в «Розыском деле» фигурирует множество людей с вышеупомянутыми чинами. Однако, очевидно, что двор царевича в Угличе не нес никаких административных функций, так как присланный из Москвы дьяк Михайло Битяговский отнял у двора эти полномочия²⁵. Таким образом, основной целью двора было поддержание достойной происхождения царицы и царевича жизни, поэтому отсутствие множества чинов, характерных для государева двора, вполне понятно. Попробуем разобраться, кто входил в двор царицы и царевича, и какая у него была структура.

В допросах одними из первых выступают с показаниями Нагие, братья царицы, Михаил и Григорий, а также их дядя Андрей. Надо отметить, что их чины не указаны. Не трудно догадаться, что в структуре двора царевича они занимали самое высокое положение, будучи, боярами по своей сути, хотя и не имея официально такого чина. Как следует из их показаний, в самом дворце они не жили, так как каждый имел свое собственное подворье²⁶. Однако, именно они являлись посредниками между дьяком и двором царевича, выпрашивая «сверх государеву указу денег ис казны», на что Битяговский им отказывал, из чего проистекали ссоры между ними²⁷.

Следующими немало значимыми фигурами двора были боярыня Василиса Волохова, мамка (няня) царевича, и кормилица Марья Колобова. По сложившейся традиции, царицы после рождения ребенка отдавали его на вскармливание и уход кормилице, происхождение которой было не столь важно, главное, чтобы женщина была молода, здорова и имела хорошую

---

²³ Дворовые люди // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 29 т. Т. 12. СПб., 1913. С. 213.

²⁴ Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 107–109.

²⁵ Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 74–75.

²⁶ Клейн В. Угличское дело о смерти царевича Дмитрия 15-го мая 1591 года. М., 1913. С. 8, 10, 23.

²⁷ Там же. С. 17, 37.

Двор и повседневная жизнь царского наследника...

репутацию²⁸. Также к царским детям приставляли мамку, выбранную из числа овдовевших боярынь, которая должна была следить за ними²⁹.

В материалах дела присутствуют показания 5-ых детей боярских, которые, по всей видимости, находились в личном подчинении царицы³⁰.

В расспросах комиссии присутствуют показания 4-х жильцов, детей, которые в момент гибели царевича играли вместе с ним на заднем дворе³¹. Наличие у них чина объясняется сложившейся тогда традицией, когда дети придворных получали чин «жильца», а с возрастом могли повышаться в звании³². По-видимому, основная функция этих детей – составлять компанию и развлекать царевича.

Следующий по значимости человек двора, упомянутый в деле – постельница Марья³³. Обычно постельничим назначали ближайшего человека из двора, который был обязан следить за чистотой и убранством царской постели, а также хранить ее от колдовства и волшебства. В распоряжении постельничего находились стряпчие и сытники³⁴.

В деле присутствуют показания двух стряпчих из Кормового (распоряжался продовольствием) и Сытного (распоряжался напитками) дворцов³⁵. Стряпчий был одним из самых высоких дворцовых чинов, наиболее приближенных к государю. Стряпчие подносили блюда к царскому столу, а также исполняли должность дворцового эконома и следили за царским гардеробом³⁶. Рядом с показаниями стряпчих в деле находятся и информация, полученная от 3-х сытников, основной обязанностью которых была доставка еды и напитков из кухни и кладовых и передача их стряпчим³⁷.

Также в деле упоминается ключник Сытного дворца, Григорий Тулубеев³⁸. Вероятно, ключник был у каждого из дворцов (Хлебенного, Сытного и Кормового), он должен был управлять хозяйством своего дворца, его запасами и следить за ключами от мест их хранения³⁹. В подчинении у ключников находились подключники (в деле их упомянуто трое⁴⁰).

---

²⁸ Забелин И. Домашний быт русских царей в XVI и XVII вв.: В 2 ч. Ч. 2. М., 2000. С. 43–44.

²⁹ Клейн В. Указ. соч. С. 45–46.

³⁰ Клейн В. Указ. соч. С. 21, 29.

³¹ Там же. С. 10.

³² Павлов А.П. Указ. соч. С. 119.

³³ Клейн В. Указ. соч. С. 12.

³⁴ Забелин И. Указ. соч. С. 67.

³⁵ Клейн В. Указ. соч. С. 19, 21.

³⁶ Забелин И. Указ. соч. С. 89.

³⁷ Там же. С. 90.

³⁸ Клейн В. Указ. соч. С. 21.

³⁹ Забелин И. Указ. соч. С. 94.

⁴⁰ Клейн В. Указ. соч. С. 22.

Теперь можно кратко перечислить остальных, менее значимых людей, входивших в двор царевича, и кратко охарактеризовать их функции. В деле упомянуто пять истопников⁴¹. Их обязанностью было отопление царских палат⁴². Пищик Кормового и Хлебного дворца⁴³ вел письменный учет дворцовых запасов (вероятно, должен был быть пищик и у Сытного дворца). Скатертник⁴⁴ заведовал столовым и постельным бельем. Четыре помяса⁴⁵ занимались сбором лекарственных растений и приготовлением из них различных снадобий и напитков⁴⁶. Назначение уксусника⁴⁷ в литературе выявить не удалось, но можно предположить, что он занимался изготовлением и использованием уксуса, который, как известно, активно применяется в хозяйстве (консервирование, изготовление различных блюд, чистящих средств и т. д.). Свечник занимался освещением помещений дворца. Также присутствовали показания следующих упомянутых в деле дворовых людей: 7 рассыльщиков⁴⁸, 4 поваров⁴⁹, курятника⁵⁰ (готовил для царского стола кур, гусей, индеек, уток и другую птицу⁵¹), 4 хлебников⁵², 16 сторожей различных дворцов⁵³ и 5 конюхов⁵⁴.

Всего в деле насчитываются допросы 81 человека, относящихся ко двору царицы Марии и царевича Дмитрия. Можно предположить, что на самом деле штат дворовых людей был гораздо больше. Ф. Киссель, цитируя Морозовскую летопись, сообщает, что с царевичем было послано «200 человек жильцов для сбережения и ради царской чести»⁵⁵. С одной стороны, может показаться, что это огромное количество людей, обслуживающих только двух царских лиц, но на самом деле это не так и, чтобы доказать данную теорию, необходимо провести сравнение двора царевича с двором государя.

В боярском списке 1589 года указано 1100 человек, входивших в государев двор Федора Иоанновича, из них 36 членов думы и высших дворцовых чинов, 36 дьяков, 26 стольников, 12 стряпчих, 209 жильцов, 166 московских и 600 выборных дворян по 47 уездам⁵⁶. В дальнейшем

---

⁴¹ Там же. С. 20.

⁴² Волховский М.Г. Домашний быт русских царей в XVI и XVII вв. М., 1997. С. 84.

⁴³ Там же. С. 19.

⁴⁴ Там же. С. 30.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Забелин И. Указ. соч. С. 101.

⁴⁷ Клейн В. Указ. соч. С. 24.

⁴⁸ Там же. С. 31-32.

⁴⁹ Там же. С. 30.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Волховский М.Г. Указ. соч. С. 26.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. С. 23-24, 30.

⁵⁴ Там же. С. 24-24, 27.

⁵⁵ Киссель Ф. Указ. соч. С. 224.

⁵⁶ Павлов А.П. Указ. соч. С. 107-108.

Двор и повседневная жизнь царского наследника...

двор только разрастался и к началу Смуты увеличился в 1,5 раза⁵⁷. Из этого следует, что даже если двор в Угличе насчитывал около 200 человек, государев двор превосходил его более чем в 5 раз.

В деле также упомянуты несколько административных построек на территории кремля, а именно Дьячья и Разрядная избы⁵⁸. Дьячья изба являлась местом, откуда велось управление княжеством, за которым, как мы выяснили, следил дьяк Битяговский со своими помощниками – подьячими. В деле упоминается государственная посоха, за сбором которой должен был следить дьяк. Посоха – это повинность, которую должно было нести тяглое население. Суть посохи состояла в том, что по указу царя от каждого двора на службу должно было быть направлено определенное количество человек. Служба заключалась в постройке военной инфраструктуры: крепостей, засечных черт, «гуляй городов» (подвижных деревянных оборонительно-наступательных щитов)⁵⁹. Посошные люди были важным ресурсом для обороноспособности страны, особенно в период ведения войн. На момент описываемых событий велась Русско-Шведская война (1590-1595 гг.) и поэтому по всей стране шел сбор посошной рати. Из показаний вдовы Битяговского мы узнаем, что Михаил Нагой, как представитель угличского князя, не хотел давать посохи, и в утро перед смертью царевича Битяговский и Нагой как раз спорили и бранились по этому поводу на глазах у многих людей⁶⁰. Таким образом, Нагие хотели отстоять право на управление в своем княжестве, однако в глазах московской администрацией это выглядело как измена⁶¹.

В Разрядной избе, в которой, по-видимому, работали упомянутые в деле пять детей боярских, велось важное для княжества делопроизводство. Там хранились царские грамоты, писцовые и переписные книги, росписи собранных налогов, именные списки служилых людей, описи казенного имущества и прочие важные документы. Именно в этом здании распределялись чины государева двора. Можно предположить, что у Нагих все же оставались рычаги влияния в княжестве, так как дети боярские, как мы узнаем из дела, были в личном подчинении царицы⁶².

Подводя итог, двор царевича Дмитрия во многом представлял собой уменьшенную версию большого государева двора, но следует понимать, что двор царевича не исполнял важных административных функций даже в пределах самого Углича, поэтому в нем отсутствовали

---

⁵⁷ Там же. С. 127.

⁵⁸ Клейн В. Указ. соч. С. 9, 13, 21.

⁵⁹ Полосин И.И. Указ. соч. С. 222.

⁶⁰ Клейн В. Указ. соч. С. 34.

⁶¹ Полосин И.И. Указ. соч. С. 223.

⁶² Клейн В. Указ. соч. С. 21, 29.

Двор и повседневная жизнь царского наследника...

такие важные для государева двора чины как бояре, окольничие, казначеи и другие. Однако, спор между Нагим и Битяговским о посохе может косвенно говорить о том, что в руках Нагих оставались некоторые властные полномочия.

Повседневность и быт царевича Дмитрия

«Розыскное дело» по объективным причинам дает нам немного сведений о повседневной жизни царевича Дмитрия, однако используя указанную в материалах дела информацию и привлекая дополнительную литературу, мы можем получить приблизительное представление о ней.

Первое указание на ежедневный быт царевича дает его мамка Василиса Волохова. В расспросе она сообщает, что у царевича незадолго до гибели было обострение эпилепсии (падучей), а на днях ему «маленко стало полехче» и царица взяла его с собой к обедне⁶³. Во-первых, из допросов становится ясно, что царевич страдал от эпилептических припадков, и, как выясняется из тех же показаний, они случались довольно часто. Во-вторых, царица Мария Федоровна брала его с собой к обедне, то есть дополуденной церковной службе, которая проходила в дворцовом Спасском соборе. По-видимому, царица, удаленная от московского двора, как было принято в то время⁶⁴, проводила большую часть времени в молитвах, участвуя в церковных службах и приобщая к этому царевича. На обедню приходили и братья царицы Нагие⁶⁵. Скорее всего, все члены семьи собирались и принимали участие в каждой из ежедневных церковных служб, что занимало значительную часть дня. Однако в этом нет ничего удивительного, князья и цари всегда были достаточно богобоязненны. Так, например, доподлинно известно, что царь Алексей Михайлович в особые церковные праздники мог молиться в церкви до шести часов подряд⁶⁶.

Далее из показаний некоторых свидетелей мы узнаем, что после обедни царица отпустила сына гулять на задний двор. Там он находился в окружении своей кормилицы, мамки, постельницы и четырех детей (жильцов)⁶⁷. Вероятно, нас может смутить то обстоятельство, что при царевиче не было поставлено стрельцов для охраны. Однако охрану внутри дворца, по обычаю, составляли стряпчие, стольники, жильцы и прочие, стрельцы же выставлялись у дворцовых ворот⁶⁸. Тем не менее, в деле не присутствуют допросы стрельцов, более того, они

---

⁶³ Клейн В. Указ. соч. С. 8.

⁶⁴ Волховский М.Г. Указ. соч. С. 92.

⁶⁵ Клейн В. Указ. соч. С. 5.

⁶⁶ Волховский М.Г. Указ. соч. С. 77.

⁶⁷ Клейн В. Указ. соч. С. 8.

⁶⁸ Волховский М.Г. Указ. соч. С. 46.

Двор и повседневная жизнь царского наследника...

не фигурируют в показаниях ни одного из свидетелей, что указывает на явное их отсутствие в Угличе. Возможно, царевич просто не нуждался в такой охране по причине того, что всегда находился в стенах безопасного Угличского кремля, а четыре приказа стрельцов, упомянутые выше, которые сопровождали его на пути в Углич, были сразу же отосланы обратно в Москву. Также стоит отметить, что функцию охраны царской семьи в случае опасности могли исполнять пососные люди и казаки, которые также упомянуты в деле⁶⁹.

По сложившейся тогда традиции, пока царевичам или царевнам не исполнится 15 лет, а иногда и больше, никому не позволялось их видеть, кроме приставленных к ним людей, бояр и родственников. Если и случался редкий выход в город, то около них, со всех сторон, несли суконные покрывала, чтобы люди не могли видеть царских детей⁷⁰. На основе этого можно с большой уверенностью говорить о том, что царевич Дмитрий после приезда в Углич не покидал кремля, и вся его жизнь проходила за его стенами.

Теперь вернемся в тот момент, когда царевич после обедни, в полдень, в окружении свиты и своих сверстников гулял во дворе. Дело дает нам информацию и на этот счет. Многие свидетели сообщают, что царевич непосредственно перед смертью «тешился с ребятами» (жильцами) в ножички, свидетели по-разному описывают эту игру в показаниях: «играл через черту ножом», «тыкал ножом», «ходил по двору, тешился сваею в кольцо». Игра в тычку (или ножички) проходила так: игравшие поочередно бросали нож в очерченный на земле круг, нож обычно брали с острия, метнуть его надо было так ловко, чтобы нож описал в воздухе круг и воткнулся в землю⁷¹. Из этих показаний можно сделать вывод, что свободное время царевич также мог проводить со своими сверстниками-жильцами, играя во дворе в различные игры.

После обедни и прогулки следовал обед. В материалах дела присутствуют показания дворовых людей, которые в момент гибели царевича как раз занимались его подготовкой⁷². Братья царевны, Нагие, не принимали в нем участия, а разъезжались обедать к себе на подворье⁷³. После обеда, по обыкновению, шел дневной сон. Как отмечает М.Г. Волховский, цари после обеда обычно ложились отдыхать и спали часа три, просыпаясь только к вечеру⁷⁴. Можно предположить, что распорядок дня у царевича Дмитрия был схожим.

---

⁶⁹ Клейн В. Указ. соч. С. 31.

⁷⁰ Там же. С. 124-125.

⁷¹ Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 80.

⁷² Клейн В. Указ. соч. С. 20-21.

⁷³ Там же. С. 5.

⁷⁴ Волховский М.Г. Указ. соч. С. 84.

Двор и повседневная жизнь царского наследника...

Из челобитной рассыльщиков⁷⁵, направленной царю Федору Иоанновичу, мы можем проследить еще одну деталь, связанную с жизнью царевича Дмитрия. Так мы узнаем, что братья Нагие искали для царевича ведунов и ведуний, которые, по мнению составителей челобитной, его «портили». Вдова Битяговского, Авдотья, в своей челобитной подтверждает это и добавляет, что у Михаила Нагого жил ведун Андрышка Молчанов и «про тебя государя и про царицу Михаило Нагой тому ведуну велел ворожить, сколько ты, государь, долговечен и царица»⁷⁶. По всей видимости, имеется в виду, что Нагие пытались навести порчу на царя и царицу. Однако в контексте данного исследования этот эпизод нас мало интересует. Не вызывает сомнения тот факт, что царевич страдал эпилепсией. Причем, как выясняется из показаний свидетелей, припадки у него происходили «по месяцам беспрестанно»⁷⁷ и порой выражались в агрессивном поведении по отношению к окружающим⁷⁸. Очевидно, что в те времена предпринять какие-либо меры медицинского характера, чтобы смягчить проявления заболевания царевича, было невозможно, и поэтому не исключено, что к нему приглашали ведунов и ведуний для лечения, однако из показаний мы узнаем, что никаких результатов это не давало.

По-видимому, это все немногочисленные сведения о повседневности царевича Дмитрия, которые мы можем отследить в «Розыскном деле». В завершении можно отметить, что существуют и другие источники, повествующие о гибели царевича, в которых мы можем найти множество деталей его быта. Однако все они были составлены много позже упомянутых событий, и после детальных изучений говорить об их достоверности не приходится⁷⁹.

Заключение

Подводя итоги проведенного исследования, мы можем обобщенно представить повседневную жизнь царевича Дмитрия в Угличе. Дмитрий со своей матерью Марией Федоровной жили замкнуто и уединенно за стенами Угличского кремля, при этом имея в подчинении уменьшенную копию государева двора, который обеспечивал положенный царским особам комфорт и удобство. Не располагая собственными источниками доходов, Нагие были поставлены в зависимое положение, получая деньги из казны от дьяка Битяговского, при этом жалуясь, что им их постоянно не хватает. Основной же заботой

---

⁷⁵ Клейн В. Указ. соч. С. 32.

⁷⁶ Там же. С. 35.

⁷⁷ Там же. С. 31.

⁷⁸ Там же. С. 9, 36.

⁷⁹ Кобрин В.Б. Указ. соч. С. 95.

Двор и повседневная жизнь царского наследника...

царевича было посещение ежедневных церковных служб. Также, вероятно, царевич должен был проходить обучение, которое у царских детей по обыкновению начиналось с 5 лет⁸⁰. В остальное время, пока Нагие решали повседневные споры о деньгах, налогах, местном авторитете с присланной из Москвы администрацией, Дмитрий, по-видимому, вел обычную ребяческую жизнь, тешась различными играми со своими ровесниками. Однако болезнь царевича наносила большой отпечаток на его повседневность. Частые приступы, порой, не позволяющие днями выходить ему из своих палат, вкупе с агрессивным поведением, которое их сопровождало, сильно беспокоили Нагих, которые пытались отыскать средство, чтобы вылечить царевича, прибегая к помощи ведунов и ведуний.

Вероятно, все бы так и шло своим чередом, если бы 15 мая 1591 года на заднем дворе Угличского дворца не произошло событие, которое уже через несколько лет вызовет цепь необратимых явлений, названных впоследствии Смутным временем. Смерть Дмитрия до сих пор волнует исследователей, пытающихся разобраться, как и почему погиб последний представитель мужского колена Рюриковичей, своей смертью ознаменовав конец древней династии.

Библиография

Волховский М. Г. Домашний быт русских царей в XVI и XVII вв. М.: ГПИБР, 1997.

Забелин И. Домашний быт русских царей в XVI и XVII вв.: В 2-х ч. Ч. 2. М.: Языки русской культуры, 2000.

Киссель Ф. История города Углича. Ярославль, 1844.

Клейн В. Угличское дело о смерти царевича Дмитрия 15-го мая 1591 года. М., 1913.

Кобрин В.Б. Кому ты опасен, историк? М.: Московский рабочий, 1992.

Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992.

Полосин И.И. Угличское следственное дело 1591 г. // Социально-политическая история России: сборник статей. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 218–245.

Скрынников Р.Г. Борис Годунов. М.: Наука, 1978.

Соловьев, С.М. История России с древнейших времен: В 29 т. Т. 7-8. М.: Мысль, 1990.

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1819.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 29 т. Т. 12. СПб., 1913.

---

⁸⁰ *Забелин И.* Указ. соч. С. 143.

Протопоп Аввакум о Соборе 1666–1667 гг.

Дарья Головизнина (образовательная программа «История»)

Введение

Данная работа посвящена одному из трагических моментов русской истории – Расколу – и его самому яркому представителю – Аввакуму. От начала никоновских реформ до казни в Пустозерске Аввакум оставался верен своим убеждениям и старому обряду, несмотря на многочисленные увещания, чередующиеся с ссылками, пытками и мучениями. Окончательно Раскол оформился на Соборе 1666–1667 гг., проходившем с участием вселенских патриархов.

Цель работы: определить отношение протопопа Аввакума к Большому Московскому Собору на основе его Жития.

Работа состоит из трех глав. Первая посвящена зарождению движения ревнителей благочестия, так как деятельность Аввакума следует рассматривать как продукт этого движения и большинство боголюбцев придерживаются старого обряда. Во второй главе повествуется о Большом Московском Соборе. Здесь говорится только о суде над старообрядцами и не затрагивается дело патриарха Никона, которое большей частью и вызвало необходимость созыва Собора. В третьей главе разбирается то, что Аввакум писал о Соборе в своем Житии.

Зарождение движения ревнителей благочестия

После падения Константинополя в 1453 г. у на Руси начала распространяться идея о ее богоизбранности и особой миссии по защите и хранению православной веры, оформившаяся в концепцию «Москва – третий Рим». Однако заявленный высокий статус Руси не соответствовал действительности и религиозно-нравственному состоянию русского народа и церкви. Для экономии времени службы в храмах велись многогласно, православный епископат не гнушался материальными благами, процветало пьянство, сохранялись языческие пережитки, и т.д.¹ Тогда появились опечаленные существующим положением дел люди, которые пытались сделать церковную и мирскую жизнь более благочестивой, вели проповеди и понимали необходимость обновлений в религиозной сфере. В Москве сформировалась группа боголюбцев, состоящая из царя Алексея Михайловича, Неронова, Вонифатьева,

---

¹*Зеньковский С.А.* Русское старообрядчество. М.: Институт «ДИ-ДИК», 2016. С. 80–81.

Протопоп Аввакум о соборе 1666–1667 гг.

Федора Ртищева и Никона². Число боголюбцев быстро росло. В 1652 г. у в их кружок вошел Аввакум, переехавший в Москву и ставший помощником Неронова³.

В этом же году Никон стал патриархом. Он начал проводить реформы по греческому образцу. Как пишет П. Шаров, данное решение было связано не только с невозможностью исправления книг по славянским переводам в связи с многочисленными ошибками переводчиков⁴. Патриарха увлекала идея объединения всех православных под властью русского царя и создания православной империи с центром в Москве⁵. В этом случае власть Никона бы также возросла, и он бы стал вселенским патриархом.

В новом никоновском служебнике, принятом на Соборе 1655 г., были закреплены следующие реформы: переход от двуперстия при крестном знамении к трехперстию; исключение из восьмого члена символа веры слова «истинный»; переход от пения «Аллилуйя, аллилуйя, слава Тебе, Боже...» к «Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя...»; исключение служб по переkreщиванию католиков и иных инославных; печатание на просфорах четырехконечного креста вместо старорусского восьмиконечного; замена в тексте литургического, так называемого херувимского, песнопения слов «трисвятую песнь приносяща» на «пресвятую песнь припевающе»; во время проскомидии или приготовления святых даров теперь из третьей просфоры вынимали не одну, а девять частиц⁶.

Эти нововведения вызвали сопротивление прежде всего среди боголюбцев и бывших соратников Никона. Во-первых, они были приняты Никоном единолично и имели необоснованный характер⁷. Во-вторых, греки, по образцу которых были проведены реформы, имели сомнительную репутацию на Руси. Их дискредитации способствовали Флорентийская уния, печать книг в католических странах (преимущественно в Венеции) и само поведение греков на Руси, которых занимали не столько церковные, сколько денежные вопросы⁸. В-третьих, многие священники и дьяконы были малограмотными и механически выполняли заученные молитвы и обряды, сила и спасительность которых была подтверждена русскими святыми⁹.

---

² Там же. С. 106.

³ Там же. С. 108.

⁴ Шаров П. Большой Московский Собор 1666-1667 гг. Киев, 1895. С. 9.

⁵ Зеньковский С.А. Указ. соч. С. 147.

⁶ Зеньковский С.А. Указ. соч. С. 179.

⁷ Там же. С. 171.

⁸ Там же. С. 56, 141, 168.

⁹ Гудзий Н.К. Протопоп Аввакум как писатель и как культурно-историческое явление // Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения / Ред. Н.К. Гудзия. М.: Сварог и К, 1997. С. 16.

Собор 1666-1667 гг.

Шаров выделяет 4 причины созыва Собора¹⁰: вопрос об исправлении богослужебных книг и церковных обрядов; борьба с раскольниками; беспорядки в русской церковной жизни XVII столетия (недостаток центрально-правительственного и епархиального надзора, состояние богослужений, во время которых священники систематически уклонялись от устава, религиозно-нравственное состояние духовенства и мирян, пьянство, корыстолюбие и т.д.); и дело патриарха Никона.

В Соборе приняли участие три патриарха (Паисий Александрийский, Макарий Антиохийский, Иосаф II Московский), 13 митрополитов, 9 архиепископов, 5 епископов и другие русские и иноземные духовные особы, Алексей Михайлович и его царский синклит¹¹. Царь специально набирал в члены Собора послушных ему людей, которые бы утвердили никоновские реформы. Перед началом Собора царь опросил всех участников¹²:

1) «Как должно есть непщевати [полагать] о патриархах константинопольском, антиохииском и иерусалимском», – т.е. считает ли этих патриархов за имеющих право принимать участие в решении вопросов православной церкви каждый из вызванных к царю епископов.

2) Считает ли вызванный епископ «греческие книги печатные и рукописные за праведные и достоверные».

3) Считает ли епископ правильными решения Собора 1654 года [который под давлением Никона решил начать пересмотр книг].

Первая часть Собора проходила с участием только русских епископов и архиереев с 29 апреля по 2 июля 1666 г. Они осудили раскольников, но не старые обряды, т.к. некоторые из староверов покаяться еще до Собора (старец Ефрем Потемкин, соловецкий старец Герасим Фирсов, архимандрит Антоний Муромский), а другие последовали примеру епископа Александра Вятского, который раскаялся на Соборе. В результате, лишены сана и преданы анафеме были только Аввакум, Никита и Федор, при этом двое последних раскаялись и подписали требуемые от них грамоты, следовательно, Аввакум остался единственным представителем оппозиции¹³. В относительно мягком обращении с ослушниками, мирном характере Собора и неосуждении старых обрядов Зеньковский видит тенденцию к

¹⁰ Шаров П. Указ. соч. С. 7, 18, 20.

¹¹ Там же. С. 5.

¹² Зеньковский С.А. Указ. соч. С. 217.

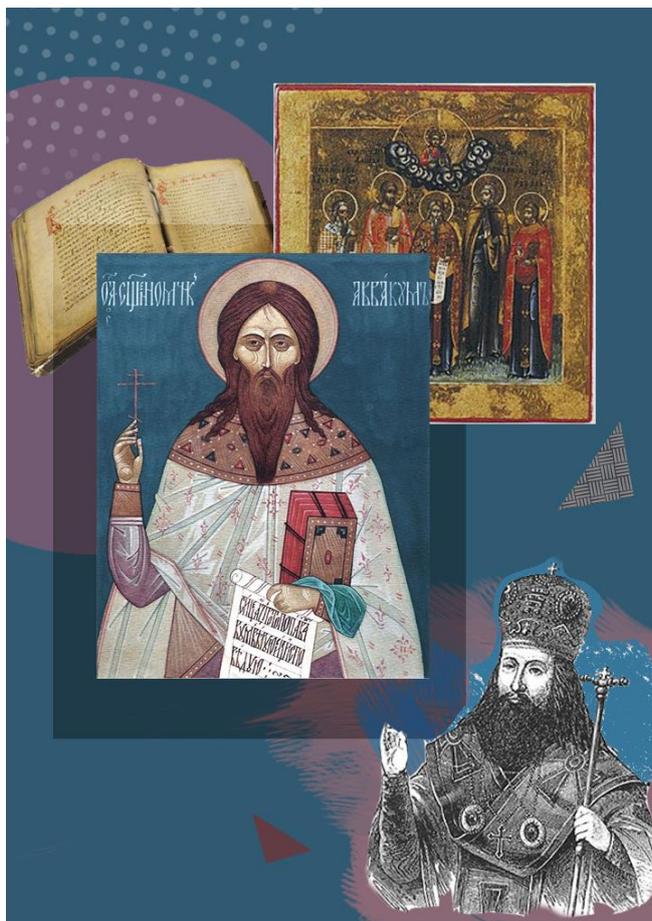
¹³ Зеньковский С.А. Указ. соч. С. 221.

Протопоп Аввакум о соборе 1666–1667 гг.

примирению, которой противодействовало вмешательство греческих патриархов (их присутствия требовало дело Никона¹⁴).

Восточные патриархи прибыли на Русь 2 ноября 1666 г¹⁵. Кроме них организаторами Собора были греки (митрополит Газский Паисий Лигарид, дьякон Мелетий, дьякон Агафангел, греческий архимандрит Дионисий), которые на родине имели плохую репутацию (Паисий Лигарид был даже лишен сана) и приехали на Русь, чтобы продолжить карьеру и получить деньги от русского царя. Этот состав Собора принял все никоновские реформы и наложил анафемы на старый обряд, сторонников которого назвали непокорными еретиками, несмотря на то что те придерживались устава, еще недавно принадлежавшего и их обвинителям (он был изменен в XIII веке¹⁶). Такая агрессия к старому обряду только придала приверженцам уверенности в его правильности.

Таким образом, греческие представители способствовали перерастанию конфликта внутри русской православной церкви в раскол, окончательно отделив всех сторонников старого обряда от православной церкви.

Аввакум и Собор

Об отношении Аввакума к Собору можно узнать из его главного произведения – Жития. Оно дошло до нас в трех редакциях (А, Б, В), представленных многочисленными списками. Позже была открыта четвертая редакция в единственном Пряшниковском списке¹⁷. Я.Л. Барсков был первым, кто соотнес тексты трех редакций, и его точка зрения стала

¹⁴ Там же. С. 119.

¹⁵ Паскаль П. Протопоп Аввакум и начало Раскола. М.: Знак, 2010. С. 439.

¹⁶ Зеньковский С.А. Указ. соч. С. 230.

¹⁷ Демкова Н.С. К вопросу об истоках автобиографического повествования в Житии Аввакума. Л.: Изд-во АН СССР, 1969. С. 5.

Протопоп Аввакум о соборе 1666–1667 гг.

господствующей в историографии. По его мнению, все редакции были созданы Аввакумом примерно в одно время – с 1671 по 1675–76 гг. Редакция А была первоначальной, Б – сильно сокращенный и переработанный вариант редакции А, В появилась третьей, в нее были вставлены большие дополнения¹⁸. Датировку произведения (редакции А) Барскова определяет исходя из текста¹⁹: Аввакум сообщает, что был рукоположен в диаконы в 21 г. (1641 г.) и с тех пор прошло 30 лет (1671 г.); гонения на Аввакума продолжались уже 20 лет, известно, что они начались около 1653 г.

Демкова предлагает альтернативную версию последовательности создания трех редакций. По ее мнению, сначала была некая первоначальная редакция, от которой произошла редакция Б, а от Б произошли А и В²⁰.

В основу данного реферата же легло Житие редакции А под редакцией Гудзия, который использовал работы Я.Л. Барскова и Н.С. Смирнова из собрания «Памятники истории старообрядчества XVII века». Выбор обусловлен тем, что эта редакция сохранилась в автографе в Пустозерском сборнике и отрывок про Собор 1667 г. практически одинаков во всех редакциях²¹. Пустозерский сборник был создан иноком Епифанием, одним из четырех пустозерских узников²². Ядро сборника составили житие Аввакума и житие Епифания, начинающееся на той же странице, где закончилось житие Аввакума. К ним Епифаний приложил автографы трех других статей Аввакума, а в начало добавил списки ранее отосланных на Мезень сочинений Лазаря, Федора и Аввакума. Объединив рукописи, он снабдил их двумя заглавиями: первое – «Книга сия, глаголемая Ответ православных», а во втором Епифаний указал свою роль в создании Жития.

Как пишет Робинсон, именно Епифаний побудил Аввакума к написанию «автобиографии». До Жития Аввакум уже был автором многочисленных посланий, челобитных царю и прочих произведений, которые продолжали его проповедь, нацеленную на борьбу с новшествами и никонианами и защищали, по его мнению, «истинное» православие. В Пустозерске Епифаний стал близким другом и единомышленником Аввакума. Их личное общение переросло в письменную беседу-исповедь²³, в результате которой появились оба Жития: «оба жития

---

¹⁸ Демкова Н.С. Указ. соч. С. 5.

¹⁹ Гудзий Н.К. Указ. соч. С. 377.

²⁰ Демкова Н.С. Указ. соч. С. 140.

²¹ Демкова Н.С. Указ. соч. С. 13.

²² Робинсон А.Н. Аввакум и Епифаний. Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 401.

²³ Там же. С. 398.

Протопоп Аввакум о соборе 1666–1667 гг.

осознавались их авторами как произведения, обуславливающие друг друга, внутренне связанные и внешне обранные как бы живой перекличкой двух писателей»²⁴.

В Житии Аввакума содержатся многие эпизоды из его жизни, в том числе и о его присутствии на Соборе. Как следует из текста, Аввакум подвергался многочисленным увещаниям, которые не имели успеха, и тогда был поставлен перед Собором. Первый раз он предстал перед ним 12 мая 1666 г. Патриархи еще не успели приехать, и Аввакум был судим только русским духовенством. 13 мая он был лишен сана в Успенском Соборе и отлучен от церкви²⁵. Второй раз протопоп предстал перед Собором (в котором участвовали вселенские патриархи) 17 июня 1667 г.²⁶

Аввакум отказался перейти на сторону Собора и принять его постановления, назвав членов Собора беззаконниками («лучше един творяй волю Божию, нежели тьмы беззаконных!»²⁷) и отступниками («И я говорю: “аще и умрети ми бог изволит, с отступниками не соединюсь!”»²⁸). Себя Аввакум представлял в роли «пророка, глаголющего истину», посредством создания схожего описания себя на Соборе с повествованием о жизни Иисуса, апостолов и других персонажей из Библии. Фраза «Бог отверз грешные мое уста, и посрамил их Христос»²⁹ – перефразированные слова из 50 псалма «Господи, устне мои отверзеши»³⁰. «Чист есмь аз, и прах прилепший от ног своих отрясаю пред вами»³¹ – таким же образом, как это сделал Аввакум, Иисус учил апостолов поступать с теми, кто их не слушает и не примет их слов, и отраднее будет Содому и Гоморре в день суда (Матф. 10:14). «Так на меня и пуще закричали: возьми его!»³² – в этой строке Робинсон увидел схожесть осуждения Аввакума с осуждением Христа (Возопиша же вси народи, глаголюще: возми сего (Лука 23:18))³³. С этим порицанием Аввакум сравнивал и осуждение Лазаря и Епифания, говоря, что Собор берет пример с Анны и Каиафа – иудейских первосвященников, судивших Христа³⁴.

---

²⁴ Там же. С. 400.

²⁵ Паскаль П. Указ. соч. С. 429.

²⁶ Там же. С. 443.

²⁷ Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения / Под ред. Н. К. Гудзия – Москва: Сварог и К, 1997. С. 131.

²⁸ Там же. С. 133.

²⁹ Там же. С. 129.

³⁰ Робинсон А.Н. Жизнеописание Аввакума и Епифания: Исследование и тексты. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 277.

³¹ Житие. С. 131.

³² Житие. С. 131.

³³ Робинсон А.Н. Жизнеописание Аввакума и Епифания: Исследование и тексты. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 280.

³⁴ Житие. С.132.

«И я говорю: мы уроди Христа ради; вы славны, мы же бесчестны; вы сильны, мы же немощны!»³⁵ – с такими же словами обращался Павел к коринфянам в первом послании (1 Кор. 4:10). «Уроди» значит «безумны» – Павел стал безумным и немощным ради Христа, чтобы показать силу Божью, которая превышает земной человеческой силы, мудрости и логики. Эта фраза также сделала недействительными доказательства Собора против старого обряда, которые будут рассмотрены ниже, так как сила Бога уже проявила себя на Руси в святых и чудотворцах, вплоть до того, что Москва стала третьим Римом. О третьем Риме Аввакум упомянул, когда говорил, что «Рим упал и лежит несклонно... И впредь приезжайте к нам учителя: у нас, божиею благодатию, самодержавство»³⁶. В этих строках заключено воззрение, господствующее в московском обществе, – Москва стала единственно правильным образцом церковного и гражданского устройства³⁷, а греки дискредитировали себя потерей своего царя, завоеванием Константинополя турками и падением Византийской империи³⁸. Противопоставление человеческой учености и силы Божией, заключающейся в русских святых, появлялось и в другом месте Жития – «а наши, что волчонки, вскоча, завыли и блевать стали на отцев своих, говоря: глупы-де были и не смыслили наши русские святые, не ученые-де люди были, – чему им верить? Они-де грамоте не умели!»³⁹. Также фразой «мы уроди Христа ради...» Аввакум, возможно, хотел указать на то, сколько он претерпевает за веру и за Христа, в то время как члены Собора находились в почете из-за того, что, преследуя личные корыстные цели, поступали так, как от них этого ожидала власть.

На Соборе Аввакум упомянул только проблему перстосложения и аллилуйи. В поддержку двуперстия Аввакум сослался на Мелетия Антиохийского, Феодора Блаженного, Максима Грека и Петра Дамаскина⁴⁰. 1) По легенде, Мелетий (IV в.) при вступлении на антиохийскую кафедру показал три перста, потом «два совокупль, а три пригну»⁴¹. На Соборе 1667 г. опровергли это утверждение тем, что они неправильно истолковали действия Мелетия. На самом деле, он сначала показал три перста, символизируя Троицу, а затем два перста согнул, чтобы показать ее единственность⁴². 2) В середине XV в. на Руси возникло «Феодоритово

---

³⁵ Там же. С. 131.

³⁶ Там же. С. 130.

³⁷ *Мякотин В.А.* Протопоп Аввакум: его жизнь и деятельность: биографический очерк. Петроград: Типография «Задруга», 1917. С. 93.

³⁸ Житие. С. 130, 133.

³⁹ Там же. С. 130.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ *Робинсон А.Н.* Жизнеописание Аввакума и Епифания: Исследование и тексты. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 278.

⁴² *Шаров П.* Указ. соч. С. 50.

Протопоп Аввакум о соборе 1666–1667 гг.

слово», в котором от лица Феодорита защищалось двуперстие. Слово не принадлежало Феодориту Блаженному (церковному писателю V века, боровшемуся с ересью монофизитов), однако было признано митрополитом Данилом и Стоглавом⁴³. 3) Максим Грек – монах, прибывший на Русь в 1518 г. для перевода книг на славянский язык. В сочинении «Како подобает знаменоваться крестным знамением» он действительно защищал двуперстие⁴⁴. Подтверждение двуперстия также находили и у Петра Дамаскина – монаха XII века.

Кроме святых отцов Аввакум ссылался на Стоглавый Собор 1551 г., который остановил креститься двумя перстами. Протопоп подчеркивал статусность Собора присутствием на нем чудотворцев⁴⁵. Собор 1667 г. попытался доказать свое право отменить постановления 1551 г. Во-первых, Собор 1667 г. сравнительно больший, чем Стоглавый, на котором не было вселенских патриархов. Во-вторых, члены Собора 1667 г. указывали на слова Соломона «спасение же во мнозе совете есть» и апостола Петра «вси убо другъ другу повинующееся, стяжите смиренномудрие»⁴⁶. В-третьих, отмена решений одного Собора другим уже была в церковной практике, например, VI вселенский Собор отменил постановление Карфагенского Собора, узаконившее причащение после вкушения пищи по подобию Тайной вечери⁴⁷.

Защищая сугубую аллилуйю, Аввакум ссылался на Дионисия Ареопагита⁴⁸, который в трактате «О небесном священноначалии» описывал, как ангелы славят Бога, восклицая три раза «аллилуйя» каждой ипостаси Троицы⁴⁹. «Аллилуйя» в переводе с иврита – «хвала Богу», так что, если в вариант «Аллилуйя, аллилуйя, слава Тебе, Боже» добавить еще раз «аллилуйя», то люди будут четверить Троицу. Защитники трегубой аллилуйи возражали, утверждая, что сугубая аллилуйя славит Троицу, но не прославляет ее единство⁵⁰.

Чтобы еще больше дискредитировать Собор 1667 г., Аввакум указал на нехристианское поведение его участников: «Да толкать и бить меня стали; и патриархи сами на меня бросились, человек их с сорок, чаю, было, – велико антихристово войско собралось! Ухватил меня Иван Уваров да потащил. И я закричал: “постой, не бейте!” Так они все отскочили. И я толмачу-архимариту Денису стал: говори патриархам: апостол Павел пишет: „таков нам подобаше архиерей, преподобен, незлобив“, и прочая; а вы, убивше человека, как литургисать

⁴³ Робинсон А.Н. Жизнеописание Аввакума и Епифания: Исследование и тексты. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 278.

⁴⁴ Гудзий Н.К. Указ. соч. С. 416.

⁴⁵ Житие. С. 130.

⁴⁶ Шаров П. Указ. соч. С. 45.

⁴⁷ Там же. С. 46.

⁴⁸ Житие. С. 131.

⁴⁹ Демкова Н.С. Указ. соч. С. 10.

⁵⁰ Шаров П. Указ. соч. С. 51.

Протопоп Аввакум о соборе 1666–1667 гг.

станете?»⁵¹. Обратим внимание, что Аввакум назвал членов Собора «антихристовым войском». Это связано с тем, что старообрядцы считали, будто конец света, перед которым должен прийти Антихрист, близок. Порча обрядов и веры, по их мнению, являлись предзнаменованиями пришествия Антихриста.

Еще один интересный момент заключается в следующем ответе патриархов Аввакуму: «Что-де ты упрям? вся-де наша Палестина, – и серби, и албанасы, и волохи, и римляне, и ляхи, – все-де трема персты крестятся, один-де ты стоишь во своем упорстве и крестишься пятью персты! -- так-де не подобает!»⁵². Исследователи выражают сомнение, в том, что патриархи могли упомянуть римлян и ляхов как аргумент в пользу троеперстия, скорее, эта вставка Аввакума также нужна была для дискредитации Собора⁵³. Негативное отношение к католикам появилось не только в результате Великой схизмы, но и было последствием событий Смуты, пребывания Филарета в польском плену, после которого возросла его ненависть к католикам, и Брестской унии 1596 г., после которой начались притеснения православных, и слухи об этом распространялись на Руси⁵⁴.

Таким образом, Аввакум осудил членов Собора 1666–1667 гг., отказался им подчиниться и принять никоновские нововведения.

Заключение

Сразу после никоновских реформ начались гонения на староверов. Собор 1666-1667 гг. подтвердил предложенные Никоном преобразования и наложил анафемы на старый обряд. В результате, в русском обществе произошел раскол и репрессии в отношении старообрядцев ужесточились. Кроме того, Русское государство лишилось обоснований концепции «Москва – третий Рим», даровавшей ему статус центра и хранителя чистого православия. Вместо этого, после Собора 1667 г. Русь, по мнению греков, оказалась хранительницей ересей и искажений веры. Собор 1667 г. низвел Россию до простого государства, имеющего необоснованные имперские претензии.

Аввакум, Лазарь, Федор и Епифаний после Собора были сосланы в Пустозерск и заключены там в земляную тюрьму. С этого момента Пустозерск стал идеологическим центром старообрядчества, пустозерские узники беспрестанно писали оттуда письма, челобитные, послания. В этом городе и были созданы Жития протопопа Аввакума и Епифания.

---

⁵¹ Житие. С. 131.

⁵² Там же. С. 129.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Паскаль П. Указ. соч. С. 56.

Протопоп Аввакум о соборе 1666–1667 гг.

Что касается повествования Аввакума о Соборе 1666-1667 гг., то оно сводится к четырем пунктам:

- 1) Осмысление себя в образе пророка через проведение параллелей своей жизни с жизнью Иисуса и апостолов.
- 2) Отвержение всех логичных доводов Собора 1667 г. через юродство.
- 3) Выражение позиции, заключающейся в отрицании новых обрядов, и подкрепление ее мнением Святых отцов.

Дискредитация Собора ввиду: нехристианского поведения членов Собора, непризнания греческого авторитета (из-за того, что они лишились своей империи, что могло рассматриваться как наказание Божье), отсылки членов Собора к католикам, восприятия действий обвинителей как предзнаменующих пришествие Антихриста.

Библиография

- Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения / Ред. Н.К. Гудзия. М.: Сварог и К, 1997.
- Демкова Н.С.* К вопросу об истоках автобиографического повествования в Житии Аввакума. Л.: Изд-во АН СССР, 1969.
- Зеньковский С.А.* Русское старообрядчество. М.: Институт «ДИ-ДИК», 2016.
- Мякотин В.А.* Протопоп Аввакум: его жизнь и деятельность: биографический очерк. Петроград: Типография «Задруга», 1917.
- Паскаль П.* Протопоп Аввакум и начало Раскола. М.: Знак, 2010.
- Робинсон А.Н.* Аввакум и Епифаний. Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
- Робинсон А.Н.* Жизнеописания Аввакума и Епифания: Исследование и тексты. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
- Шаров П.* Большой Московский Собор 1666-1667 гг. Киев, 1895.

Бесчестье по соборному уложению 1649 года

Полина Янина (образовательная программа «История»)

Защита чести в законодательных актах до Соборного Уложения 1649 года

Восточные славяне признавали и защищали свое личное достоинство с помощью закона с древних времен¹. Правовым источником, излагающим законы о защите чести, были переводные византийские сборники, в частности, Кормчая книга². В краткой (XI век) и пространной (XII – XIII век) редакции Русской правды оскорбление личной чести называется словами «обида», «срам», «сор», «срамота». Термин «честь» в них не встречается, так как в тот период данное слово ассоциировалось с воинской доблестью или божественностью святых и небожителей³.

В редакциях Русской правды не выделяется отдельно устное оскорбление, только в паре с наносящими физический (например, повреждение усов или бороды) или материальный (кража холопа, лошади, оружия и т.д.) ущерб действиями⁴. Пострадавшей стороне присуждалась компенсация и возмещение убытков. Кроме того, иногда назначался штраф, а унижительное нападение (например, удар тыльной стороной ладони) компенсировался не менее унижительным ударом⁵.

Русская правда защищала личное достоинство широких слоев населения: например, от унижительных ударов со стороны хозяев были защищены смерды и кабальные холопы⁶, однако закон все же считался с социальной иерархией, например, при исчислении возмещения.

Другие кодексы XII – XIII веков использовали понятия «срам» и «стыд» связывая их с физическим оскорблением, ущербом репутации или посягательством на статус свободных и законопослушных лиц⁷. В торговых договорах Новгорода и Смоленска XII – XIII веков несправедливый арест называется «соромом».

Наиболее раннее употребление термина «бесчестье» относится к XIV веку, когда в списке церковного устава «Законе судном людем» этим термином была названа ссора⁸. В XV веке

---

¹ Коллманн Н.Ш. Соединенные честью: Государство и общество в России раннего нового времени. М.: Дрвлекранилище, 2001. С. 64.

² Там же. С. 78.

³ Там же. С. 65.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 66.

⁶ Там же. С. 67.

⁷ Коллманн Н.Ш. Соединенные честью: Государство и общество в России раннего нового времени. М.: Дрвлекранилище, 2001. С. 67.

⁸ Там же. С. 69.

«бесчестье» упоминалось в переработках Русской правды и связывалось с физическим насилием. В церковном уставе «Правосудие митрополичье» того же века термин упоминается уже в связи с репутационным ущербом (компенсация за бесчестье полагалась владельцу заведения, где произошло убийство)⁹. В Двинской уставной грамоте, дарованной Двинской земле (современная Архангельская область) при присоединении к Москве в 1397 году, термином «безщестье» называлось «излаяние» (устное оскорбление) боярина или физическое насилие, не повлекшие за собой тяжелого ущерба. В Судебнике 1497 года не упоминается «бесчестье», но предусматривается компенсация за «лай»¹⁰. Судебник 1550 года также упоминает «лай», «брань», «непригожие слова», «непристойные слова» как оскорбление¹¹. Этот сборник законов отличал устную обиду от физического воздействия, однако некоторые виды физического насилия считались оскорбительными, в особенности преступления сексуального характера. Также оскорбительными считались действия, затрагивающие репутацию человека, как, например, ложные обвинения в незаконном рождении¹².

Законы о бесчестье из Судебника 1550 года также использовались как сдерживания судебного произвола, например, компенсировалось бесчестье за вынесение необоснованного приговора, ложные показания, подделку улик и другие нарушения судебного процесса. Оскорбление чести государственных работников – судей и служилых людей – было оскорбительно как для них самих, так и для государя¹³.

Бесчестье по Судебнику 1550 года также включало в себя оскорбление чести царя или его образа, например, наказывалась ссора в церкви или в царских палатах. Такие нарушения облагались, по крайней мере, двойным штрафом за бесчестье, чтобы подчеркнуть серьезность затрагиваемых государственных институтов¹⁴.

Согласно анализу дел о бесчестье, проведенном Н.Ш. Коллманн, оскорбление действием в середине 16 века уже редко являлось единственной причиной бесчестья¹⁵. Либо только устное оскорбление было причиной бесчестья человека, либо устное оскорбление наряду с физическим ущербом. Чаще всего бесчестьем назывались несправедливые обвинения в нарушении закона, оскорбление семьи и нарушение сексуальной неприкосновенности,

---

⁹ Там же. С. 70.

¹⁰ Там же. С. 79.

¹¹ Там же. С. 80.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 82.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 86.

оскорбление социального положения человека. Люди подавали в суд за бесчестье, когда оскорбляли их имена, семьи или чины¹⁶.

Носителями чести в России раннего нового времени были все слои населения, кроме специально обозначенных людей, нанесших вред обществу (тати, разбойники, зажигальщики, ведомые лихие люди). Это резко отличалось от ситуации в Западной Европе, где целые категории людей были лишены возможности защищать свою честь в суде, так как были заняты в «бесчестных» профессиях (палачи, цирюльники, мясники и т.д.)¹⁷.

Штрафы за бесчестье по Судебнику 1550 года отличались у разных социальных категорий. Так, штраф за бесчестье «детей боярских», «за которыми кормленья» (служилые люди от бояр до городовых и уездных воевод), был равен их годовому доходу от кормленья. Такую же компенсацию (годовой доход) получали и служивые люди более низкой ступени, получавшие жалованье за службу в армии. Дьяки полатные и дворцовые (служащие приказов) получали компенсацию по принципу «что царь и великий князь укажет». Остальные социальные категории получали фиксированные компенсации от 50 рублей у царских «больших гостей» до 1 рубля у крестьянина¹⁸.

Бесчестье по Соборному Уложению 1649 года

Соборное Уложение 1649 года объединило в себе огромное количество правового материала, в том числе Судебник 1550 года и Литовский статут 1588 года¹⁹. П.И. Бобровский в своей книге утверждает, что большая часть законов о бесчестии словом заимствована из Литовского статута²⁰. Влияние Литовского статута проявилось в нововведениях в системе наказания за бесчестье. Наряду с существовавшими ранее денежными штрафами, Соборное Уложение включило в систему наказаний также телесные наказания (битье кнутом, батогами) и тюремное заключение.

В сборнике законов 1649 года подробно регламентировались компенсации за бесчестье. По словам Н.Ш. Коллманн, «читая Уложение 1649 года о компенсации за бесчестье, как будто читаешь описание современной ему структуры общества»²¹. Соборное Уложение добавило в регламентацию компенсаций за бесчестье церковные иерархии и институции, не

---

¹⁶ Коллманн Н.Ш. Соединенные чество: Государство и общество в России раннего нового времени. М.: Древлехранилище, 2001. С. 88.

¹⁷ Там же. С. 91.

¹⁸ Там же. С. 98.

¹⁹ Развитие русского права второй половины XVII-XVIII вв. М.: Наука, 1992. С. 51.

²⁰ Бобровский П.О. Преступления против чести по русским законам до начала XVIII века: историко-юридическое исследование. М.: URSS, 2016. С. 58.

²¹ Коллманн Н.Ш. Указ. соч. С. 92.

упоминавшиеся до этого (например, в иерархию были включены священники). Светские чины в Уложении были объединены в более крупные группы, но в них упоминалось больше чинов, а также была усложнена система компенсации за оскорбление²².

В законах, как уже упоминалось, впервые наряду с денежными штрафами вводились телесные наказания и тюремное заключение. Жестокость наказания росла по мере увеличения разрыва в социальном положении оскорбителя и оскорбленного. Например, если патриарха оскорбил боярин, то он подвергался публичной унижительной процедуре – «выдаче головой». Она существовала в двух видах: как обряд поругания в случае с элитой, и действительный переход в холопы²³. Если оскорблял служилый человек более низкого ранга, то он подлежал наказанию кнутом, если человек еще ниже чином – публичному телесному наказанию и месячному тюремному заключению.

Авторы Соборного Уложения, описывая какое-либо преступление, старались описать его со всех возможных сторон. Поэтому в Уложении бесчестье из-за различного рода деяний, рассматривавшихся как нанесение бесчестья, представлены во многих главах: оскорбление словом (10 глава – ст. 27-99), избиение, ранение (1 глава – ст. 5 и 6; 7 глава – ст. 32; 22 глава – ст. 11,12,17), ложные челобитья (7 глава – ст. 12; 10 глава – ст. 14), ложное показание на повальном обыске под присягой (10 глава – ст. 162), неприятие приговора третейского суда (15 глава – ст. 5), поклепные иски (21 глава – ст. 55,56), честь и безопасность судей и должностных лиц (10 глава – ст. 106-107)²⁴. Наказание за бесчинство в церкви или при государевом дворе также перечисляется в отдельных статьях. Кроме того, бесчестье кому-либо (а также ношение или применение оружия) на царском дворе наказывалось более суровым наказанием, чем подобные действия в другом месте.

В 10 главе Соборного Уложения 1649 года статьи о бесчестье светских и духовных лиц приведены в сложную систему, делящую общество на иерархические страты. Уложение, как отмечал П.О. Бобровский, не отличало личного оскорбления от служебной обиды, не умея отделять достоинства лица как человека от звания, которое он носил²⁵.

Статьи о бесчестье делятся на две части по категории обесчещенного лица: духовное лицо или светское. Размер штрафа за бесчестье определялся в зависимости от звания оскорбленного и звания оскорбившего. Кроме того, следует отметить, что бесчестьем в тексте Уложения называется как оскорбление, так и компенсация за него.

---

²² Там же.

²³ Бобровский П.О. Указ. соч. С. 48.

²⁴ Соборное Уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л.: Наука, 1987.

²⁵ Бобровский П.О. Указ. соч. С. 66-67.

Бесчестье духовных лиц по Соборному Уложению

Духовенство разделялось на 4 группы: 1) патриарх и высшее духовенство; 2) черное духовенство; 3) белое духовенство; 4) духовные и светские лица, составлявшие штат патриарха и высшего духовенства.

Ниже представлена таблица, систематизирующая наказания за оскорбления патриарха и высшего духовенства.

Обещенный / Обещецивающий	Патриарх	Митрополит	Архиепископ/Епископ
боярин, «околничей», думной человек	«по сыску отослать к патриарху головою»	400 рублей (если платить нечем – «отослать ко власти головою»)	Архиепископу – 300 рублей, епископу – 200 рублей (если платить нечем – «отослать ко власти головою»)
«столник», стряпчий, дворянин московский, гость, дьяк, жилец, дворянин, сын боярский городской, иноземец или дворовой человек	«бить батоги»	«посадить в тюрьму»	«в тюрьму же посадить»
тяглый человек гостиной, суконной или черной сотни, «слобод тяглой человек», стрелец, казак, пушкарь или «иной какого чину ни будь»	«торговая казнь» (битье кнутом) и «посадить в тюрьму на месяц»	«бить батоги да в тюрьму посадить на три дни»	«бить батоги да в тюрьму посадить на три дни»

Если представителя черного духовенства – архимандрита (по тексту – «архимарита»), игумена, келаря, казначея или «иной иноческий чин» обесчестит боярин, «околничей» или

Бесчестье по Соборному уложению 1649 года

думной человек – то «им за бесчестье по суду или по сыску платить бесчестье против государеву указу». Все остальные светские чины должны платить за бесчестье монастырству (в рублях) по следующей схеме:

Архимандриту/игумену	Келарю	Казначей	Соборным старцам	Монастырь
100	80	70	40	Троице-Сергиев
90	70	60	20	Богородице-Рождественский
80	60	50	20	Чудов
70	50	40	20	Новоспасский; Юрьев
60	50	40	20	Симонов
60	40	35	15	Богородице-Успенский; Андроников
60	40	30	15	Спасо-Преображенский, Свято-Троицкий Ипатьевский
50	35	25	15	Печерский Вознесенский; Хутынский
50	30	30	30	Кирилло-Белозерский
50	30	20	15	Горицкий Успенский
50	30	20		Иосифо-Волоцкий
45	25	15	10	Лужецкий
40	20	15	10	Авраамиев Богоявленский; Богоявленско-Анастасиин; Богоявленский
35	20	10	5	Знаменский
30	20	10		Спасо-Преображенский; Пафнутьево-Боровский; Спасо-Евфимиев; Антониев; Псково-Печерский; Соловецкий; Желтоводский Макариев
25	20	10		Спасо-Преображенский; Тихвинский Богородичный Успенский
20	15	10		Спасо-Каменный; Отроч монастырь; Возмицкий; Свято-Троицкий Данилов; Ферапонтов Белозерский; Борисоглебский; Солотчинский; Спасо-Прилуцкий; Троицкий; Николо-Вяжищский; Духов; Саввино-Сторожевский; Павло-Обнорский; Глушицкий Сосновецкий Предтечев; Клобуков; Корнилиево-Комельский; Никитский
15	10	8		Колоцкий; Николо-Угрешский
15	10	7		Крестовоздвиженский

Во всех других монастырях штраф за бесчестье составлял: 10 рублей для архимандритов, 8 рублей для игуменов, 6 рублей для келарей и казначеев, 5 рублей рядовым старцам.

Схема иллюстрирует иерархическое положение монастырей в середине XVII века.

Если белое духовенство – протопопа, протодьякона, попа, дьякона соборных и ружных церквей – «будет кто обесчестит», «а по суду и по сыску про то сыщется допряма», то назначается следующая компенсация:

протопоп	протодьякон	ключарь	поп	дьякон	Категория церкви/духовного лица
50	40	30	25	15	Собор Покрова Пресвятой Богородицы, что на Рву («Болшово собору Пречистые богородицы»)
100 (он также духовник царя)	жалованье	жалованье	жалованье	жалованье	Благовещенский собор Московского Кремля
жалованье	жалованье	жалованье	жалованье	жалованье	«иные соборы ... на государева жалованья денежные руги»
			25	15	Приходные церкви, не получающие денежную ругу - по размеру бесчестья попов и дьяконов в Соборе Покрова Пресвятой Богородицы, что на Рву
жалованье	жалованье	жалованье	жалованье	жалованье	городовые соборные церкви, получающие ругу
			половина жалованья попа городской соборной церкви	половина жалованья дьякона городской соборной церкви	Приходные церкви, не получающие ругу - половина размера бесчестья попов и дьяконов городских соборных церквей
			5		Уездные и «безместные» попы

Если «кто ни будь» обесчестит светских и духовных и лиц из штата патриарха, то назначается следующая компенсация (в рублях):

	Троице-Сергиев монастырь	Богородице-Рождественский, Чудов, Новоспасский, Юрьев	Все остальные монастыри
стряпчие	15	10	5
рядовые слуги			•первой статье – 4 рубля; •второй статье – 3 рубля;
«детеныши»			1
старницы			Местные – 5 Неместные - 3

Если «кто ни буди» обесчестит «монастырских слуг», то назначается следующая компенсация (в рублях):

	Дьяк	Дети боярские	повар	хлебник	коноих	Певчий дьяк	Подьячим «болших станиц»	Подьячим «менших станиц»
Штат патриарха	оклад	•первой статье – 15 рублей •второй статье – 10 рублей •третьей статье – 5 рублей	2	2	2	•первой станице – 7 рублей; •второй станице – 5 рублей;	5	3
Штат митрополита, архиепископа или епископа		•первой статье – 10 рублей; •второй статье – 7 рублей; •третьей статье – 5 рублей;	1	1	1	3	2	

Распределение компенсации за бесчестье монастырских слуг согласуется с иерархическим распределением монастырей в статьях о бесчестии духовенства.

При бесчестии лиц из церковного штата назначалась следующая компенсация: «дьячком церковным по три и по два рубли», пономарям 2 рубля, просвирицам 3 рубля.

Наказаний за оскорбления в церковной среде в Соборном Уложении не предусмотрено, так как такие дела относились к юрисдикции церкви²⁶.

Бесчестье светских лиц по Соборному уложению

Законы о бесчестье светских лиц разделяется на две части: бесчестье, учиненное духовными лицами, и бесчестье, учиненное светскими лицами. Так, если духовные или светские лица обесчестят бояр, окольных, думных людей, то платить бесчестье следует по нижеизложенной схеме:

<p>Обещивающий</p> <p>Обещенный</p>	<p>митрополит, архиепископ, епископ, архимандрит, игумен, келарь, казначей, рядовой старец монастыря</p>	<p>стольник, стряпчий, дворянин московский, гость, дьяк, жилец, дворянин, сын боярский городовый, иноземец, дворовый человек</p>	<p>гостиные, суконные, черных сотен и слобод тяглые люди, стрельцы, казаки, пушкари, монастырские слуги, «иных чинов люди кто ни будь», холоп боярский</p>
<p>бояре, окольные и другие думные чины</p>	<p>Жалованье (по этой же схеме платить бесчестье всем другим чинам). Если нечем платить бесчестье, то «тем людям править бесчестье нещадно до тех мест, как они с ысы учинят зделку, или как в том исцом своим добьют челом» - т.е. до примирения сторон.</p>	<p>выплатить бесчестье нужно «по суду или по сыску». Если платить нечем, то «их бити кнутом»</p>	<p>«бити кнутом», а также «сажать в тюрьму на две недели»</p>

Если «кто какова чину ни будь» обесчестит представителей 2 группы - стольников, стряпчих, дворян московских, дьяков, жильцов, дворян, детей боярских городовых, иноземцев, дворовых людей, подьячих, «или иных всяких чинов людей, которые государевым денежным жалованьем верстаны» - и по суду или по сыску сыщется про то допряма, то обещенным нужно выплатить бесчестье – по размеру их годовых окладов. Если «будет

²⁶ Соборное Уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л.: Наука, 1987. С. 192.

Бесчестье по Соборному уложению 1649 года

кто» обесчестит светские чины из третьей группы, то компенсацию нужно выплатить по следующей схеме:

1. именитым людям Строгановым 100 рублей;
2. гостям 50 рублей;
3. гостиным сотням:
  - большой статьи 20 рублей;
  - средней статьи 15 рублей;
  - меньшей статьи 10 рублей;
4. суконным сотням:
  - большой статьи 15 рублей;
  - средней статьи 10 рублей;
  - меньшей статьи 5 рублей;
5. казенные слободы 5 рублей;
6. черным сотням, слободам, посадским тяглым:
  - лучшим людям 7 рублей;
  - средним людям 6 рублей;
  - меньшим людям 5 рублей;
7. ямским охотникам 5 рублей;

Если «будет кто» обесчестит представителей четвертой группы, то компенсацию нужно выплатить по следующей схеме:

1. дворцовых сел и черных волостей государевым крестьянам 1 рубль, при увечье 10 рублей, при отсутствии увечья, но драке 5 рублей.
2. деловым людям, монастырским, помещиковым, вотчинниковым крестьянам и бобылям «за бесчестье и увечье» заплатить как у «государевых дворцовых сел крестьян».
3. гулящим людям 1 рубль.

Соборное Уложение также защищало честь женщин и детей. Так, за непригожее слово жене, «дочери девке» или «сыну неверстанному» «какого чину ни буди» следует выплатить следующие компенсации:

1. жене два годовых окладов мужа;
2. «дочери девке» четыре годовых окладов отца;

3. «сыну неверстанному» половину отцовского годового оклада.

Заключение

17 век был для России веком социальной напряженности. В общественной иерархии выделились новые социальные категории: привилегированные купцы («гости»), приказные (неродовитые служилые люди), служилые по прибору. Увеличивалось количество нанимавшихся в холопы к землевладельцам, начинался процесс закрепощения крестьян, все государство в целом становилось все более полиэтничным. Подобные социальные деформации заставили индивидуумов сомневаться в прочности сложившейся социальной иерархии, что повлекло за собой рост числа тяжб по делам чести, которые затевались для укрепления социального статуса²⁷. Кроме того, все сильнее увеличивалось отделение духовного сословия от светского – одним из следствий этого оказались законы о бесчестии в Соборном Уложении, разделяющие светских и духовных лиц. В этих условиях социальной нестабильности государство создало успешную разветвленную и охватывающую все общество правовую систему по защите чести. Соборное Уложение защищало честь людей всех чинов: от патриарха и боярина до рядового старца монастыря и «гулящего» человека.

Следует отметить особую роль царя в иерархии, строящейся согласно законам о бесчестии Соборного Уложения. В сборнике законов все преступления, затрагивающие честь царя, считались государственными. Так, в главе «О Государской чести, и как Его Государское здоровье оберегать» говорится о покушениях (или умысле) на жизнь и здоровье государя, заговорах, сдаче путем измены города неприятелю, вооруженных мятежах (2 глава, ст. 1, 2, 3, 21). Таким образом, бесчестие царя – это, прежде всего, преступление, затрагивающее государство.

На формирование столь подробного законодательства по защите чести в России 17 века повлияло и то, что личная репутация в московском обществе имела практическое значение: должности в местных органах управления доверялись только «лучшим» и «добрым людям», и в них отказывали «ведомым лихим людям»²⁸. Также иерархия законов о бесчестии показывает сложную социальную иерархию российского общества середины XVII века.

---

²⁷ Коллманн Н.Ш. Указ. соч. С. 60-62.

²⁸ Там же. С. 86.

Бесчестье по Соборному уложению 1649 года

Библиография

Бобровский П.О. Преступления против чести по русским законам до начала XVIII века: историко-юридическое исследование. Москва: URSS, 2016.

Законодательные памятники русского централизованного государства V–XVII веков. Соборное Уложение 1649 года. Текст с комментариями. Л.: Изд-во «Наука», 1987.

Колманн Н.Ш. Соединенные честью: Государство и общество в России раннего нового времени. Москва: Древлехранилище, 2001.

Развитие русского права в XV–первой половине XVII в. Москва: Наука, 1986.

Указ об отмене местничества 1682 года: процедура отмены и ее обоснование

Анна Асеева (образовательная программа «История»)

Введение

Институт местничества, сложившийся в систему примерно в период правления Ивана III (а зачинавшийся значительно раньше, еще в удельный период), прочно укрепился как традиция, а лучше сказать, как порядок взаимодействия государства со служилыми лицами и непосредственно этих лиц друг с другом¹. Уничтожение такого института в последней четверти XVII в., вероятно, было вызвано весомыми причинами, разобраться в которых входит в исследовательские задачи данной работы. Кроме того, мы попытаемся в общих чертах изложить суть этого института, выяснить, как проходил процесс спора о местах. Также мы изучим описание «Соборного деяния», чтобы выяснить, чем была обоснована отмена местничества, и какие доводы были приведены в ее пользу. Таким образом, мы ставим перед собой целью понять, чем являлась эта отмена – простой риторикой, нужной для легитимной ликвидации укоренившегося, но устаревшего института, или же необходимостью, вызванной временем и обстоятельствами.

Первым о «служебно-родовом порядке», сложившемся в период «единодержавия Москвы» написал Д.А. Валуев². По его мнению, корни уничтожения местничества кроются в изменениях социально-политической структуры, а именно в прикреплении крестьян к земле и начале владения служилым сословием землями за службу. В.О. Ключевский считал, что местничество в конце XVII века, будучи «единственной опорой политического положения боярства», отмерло за ненадобностью, в связи с сокращением числа бояр и постепенным вытеснением их из социальной иерархии³. Фундаментальное источниковедческое исследование местнических дел было проведено в XIX веке А.И. Маркевичем⁴, который видел в местничестве особую форму старшинства, основанную на представлениях о служебной и родовой чести.

---

¹ Буганов В.И. «Враждотворное» местничество // Вопросы истории. 1974. № 11. С. 119.

² Валуев Д.В. Исследование о местничестве. М.: Типография Августа Семена, 1845. С. 161.

³ Ключевский В.О. Боярская дума Древней Руси. СПб., 1919. С. 525.

⁴ Маркевич А.И. История местничества в Московском государстве в XV–XVII вв. Т. 2. Одесса, 1888.

П.В. Седов исследовал местничество и его отмену в контексте социально-политической борьбы в России в 70-80-х гг. XVII века⁵. Он считал, что к концу XVII века отношение в правящих кругах к местничеству было неоднозначным: власти пытались найти возможности устранить очевидные недостатки этой системы, сохранив при этом принцип наследуемой корпоративной чести.

Отметим, что выше приведен не исчерпывающий историографический обзор исследований местничества. Однако в данном докладе мы остановимся на перечисленных работах, поскольку именно в них, как нам кажется, наиболее полно отражена проблема отмены этого института.

Местнические дела относятся к разновидности судебных. На местническом суде проверялось право инициатора спора занимать более высокую должность, чем его противник. Показания сторон сверяли по *разрядным книгам*, содержащим данные о службе местников и их родственников. Основной текст дел позволяет восстановить в общих чертах процесс местнического дела, выяснить роль судей, участников, причины спора и «приговоры». Сохранившиеся местнические дела представляют собой лишь остатки обширного комплекса, хранившегося в архивах Разрядного приказа. Дополняют (а иногда заменяют) весь этот комплекс сохранившиеся *описи* документов, составленные в XVII веке. К сожалению, огромная часть документов была утеряна в связи, во-первых, с ликвидацией Разрядного приказа в начале XVIII века, во-вторых, с пожарами и целенаправленным уничтожением целого ряда разрядных книг вследствие отмены местничества в 1682 году.

«Указа» об отмене местничества в виде отдельного документа, не существует. Решение об устранении этого института зафиксировано в «Соборном деянии об уничтожении местничества», которое вошло во второй том Полного собрания законов Российской империи с 1649 года и датируется 12 января 1682 года⁶. Подлинник «Деяния» не сохранился, однако существуют списки XVII и XVIII вв. Они были опубликованы несколько раз: в сборнике «Древняя российская вивлиофика», изданном Н. Новиковым⁷, в Полном собрании законов Российской империи и в Собрании государственных грамот и договоров⁸. Описание событий,

---

⁵ Седов П.В. Конец местничества. Российское самодержавие и бюрократия. Сборник статей в честь Н.Ф. Демидовой / Отв. ред. А.А. Преображенский. М.-Новосибирск: Древлехранилище, 2000.

⁶ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 2. (1676-1688). СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. С. 368–378.

⁷ Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских по истории, географии и генеалогии российской касающихся. Изданная Николаем Новиковым, членом Вольного Российского собрания при Императорском Московском университете. Издание второе, вновь исправленное, умноженное и в порядок хронологический по возможности приведенное. Часть 17. М., 1791. С. 422–455.

⁸ Собрание государственных грамот и договоров (СГД). Т. 4. № 130. М., 1928. С. 395–410.

Указ об отмене местничества 1682 года...

происходивших на Соборе, было приведено также в сочинении бывшего подьячего Тайного приказа, ученика Симеона Полоцкого, монаха Сильвестра Медведева «Созерцание», текст которого отличается от опубликованного в ПСЗ⁹.

Институт местничества в России. Практика местнических дел

Появление и закрепление института местничества было вызвано ничем иным, как ежедневной необходимостью (как в быту, так при Дворе и на службе) нескольким лицам сидеть вместе, по местам – например, за столом или в Приказной избе. Все места за столом обладали «значением», и одни были почетнее других: правая сторона обычно была почетнее левой, Передовой полк почетнее Сторожевого. Так же место (в бытовом плане) определяла занимаемая должность и «приближение» к князю. В этих традициях можно увидеть элементы, которые в XV веке сложились в серьезную систему консолидации знати. Иными словами, местничество – это порядок служебных отношений, который сложился между родословными фамилиями в Московском государстве в XV и XVI вв.¹⁰. Таким образом, служилых людей назначали на ту или иную должность в соответствии не с их личными качествами, успешностью и продолжительностью службы, а сообразно «служебным значениям фамилий, к которым они принадлежали, и генеалогическому положению каждого из них в своей фамилии». Как стояли предки, так должны стоять и потомки, и ничего, даже воля царя, не должно влиять на эту расстановку. Такая закостенелость привела к тому, что сделалось невозможным служебное соперничество, карьера стала личным делом каждого и определялась частными интересами, но в то же время скрепляла родственные узы взаимной ответственностью, поскольку служебное повышение или понижение одного члена рода влекло за собой повышение или понижение всей родословной¹¹. Каждый родственник мог унижить честь всего рода своей низкой службой, которую он не сумел отстоять и доказать свое более высокое место. Чем дальше расходился счет, тем труднее был спор. Всякое же понижение места если и не приводило к унижению чести всего рода, то возбуждало появление новых челобитных и споров при каждом удобном случае.

Споры возникали преимущественно между военными чинами. Примеры препирательств у придворных чинов или на придворных церемониях и за столом достаточно редки, однако тоже

---

⁹ Томсинов В.А. Царь Федор Алексеевич как государственный деятель и человек. // Томсинов В.А.

Законодательство царя Федора Алексеевича: 1676–1682 годы. Законодательство царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича: 1682–1696 годы. М.: Зерцало, 2012. С. 10–63, 39.

¹⁰ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в 3-х книгах. Т. 1. М., 1993. С. 459.

¹¹ Там же. С. 464–466.

встречаются. Строгого порядка проведения процесса разрешения спора не существовало: иногда делом занимался сам царь, причем довольно быстро и «благоразумно», обычно не в пользу челобитчика, которого, в итоге, ставили ниже того человека, на которого он жаловался (так, например, был поставлен Борис Годунов выше князя Ивана Сицкого в 1571 г.)¹². В иных случаях назначали одного-двух бояр и дьяков при них. Случалось, что, дабы избежать спора, конфликтующих воевод *разводили* – переводили с одной пограничной стражи на другую, более отдаленную. Известны случаи, когда Иван Грозный, взяв на себя ответственность судить челобитчиков, сам выводил их поколения и придумывал отношение по службе, по которому и приказывал вынести решение¹³. Местнические отношения между чужеродцами определял сложный «двойной» счет – по *родословцу* и по *разрядам* одновременно¹⁴.

Споры могли возникать и внутри одного рода, между родственниками, но решались они обычно полюбовно, домашним разбирательством¹⁵. Для этого существовал простой местнический счет, суть которого выражается в словах: «*первого брата сын четвертому дяде в версту*», то есть, такой счет определял генеалогическое отношение лица к его родственникам¹⁶.

Система местничества была запутанной и непонятной не только для исследователей, но и для современников и участников событий¹⁷. Местнические порядки действительно сопровождалась большой путаницей, которая с течением времени и разрастанием родов вызывала все больше затруднений. К тому же, система местничества значительно затрудняла государственное управление: способные, но недостаточно родовитые люди не могли занимать высоких постов на военной или государственной службе, в то время как членам знатных фамилий, даже без нужных навыков, дорога к высоким должностям была открыта. Но, с другой стороны, эта система была опорой и гарантией политического положения боярства, т.к. местничеством служивая знать защищалась как от произвола государя, так и от лиц, «несправедливо» претендующих на более высокую должность¹⁸.

XVII век в истории России знаменателен в том числе тем, что в это время осуществилось прикрепление лиц к конкретному месту (как крестьян – к земле, так и бояр – к той же земле,

---

¹² Валугев Д.А. Указ. соч. С. 14–15.

¹³ Там же.

¹⁴ Ключевский В.О. Указ. соч. С. 460. Государев родословец – составленная при Иване Грозном родословная книга, содержащая поименные росписи важнейших служилых родов в порядке поколений. Разряды – росписи назначений на высшие должности – воеводы, наместники, начальники приказов и пр.

¹⁵ Валугев Д.А. Указ. соч. С. 24.

¹⁶ Ключевский В.О. Указ. соч. С. 461.

¹⁷ Подробнее о системах местнических счетов в лекции XXVII. В.О. Ключевского, указ. соч.

¹⁸ Ключевский В.О. Указ. соч. С. 467.

на правах владения). Прикрепление крестьян к земле совпало с фактом владения землями служилым сословием за его службу и «передало местническому распорядку понятия о праве и действительных прав одних над другими»¹⁹. Закрепление конкретных лиц за конкретным местом постепенно привело к тому, что местническая система стала отмирать за ненадобностью: теперь все, кто имеет землю и крестьян, обязаны были нести службу. Наряду с этими процессами рос бюрократический аппарат, возросла роль приказов, назначение в которые шло в обход системы местничества. Этот процесс ускоряла политика государей, понимающих, что местничество приносит больше вреда, чем пользы государственным и военным делам. Местнических дел стало все меньше, тем не менее, они не исчезли вовсе²⁰.

Попытки принять меры, хоть и не решительные, против местничества были предприняты еще во времена Михаила Федоровича. За несправедливое местничество, т.е. обвинение одним боярином другого в более низком положении, и за отказ в связи с этим от совместной работы ввели наказания: делали выговоры, сажали в тюрьму, лишали мест²¹. За особенно упрямые «обратные челобитья» или непослушание в местничестве могли отправить в ссылку²². В чрезвычайных случаях, когда Москве угрожала опасность, объявлялось «безместие» как в общем порядке, так и в частных случаях. Такое решение, предполагалось, уничтожит возможность неожиданного «челобитья» в ситуациях, требующих решительных действий без промедлений и растраты времени на решение местнических проблем.

В XVII веке местнические споры между боярами рассматривал все так же царь, основываясь на разрядных книгах. Решение царя оформлялось именованным указом и доводилось до сторон, как правило, дьяком разрядного приказа²³.

Процедура отмены и ее обоснование

Теперь, наконец, мы можем перейти непосредственно к вопросу отмены местничества, о котором нам известно из «Соборного деяния об уничтожении местничества». Прежде всего, будет логичным прояснить, кто принимал участие в процессе обсуждения. Во-первых, это сам царь Федор Алексеевич - фигура, без которой процедура отмены состояться не могла. «Председателем комиссии», вторым по важности светским лицом, был назначен князь Василий Васильевич Голицын, которому и было поручено провести подготовку отмены:

---

¹⁹ *Валуев Д.А.* Указ. соч. С. 161.

²⁰ *Седов П.В.* Указ. соч. С. 94.

²¹ *Ельчанинова О.Ю.* Указы об отмене местничества в системе источников права России XVII в. // История государства и права. 2015. № 2. С. 60.

²² *Маркевич А.И.* Указ. соч. С. 509.

²³ *Ельчанинова О.Ю.* Указ. соч. С. 61.

Указ об отмене местничества 1682 года...

«разобраться в делах ратных». Кроме князя Голицына в «Деянии» обозначены «выборные люди», стольники, полковники, стряпчие, дворяне и дети боярские – люди, связанные с военным делом и не имеющие отношения к боярству, назначаемые на должности в обход системы местничества, что, по-видимому, говорит о постепенном усилении их роли в государственных делах.

Итак, 24 ноября 1681 (7190) года царь Федор Алексеевич поручил в ведение князю В.В. Голицыну ратные дела, в которых тот должен был разобраться и доложить о них царю, поскольку прежнее устройство армии «показалось на боях неприбыльно»²⁴, а значит должно было быть исправлено. Изложив этот указ выборным людям, Голицын вверил им решить, «в каком ратном устройении пристойнее быти стольникам и стряпчим, и дворянам, и жильцам»²⁵. И решили выборные люди для «лучшего устройства и крепкого против неприятеля стояния»²⁶ определить стольников, стряпчих, дворян и жильцов не в сотни, а в роты; вместо сотенных голов поставить ротмистров и поручиков, и непременно из тех же стольников, стряпчих, дворян и жильцов. А также «быть им всем без мест и без подбора, а как то государь решит»²⁷.

Выборные люди били челом царю с просьбой о том, чтобы быть всем боярам, окольных и думным людям и всем чинам в Москве в приказах и полках, и во всех делах без мест, там, где государь сам укажет, и никому разрядами и местами не считаться. Разрядные случаи оставить и искоренить, чтобы впредь от этих случаев (споров) во всех делах государевых вреда не было²⁸.

²⁴ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 2. С. 369.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 2. С. 369.

Федор Алексеевич, желая в «благочестивом своем государстве сугубаго добра, лучшего и пристойного в ратях устроения и мирного пребывания»²⁹, приказал патриарху Иоакиму и архиереям, боярам, окольниковым и думным людям прибыть лично в его царские палаты 12 января, чтобы объявить о начинаемом деле и «усоветовать, в каком определении тому удобнее быть»³⁰.

12 января, по всей видимости, состоялся Земский собор³¹. Так или иначе, в царские палаты прибыла вся комиссия с ее «председателем» князем В.В. Голицыным: патриарх московский и всея России Иоаким с архиереями, выборные власти, бояре, окольниковые и думные люди. На Соборе Голицын по указу государя объявил челобитную выборных людей (которая была подана царю еще в ноябре), а по завершении объявления, Федор Алексеевич предоставил слово патриарху Иоакиму, но прежде изложил цель собрания и аргументировал необходимость отменить местничество по следующим причинам. Во-первых, «злокозненный плевелосеятель и супостат общий, диавол, видя от такового славного ратоборства христианским родом тишину и мирное устроение, а неприятелем христианским озлобление и искоренение, всеял в незлобивая преждебывших тогда славных ратоборцов сердца местные случаи возлюбити, от которых в мимошедшая времена в ратных и посольских, и во всяких делах чинилася великая пагуба и ратным людям от неприятелей великое умаление»³². Иными словами, местничество было признано разрушительным для любви, мира и братского соединения. А кроме того было сказано, что оно приносит вред в «делах ратных», то есть мешает эффективно осуществлять государственные, посольские и военные дела. Относительно последних царь Федор привел отдельный аргумент. Во-вторых, царь привел в пример полки, которые участвовали в походах Алексея Михайловича, где некоторые бояре и воеводы были «с месты». В этих полках между боярами и воеводами «быша многие несогласия и ратным людям теснота»³³, что привело в итоге к «упадку ратным людям под Конотопом и под Чудновым».

Аргумент о плохом состоянии русских войск, неэффективном в условиях военных действий, был весомым в обсуждении дальнейшей судьбы местничества. А.И. Маркевич, исследовавший целый корпус местнических дел, предположил, что, вероятно, местничество

---

²⁹ Там же. С. 370.

³⁰ Там же. С. 371–372.

³¹ Вопрос о существовании Земского собора 1681-1682 гг. относится к числу спорных. Так, Л.В. Черепнин оценивал отмену местничества как решение Земского собора. Однако «Соборное деяние» П.В. Седовым было подвергнуто особой критике, и заключено, что повествование «деяний» сильно искажено.

³² Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 2. С. 372.

³³ Там же.

воевод кн. С.П. Львова и С.Р. Пожарского во время Конотопской битвы и привело к поражению в ней³⁴, а во время Чудновской битвы не захотел подчиниться грамоте В.Б. Шереметева киевский воевода кн. Ю.Н. Барятинский. Такие ссоры внутри армии вкупе с искусством польских вождей, очевидно, не содействовали успехам царских войск.

Изложив свои доводы, царь Федор возложил ответственность за решение, уничтожить местничество или оставить как прежде, «быть с месты», на патриарха, который также привел некоторые доводы в пользу уничтожения местничества. Сославшись на заповедь «сохранять любовь среди своих подданных и вести паству к спасению»³⁵, которую государь должен соблюдать, заключено было, что должно избавиться от всякого зла и нелюбви, поэтому «вредное» местничество, чинившее злость и вражду между родами и внутри родов, необходимо было устранить. Следом за патриархом, государь «изволил говорить своим государевым боярам, чтоб они донесли каждый свою мысль безо всякого зазора»³⁶.

Не менее важный, на наш взгляд, довод заключается в том, что в качестве еще одной ценности, ради сохранения которой должно уничтожить разрушительное местничество, царь привел «общее сугубое добро во всем своем царствии»³⁷. Принципиально новая позиция, впервые, по всей видимости, приведенная в официальном документе государства Российского. Мысль об общем благе как идеале, который необходимо поддерживать и защищать, является, скорее всего, подтверждением того, что общественная мысль Западной Европы Нового времени проникла и в Россию. Распространение если не самих философских трудов Джона Локка, Томаса Гоббса, то их идей и «практическое» применение этих идей в российских государственных делах является маркером перехода от средневекового понятия «репрессивного» государства как карательного органа к институту, который «защищает» своих подданных.

Итак, комиссией на Соборе было установлено: искоренить места и разряды, сжечь разрядные книги (за некоторыми исключениями), «чтоб та злоба и нелюбовь совершенно погибла и впредь непамятна была, и соблазна б и претыкания никто никакого не имел»³⁸.

Царь понимал важность местничества для боярства, и, поскольку решение Собора затрагивало права и интересы бояр, особое место в документе отводилось обоснованию легитимности решения обладающей авторитетом духовной властью. Осторожность Федора

---

³⁴ Маркевич А.И. Указ. соч. С. 533.

³⁵ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 2. С. 373.

³⁶ Там же. С. 374.

³⁷ Там же. С. 370.

³⁸ Там же. С. 375.

Алексеевича по отношению к боярству прослеживается в том, что царь, судя по тексту документа, не убеждал отменить местничество, более того, инициатива, якобы шла от «выборных людей», (что, впрочем, не исключает того, что эта идея могла принадлежать и царю). Федор, как видно из текста, лишь соглашался с мнениями сторон, выступающих на Соборе.

«Соборное деяние» не дает прямых указаний на какое-либо открытое сопротивление со стороны бояр, его, по-видимому, и не было, однако последовательное обоснование легитимности решения об отмене местничества, отсылки к авторитету Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, запрет на дальнейшее обращение к местническим порядкам и установка «уничтожить их из памяти» – все эти детали указывают на то, что институт местничества еще не потерял своего значения в известных кругах.

Разумеется, можно предположить, что последовательное обоснование необходимости уничтожить местнические порядки, отсылки к авторитету предков в этом вопросе, обращение к заповедям, сжигание, в итоге, разрядных книг, и «милость» государя, проявляющаяся в позволении боярам, участвующим в Соборе, оставить разрядные книги и держать их в своих домах, – простая риторика. Однако нам эта точка зрения представляется не такой убедительной, как то, что обычай назначения на службу посредством местничества в последней четверти XVII века все еще оставался важным для боярских родов, которые в то время продолжали свою деятельность в государственных делах.

Заключение

В XVII веке местничество перестает быть привилегией аристократии, теперь в споры из-за «мест» вступают не только знатные, но и мелкие чины. Правительство, осознавая «враждебность» этого института, объявляет службы безместными, особенно – в условиях войны или прочих чрезвычайных ситуациях, когда обстоятельства требуют концентрации силы и власти в одних руках.

Вред, который наносило местничество государственным и военным порядкам, осознавался и в высших кругах знати, и самими царями, поэтому в XVII веке постепенно вводятся меры по ограничению этого древнего института, которые, одновременно с изменениями политического устройства и развитием крепостничества, по всей видимости, должны были привести к постепенному отмиранию института.

Проникновение в Россию идей западноевропейской общественной мысли также отражено в процедуре отмены местничества. Принципиально новая для России, впервые высказанная мысль об общем благе как идеале делает этот документ для нас особенно важным.

Обычай назначения на службу посредством местничества был важным для боярских родов. Поэтому, чтобы его ликвидация не привела к пагубным последствиям и потрясениям, большое внимание было уделено обоснованию легитимности этого решения, что означает, во-первых, то, что этот институт, хотя, видимо, и потерял былые масштабы, все еще сохранял свою значимость. Во-вторых, само существование приверженцев местнической системы в лице бояр, с нашей точки зрения, противоречит расхожему в историографии мнению о вызванном временем необходимости отмены местничества.

Библиография

- Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 2. (1676-1688). СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. С. 368-378.
- Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, по истории, географии и генеалогии российской касающихся. Изданная Николаем Новиковым, членом Вольного Российского собрания при Императорском Московском университете. Издание второе, вновь исправленное, умноженное и в порядок хронологический по возможности приведенное. Часть 17. М., 1791. С. 422–455.
- Собрание государственных грамот и договоров. Т. 4. № 130. М., 1928. С. 395–410.
- Буганов В.И.* «Враждотворное» местничество. // Вопросы истории. 1974. № 11. С. 118–133.
- Валуев Д.А.* Исследование о местничестве. Типография Августа Семена. М., 1845.
- Ельчанинова О.Ю.* Указы об отмене местничества в системе источников права России XVII в. // История государства и права. 2015. № 2. С. 59–64.
- Ключевский В.О.* Курс русской истории. (Лекция XXVII). М., 1993.
- Маркевич А.И.* История местничества в Московском государстве в XV-XVII вв. Т. 2. Одесса, 1888.
- Седов П.В.* Конец местничества. Российское самодержавие и бюрократия. Сборник статей в честь Н.Ф. Демидовой. / Отв. ред. А.А. Преображенский. М.-Новосибирск: Древлехранилище, 2000.
- Томсинов В. А.* Царь Федор Алексеевич как государственный деятель и человек // Томсинов В.А. Законодательство царя Федора Алексеевича: 1676–1682 годы. Законодательство царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича: 1682–1696 годы. М.: Зерцало, 2012. С. 10–63.

Чернышевский как материалист: о *новых людях*, счастье и о том, *что делать*

Дарья Чаганова (образовательная программа «Философия»)

Введение. Почему Чернышевский и «что делать» в работе?

Русская философия на протяжении долгих лет пытается найти ответы на два вопроса «Кто виноват?» и «Что делать?». В этих формулировках, ставших устойчивыми не только в русскоязычном пространстве, выразили вопрошание нашего человека две ключевые фигуры социально-политической мысли России XIX века: Александр Иванович Герцен и Николай Гаврилович Чернышевский. Стоящие у истоков русского социализма, они развивали мысль о поиске «виноватых» в существующем положении дел и возможном пути развития общества. Так, если проблема, поставленная Герценом, не была разрешена, и продолжала требовать ответа от современников и последующих мыслителей, Чернышевский не только поставил вопрос, но и предложил возможный путь благоустройства действительности. За идеями Чернышевского последовали многие поколения народников и социал-демократов¹.

Среди значимых русских философов едва ли найдется много личностей, которые по своему масштабу превосходят автора «Что делать?» или столь точно улавливают «дух эпохи». В связи с этим, литературно-философское наследие Чернышевского тщательно изучено, хорошо известно о круге его чтения и воззрениях. Проблема же заключается в том, что материалистические взгляды и антропологический подход философа часто неудачно искусственно разрывают с его социальным проектом. На самом деле, система Чернышевского стройна и многослойна, и в наше время, которое по настроению смутно напоминает 60-е годы XIX века, исследователи до сих пор могут найти в ней актуальные на сегодняшний день предложения и резонирующие мысли. В данной работе мы попытаемся проанализировать социально-философские идеи Чернышевского-материалиста, обозначив их связь с современными ему философскими системами. В этом разыскании перед нами стоит несколько задач. Для начала мы проследим формирование взглядов философа и его идейный базис. Во-вторых, рассмотрим преемственность идей в *opus magnum* Чернышевского «Что делать?» и других работах. Наконец, обратимся к некоторым ключевым понятиям мыслителя,

---

¹ Чернышевский Н.Г. Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 5.

Чернышевский как материалист...

касающимся благоустройства жизни – это поможет нам ответить на вопрос, почему именно Чернышевский, а не кто-либо иной стал выразителем «духа эпохи».

Антропология и апология: материализм Чернышевского и другие взгляды как основа воззрений о социальном благе.

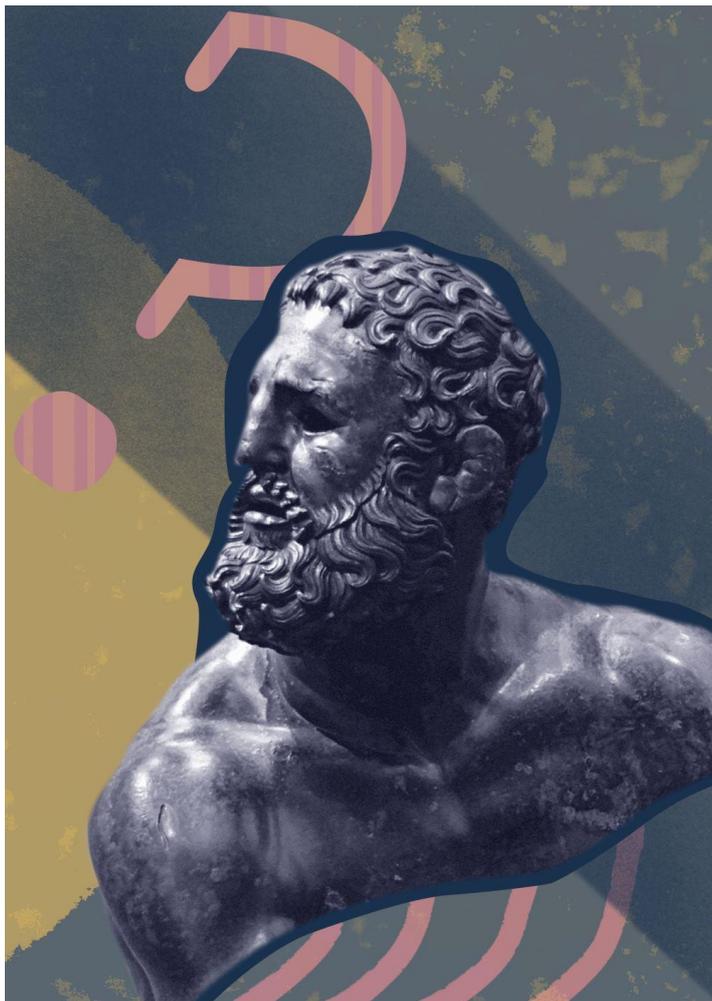
Как известно, Чернышевский – сын священника. Он получил качественное домашнее образование, прекрасно знал Библию и много иностранных языков. Юноша показал отличные результаты в семинарии и поступил на философский факультет Петербургского университета, где и произошло его идейное становление. Под влиянием профессора по всеобщей истории М.С. Куторги Чернышевский познакомился с методами научных исследований и трудами Ф.Х. Шлоссера (интерес к которому не потерял даже во время своего заточения в Алексеевском равелине). Работы Шлоссера дали Чернышевскому понимание, что история не может быть «непрерывным ровным прогрессом»² и что необходимо открывать законы человеческого развития. Постепенно под руководством И.И. Введенского и М.П. Погодина философ познакомился с трудами некоторых материалистов, а также идеями французских утопистов – Сен-Симона, Фурье, Блана и Санд (мотивы, из трудов которых в творчестве Чернышевского мы отметим позже). К 1840-м годам Чернышевский соединил в своих взглядах учение Л. Фейербаха, гегельянство и идею «золотого века»: он верил, что изучение человеческой природы и воспитание человека может помочь в решении практических вопросов социума. Так, предложенное Гегелем новое философское учение в слиянии с естествознанием и антропологией и утопический социализм, как писал сам Чернышевский, дали ему и его современникам «уверенность, что “золотой век” находится не позади, а впереди...»³. Важно, что натуралистический материализм мыслителя не фокусировался на человеческих страстях, но был также неразрывно связан с нравственностью человека как индивида в гражданском обществе («Материальные и нравственные условия человеческой жизни и экономические законы, управляющие общественным бытом, были исследованы с целью определить степень их соответственности с требованиями человеческой природы и найти выход из житейских противоречий, встречаемых на каждом шагу...»⁴ – писал Чернышевский).

---

² *Чешихин-Ветринский В.Г.* Н.Г. Чернышевский. Петербург, 1923. С. 13.

³ *Чешихин-Ветринский В.Г.* Указ. соч. С. 36.

⁴ *Чернышевский Н.Г.* Очерки гоголевского периода русской литературы // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 3. М.: Гослитиздат, 1947. С. 179.

Французские материалисты ставили в центр своих работ человека, его природу и нужды. Долгое время человеческое счастье воспринималось как нечто постыдное, в то время как стоические идеалы, призывающие презирать наслаждения, были очень популярны (особенно во времена Французской революции). Против них решительно выступили Ж.О. де Ламетри и К.А. Гельвеций («Так будем же антистоиками!»)⁵ – этот призыв Ламетри и сейчас, в связи с трудами Чернышевского, имеет основания). Рассуждая об устройстве человека и механизмах его воспитания, материалисты заключили, что счастье может быть найдено в отходе от смутных поисков дуализма (Гегезия и

Декарта), в обращении к «путеводным звездам» – природе и разуму. Следом за материалистами, составляя учение о человеке, Н.Г. Чернышевский сформулировал идею монизма, согласно которой понимание человека и его социальной действительности зависит от изучения его природы (с помощью медицины, физиологии, химии). Однако несправедливо будет заключить об имморализме как французских материалистов, так и Чернышевского. Рационализм в философии и литературе 40-х годов XIX-го века проникался риторикой реализма в стремлении показать натуру человека и говорить «как есть», и лишь после – как «должно быть». Здесь нам необходимо прибегнуть к понятиям реализма и разумного эгоизма в связи с *благом-как-пользой*.

Как мы знаем, для материализма счастье упрочено в телесной организации, однако и душевное спокойствие не менее важно, ведь «чем более беспокойна, взволнованна и смущена

---

⁵ Ламетри Ж.О. де. Анти-Сенека, или Рассуждение о счастье // Ламетри Ж.О. Сочинения. М.: Мысль, 1976. С. 266.

душа, тем больше бежит от нее счастье»⁶. Несмотря на множественные обвинения в отходе от морали в мир субъективных наслаждений, именно материализм предлагает человеку вести себя этично не ради трансцендентальной цели, не из-за благоговейного страха перед наказанием и не жертвуя собой. Так, материалистическое соображение, что счастливым можно быть, лишь **не** поступая против совести, станет основой теории *разумного эгоизма*, разработанной Бланом и Фейербахом. Все люди, которые по природе движутся, руководствуясь удовольствиями или отвращениями, в своем столкновении выстраивают нравственную структуру справедливости, ведь нравственность⁷, есть лишь «совпадение наших интересов с интересами общественными»⁸. Соглашаясь с этим суждением и воспринимая человека не как отдельного индивида, но как Человека, Чернышевский пришел к восприятию блага как пользы для Человека-вообще.

Следовательно, как материалист, русский писатель не может быть обвинен в отходе от нравственности, т.к. благо определяется именно мерой приносимой пользой. Разумный эгоизм и английский утилитаризм (того же Джона Милля или Давида Рикардо), призывают к максимальной пользе для максимального количества людей: «Мое счастье не в противоположности общественному, но в том, что полезно для человека-вообще». Так, в связи с материалистической и утилитаристской идеями, Чернышевский создает образ человека, счастье которого может возникнуть только в обществе счастливых людей (развитых, нравственных, воспитанных – что встречается, например, в системе Ш. Фурье). Особенное воплощение эта идея обретает в разработанной Чернышевским концепции семьи, совместной жизни и воспитания (ведь все нравственные чувства суть «продукт воспитания»⁹, среды), мы рассмотрим позднее.

«Совпадение интересов» и нравственное поведение человека требовало осмысления. В полемике между Ж.О. де Ламетри и Б. Мандевилем в материализме рождается мысль о научном подходе к этике, который позволил бы совместить исследование реального (действительного) и учение о желаемом. В связи с этим, необходимо обратиться к Г.В.Ф.

---

⁶ Там же. С. 267.

⁷ Общее место со времен античной философии, которое можно начать с рассуждений Аристотеля о том, что человек – существо, склонное к общению. Так, нравственность рождается не как естественное явление, но в столкновении людей (общая идея Ламетри в труде «Человек-машина» и Гельвеция в работе «О человеке»). Наиболее интересно рассмотреть здесь нравственность в связи с Гегелевской философией права: если мораль предполагает противостояние частного и всеобщего, то в нравственности это противостояние переходит в единство, что достаточно близко материалистической идее о невозможности игнорировать общественные интересы.

⁸ Гельвеций К.А. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1973. С. 213.

⁹ Ламетри Ж.О. де. Указ. соч. С. 288.

Гегелю, с идеями которого Чернышевский был хорошо знаком с университета. Согласно Гегелю, по-настоящему изучено может быть лишь свершенное, наличное. Философ пишет: «Что же касается поучения, каким мир должен быть, то к сказанному выше можно добавить, что для этого философия всегда приходит слишком поздно. В качестве мысли о мире она появляется лишь после того, как действительность закончила процесс своего формирования и достигла своего завершения»¹⁰. Так, возвращаясь к основной теме нашей работы: чтобы писать об этике пропедевтически (*каким поведение человека должно быть*), нужно исследовать ее в наличном (*каково поведение человека есть*), что возможно с помощью неограниченных сил науки. Подход Чернышевского, таким образом, формируется как отбрасывание идеализации, в результате которого образованные люди могут стать близки простому народу и рассказать ему о том, *кто он есть* на самом деле. Критикуя «славянофилов и других идеалистов», Чернышевский советует: «Говорите с мужиком просто и непринужденно...»¹¹. Кроме того, людям иногда нужно объяснить, в чем состоит их счастье (что близко риторике французского Просвещения), ведь некоторые из удовольствий могут вести не к благу-пользе, а страданию. Свою точку зрения по данному вопросу Чернышевский излагает в главном труде – «Что делать?», где он облекает социально-политические идеи в простые, многими раскритикованные за «нелитературность», формулировки и ловко обходит цензуру благодаря лежащему на поверхности любовному сюжету. Этот сюжет раскрывает *романтизм* в творчестве Чернышевского: красивая история Веры, Лопухова и Кирсанова служит не просто драпировкой для идей, но настоящим их воплощением не только в каждом из героев, но и в их «совместности». Так, с верой в науку как освободительницу человечества, автор романа «Что делать?» описывает утопическую *жизнь-вместе*, которая – как подлинная романтическая основа¹² – становится шагом к общему благоустройству.

Opera¹³ Н.Г. Чернышевского: романические воплощения материализма / гегельянства / романтизма.

В своих трудах Чернышевский призывал подчинить все (труд и досуг, семью и воспитание, естествознание и другие науки) общественному благу. По его мнению, подлинная единая

---

¹⁰ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 55.

¹¹ Чернышевский Н.Г. Не начало ли перемены? // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 7. М.: Гослитиздат, 1950. С. 888.

¹² По выражению исследователя В.В. Зеньковского: «Под покровом реализма сохранилась настоящая и подлинная романтическая основа» // Зеньковский В.В. История русской философии. М.: Академический Проект, Раритет, 2001. С. 317.

¹³ Lat. «труды» от opus – «труд».

научная теория должна отвечать потребностям современной жизни и предотвращать не только социальные, но экономические и юридические опасности. Этот мотив прослеживается во всем творчестве Чернышевского. Еще в основу своей диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности» (1855 г.) мыслитель положил тезис о том, что прекрасное есть жизнь, разрушая стереотип о прекрасном как трансцендентном и далеком. Здесь мы прослеживаем некоторую связь с Йенской школой: *повседневное, бытовое, заурядное* мистифицируется и эстетизируется. Так, в диссертации Чернышевского образ прекрасного в повседневности (*в том, как есть*, а не как должно быть), сопряжен с идеей служения искусства задачам и проблемам действительности, а также ее преображения. Гораздо позже в учении о государстве философ предположил, что правители должны вести кодификационную и законотворческую деятельность. Материализм и гегельянство (в философии права) объединились здесь в уверенности, что иллюзия индивида «о противоположности своих выгод с общечеловеческими интересами»¹⁴ является губительной; потому в стремлении к всеобщему счастью каждый становится частью прогресса. Постепенная технократизация, рациональное законодательство и «положительные законы» в экономике, по мнению Чернышевского, должны привести народ к «золотому веку», представляющему наивысшие достижения всех эпох в разных сферах научной и нравственной жизни. Таким «золотым веком» в рамках созданной Чернышевским «теории трудящихся» стал социализм, где трудовая деятельность в качестве мотивации имеет благосостояние самого индивида-работника (скорее всего, в этих воззрениях Чернышевский опирается на английских деятелей – полит-экономиста Д. Рикардо и Р. Оуэна, а также французских социалистов-утопистов). Движение к «золотому веку» наглядно представлено в жизни героев романа «Что делать?»: в их труде, взаимоотношениях, досуге и даже снах.

Для начала нужно сказать, что «Что делать?» встроен в основные философские системы современности Чернышевского. Роман открывается «самоубийством» Лопухова из-за искренней любви и уважения к выбору своей супруги: понимая, что Вера и Кирсанов взаимно влюблены, молодой человек «уходит со сцены». Подобный мотив уже встречался у французских мыслителей – а именно в романе утопистки Ж. Санд «Жак».

Хотя Чернышевского часто обвиняли в попирании традиционных ценностей и брака (например, одним из его ярых противников был В.В. Розанов) – писатель, наоборот, отрицает старую систему буржуазной семьи, которая заставляет супругов лишь медленно ненавидеть

---

¹⁴ Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 7. М.: Гослитиздат, 1950. С. 288–289.

друг друга. Здесь для нас крайне важна фигура Веры Павловны: женщина эмансипируется – сама выбирает своего спутника жизни (или предпочитает отсутствие такового). Мы наблюдаем полемику со всеми традиционными суждениями о браке и даже с Гегелем, который писал: «Назначение девушки состоит существенно лишь в браке»¹⁵. Женщина появляется в романе как равная, а не как «предмет роскоши»¹⁶, ведь только с равным можно достичь счастья (не включая властно-подвластные отношения). На первый план в произведении Чернышевского выходят любовь, искренность и свобода выбора: совместная жизнь – это не договор, и брак расторгим, потому что его цель носит нравственный характер (автор снова полемику с философией права Гегеля). Таким образом, по Чернышевскому, брак не строится на чистой формальности (ведь формальность оскорбляет чистоту любви и интимность самого союза). Возможно, здесь писатель вновь вдохновляется йенскими романтиками: например, Ф. Шлегель в «Люцинде» говорил о том, что формальность может лишить любовь значимости. Кроме того, сама модель жизни героев романа напоминает йенское дружественное сожительство, построенное на «моменте чувства».

Роман, воспитывавший революционеров, показывает нам искреннюю, отличную от буржуазной, любовь, пространство жизни-вместе и постоянного развития, что может быть выражено в словах песни Веры Павловны, работающей на даче на Каменном острове¹⁷: нужно работать и учиться, и тогда «дела пойдут». В целом, действие романа разворачивается вокруг Верочки: именно она устраивает швейный кооператив-коммуну, именно на ее примере мы наблюдаем идеал эмансипированного брака, в ее снах излагаются основные социально-политические идеи автора. Здесь же мы наблюдаем еще несколько отсылок – кооператив, устроенный Верочкой, воплощает проект Л. Блана, описанный в «Организации труда», а сон Веры Павловны о будущем обществе отдаленно напоминает технологизированные фаланстеры Ш. Фурье. В отличие от примитивного народнического идеала Герцена, в романе представлен образ рая из железа и бетона на земле (утопия – всегда воплощенный рай). В описанном Чернышевским обществе воплощается утопический идеал: молодые люди имеют время для саморазвития, выстраивая свое счастье среди счастливых людей.

Перед тем, как перейти к заключению, в котором мы рассмотрим романтические образы жизни-вместе, обратимся к критической деятельности Чернышевского. В 1855 году вышло

---

¹⁵ Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С. 214.

¹⁶ Этот мотив встречается часто, например, в описанном А.Н. Островским в «Бесприданнице» разговоре между Кнуровым и Вожеватовым о том, кто должен жениться на Ларисе и какова «цена вопроса».

¹⁷ Нужно обратить внимание на пространство: так, одним из ключевых образов утопизма становится остров как удаленное место (точнее – без-местность), где герои, совершенно не похожие на окружающих, благоустраивают жизнь по законам социального и трудового равенства.

«Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника Святой Горы Афонской инок Парфения», на которое откликнулись многие русские философы и литераторы. В том числе «реалистичный», по словам Н.Г. Чернышевского, текст, свободный от всякой литературности, привлекает протагонистов философской мысли: привлек его самого и Ап. Григорьева (для первого этот труд стал источником историографических сведений, для второго – «ключом к пониманию внутренней жизни народа»¹⁸). Для нас же важно, что на примере «Сказания» заметно, как текст лишился потребности в индивидуализации, автор перестал быть заметен, а выразителем текста стал сам народ – «великий немой»¹⁹. Все, что требуется от читателя подобного текста – *прочувствовать* его (заметим вновь влияние романистической поэтики), соотнести себя с представляющим «дух эпохи» текстом. Это противостояние Текста застывшему Произведению станет для нас ключевым.

Заключение. «Что делать?» как выражение духа эпохи: *жизнь-вместе новых людей*.

Текст Чернышевского стал ареной общественной борьбы, здесь автор представил ответы на вопросы о поиске социального идеала. Именно поэтому в 60-е и 70-е годы XIX века едва ли можно было найти студента, не знакомого с романом «Что делать?». В этом смысле роман был близок Евангелию: его учили наизусть и переписывали вручную, изложенные «заповеди» сердечной жизни и социальной гармонии соблюдались многими поколениями последователей Чернышевского. Идеи философа стали религией «новых людей», которые под влиянием эстетического чувства обрели смысл жизни в утопическом пространстве (ведь «мир должен быть романтизирован»²⁰). «Новые люди» Чернышевского – это не просто образ, а «люди из *утопии* – из ниоткуда»: вне сословного деления, вне стереотипов, формирующие свои взгляды. Автор замечает, что стать подобным героям романа (или лучше них) может каждый. Описанное «как есть» переходит в проект «как должно быть».

Чернышевский недаром предупреждает читателя о герое Рахметове: поясним это, противопоставив «новых людей» Чернышевского и «лишних людей» Герцена. Герцен не сумел найти ответ на вопрос, вынесенный в заглавие своего романа, поскольку видел героев как «лишних людей»: они не нужны Российской действительности в наличности. Хорошо воспитанные, вдохновленные стоическими идеалами, они оказываются вне какого-то

¹⁸ Бузько Е.А. «Сказание» инок Парфения в литературном контексте XIX века. М.: Индрик, 2014. С. 105.

¹⁹ Тесля А.А. «Сказание...» инок Парфения в ситуации наивного чтения // *Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия*. 2015. № 2 (58). С. 126–129.

²⁰ *Новалис*. Фрагменты. СПб.: Владимир Даль, 2014. С. 152–153.

Чернышевский как материалист...

определенного сообщества. Кто виноват, что такие *герои-стоики* с самого начала не находят себе места в социуме? Несмотря на то, что аскет Рахметов из романа Чернышевского так же, как и герои Герцена, не находят себе места и уезжают в США, чтобы там воплотить идеал своей жизни, нам кажется, что в изложенной Чернышевским идее воспитания мудро отрицается стоицизм. Необходим сентиментализм, нужно избежать бесчувственности, социализировать «новых людей», которые умеют выстраивать жизнь-вместе и «*участвовать в собственной жизни*»²¹. Что делать в этой жизни? Чернышевский не дает четкой инструкции, потому что его роман, в подлинном смысле, является Текстом, автор которого надеется на самостоятельность читателя. Именно Текстуральность этого опуса лишает его особенной «литературности»: «реальный» роман Чернышевского с «новыми людьми» и их жизнью становится подлинным выражением духа эпохи.

Библиография

Бузько Е.А. «Сказание» инока Парфения в литературном контексте XIX века. М.: Индрик, 2014.

Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990.

Гельвеций К.А. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1973.

Зеньковский В.В. История русской философии. М.: Академический Проект, Раритет, 2001.

Ламетри Ж.О. де. Анти-Сенека, или Рассуждение о счастье // Ламетри Ж.О. де. Сочинения. М.: Мысль, 1976.

Новалис. Фрагменты. СПб.: Владимир Даль, 2014.

Тесля А.А. «Сказание...» инока Парфения в ситуации наивного чтения // *Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия.* 2015. № 2 (58).

Чернышевский Н.Г. Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.

Чернышевский, Н.Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 3. М.: Гослитиздат, 1947.

Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 7. М.: Гослитиздат, 1950.

Чешихин-Ветринский В.Г. Н.Г. Чернышевский. Петербург, 1923.

---

²¹ По выражению А.И. Герцена в романе «Кто виноват?».

«Спрос на тоталитаризм» накануне революции

Владимир Чернусь (школа философии)

Русская революция была фатальной. Исчерпывающую философскую и историческую аргументацию ее объективных причин предоставляют работы Н.А. Бердяева¹ и Г.П. Федотова². Одной из причин русской революции являются пораженческие и социалистические идеи, которые из трансцендентных сознанию большинства стали имманентными. Например, имманентные идеи царя как помазанника Божия, веры и отечества сначала подверглись сомнению, потом стали симулякрами (формальными ценностями), а затем были отброшены как не актуальные. Трансформацией имманентных идей в трансцендентные и наоборот можно описать любое революционное событие. Изменение ценностей сознания приводит в эмпирической действительности к революции.

***

Творцы русской революции и ее идейные вдохновители – русская интеллигенция, которую Г.П. Федотов характеризует как «идейную» и «беспочвенную»³. По словам Н.А. Бердяева русской интеллигенции была присуща социальная мечтательность⁴, догматизм⁵ и «колониальное мышление», под которым можно понимать некритическое восприятие западных социалистических идей, в частности, марксизма и придание этим идеям религиозного смысла. Следует отдать должное В.И. Ленину, который воспринял марксизм критически, захватил и удерживал власть идеей диктатуры пролетариата. Интеллигенция образца начала XX века в значительной степени происходила из разночинцев и утратила высокий культурный уровень дворянской интеллигенции середины XIX века. Веры в Бога она уже лишилась, но образование получить еще не успела, поэтому воспринимала западные социалистические идеи религиозно, фанатично и тоталитарно.

Русская революционная интеллигенция, которая претендует нести свет народу, никогда не была истинно просвещенной, образованной, культурной, она была полупросвященной, ее сознание было задето лишь поверхностным просветительством⁶.

---

¹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1994.

² Федотов Г.П. Судьба и грехи России. М., 1991.

³ Там же. С. 70.

⁴ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1994. С. 258.

⁵ Там же. С. 259.

⁶ Бердяев Н.А. Духовные основы русской революции. Париж, 1990. С. 38.

Опыт русской революции говорит о необходимости преодоления интеллигентского мышления. Так, либеральные лозунги, под которыми совершалась февральская революция, были трансцендентны сознанию большинства, а неспособность либеральной интеллигенции, привыкшей «хихикать»⁷, удержать власть предрешила трансформацию «февраля» в «октябрь».

Февралисты какое-то время руководили революционной толпой, произносили пламенные речи, но удержать власть они были не в силах. Революционеры не знали, что делать с властью. Куда идти? Война продолжалась по инерции, и в победу в ней уже почти никто не верил. Падение имперского духа и имперского сознания в головах людей очень быстро привело к физическому уничтожению государства и армии. Все это лишь подтверждает тезис Н.А. Бердяева о том, что «духу принадлежит примат над бытием»⁸. И вот, лишившись духа, российское бытие стало стремительно разрушаться.

Русскую интеллигенцию характеризовала принципиальная неспособность конвертировать свои идеи в реальность, а также и то, что эти идеи были неконвертируемы, т.к. они ставили своей целью изменить природу человека посредством изменения экономических взаимоотношений. В этом мы видим ветхозаветные истоки русской революции.

Так, победившие в революционной стихии большевики, предполагали построить социализм, который породит нового человека, а затем и коммунизм, рай на земле, но на практике получился ад: «Облегчение наступит тогда, когда поймут, что идея «социалистического» рая на земле и превращает нашу жизнь на земле в ад»⁹. Напомним, что впервые в писаной истории человечества идея изменить природу человека принадлежит Иосифу. Он практикует большевистские методы продрозверстки¹⁰, экспроприации¹¹ и насаждения социализма с институтом колхозов и государственного рабства¹². Но эксперимент

⁷ Франк С.Л. Из глубины. М., 1991. С. 313.

⁸ Бердяев Н.А. Дух и реальность. М., 2004. С. 239.

⁹ Бердяев Н.А. Духовные основы русской революции. Париж, 1990. С. 55.

¹⁰ Брейшит, Микец: 41:48: И собрал он все съестное тех семи лет, который были в стране Египетской, и собрал съестное в городах: съестное с полей окрестности каждого города собрал он в нем.

¹¹ Брейшит, Ваиграш: 48:14-17. 14: И собрал Йосеф все серебро, какое нашлось в стране Египетской и в стране Кнаан, за хлеб, который покупали; и внес Йосеф серебро это в дом Фараона. 15: И истощилось серебро в стране Египетской и в стране Кнаан, и пришли все египтяне к Йосефу, и сказали: «дай нам хлеба! Зачем умирать нам пред тобой, если вышло серебро?». И сказал Йосеф: «давайте скот Ваш, и я дам вам за скот ваш, если вышло серебро». 17: И они привели скот свой к Йосефу, и дал им Йосеф хлеба за лошадей, за скот мелкий, и за скот крупный, и за ослон; и он снабжал их хлебом за весь скот их тот год.

¹² Брейшит, Ваиграш: 48:18-21. 18: И кончился год этот, и пришли они к нему на другой год, и сказали ему: «не скроем от господина нашего, что так как серебро истощилось, а стада скота уже у господина нашего, то не осталось пред господином нашего ничего, разве только тела наши и земля наша. 19: Для чего погибать нам на глазах твоих, нам и земле нашей? Купи нас и землю нашу за хлеб, и мы и земля наша будем порабощены фараону, только дай семян нам, и будем жить, и не умрем, и земля не опустеет». 20: И откупил Йосеф всю землю египтян

Иосифа ничем не заканчивается, потому что нельзя изменить природу человека посредством изменения социальных и экономических отношений: «Заговорами, бунтами, восстаниями и диктатурами ничего нельзя изменить в жизни социальной, все это лишь накопль»¹³.

Уже следующий фараон «не знал Иосифа»¹⁴. Как он мог его не знать? Видимо, он не хотел ничего о нем слышать. Египетское общество возвращается к своему естественному бытию. Эксперимент Иосифа не удался. Его нельзя обвинять в неудаче по изменению человеческой природы посредством изменения экономических и социальных отношений. До Иосифа этого никто не пытался сделать. Но после него стало очевидным, что это невозможно. При изменении социального строя можно не преобразовать, а исказить природу человека, создав раба:

«Поколение, воспитанное Чека, не может рассчитывать на свободу. Свобода может быть уделом только его детей». Сейчас, через десять лет ягодо-ежовского воспитания, можно только повторить, с еще большей уверенностью и большей Горечью, эти слова»¹⁵.

Итог социального эксперимента по созданию нового человека закончился тем, что в советском человеке нивелировалась ценность свободы как личной, так и социальной: «Самое страшное, что произошло в России, – это не истребление миллионов жизней и огромных материальных ценностей – это вытравление чувства свободы»¹⁶. Свобода вещь нелюбимая, т.к. предполагает ответственность. Русская интеллигенция, которая стала локомотивом русской революции, не привыкла нести ответственность за свои поступки, но она хотела устроить социальный рай по примеру Великого Инквизитора. Поэтому интеллигенция легко отказалась от свободы, и так же легко отказалось от свободы все российское общество. Идея построения социального рая путем отказа от свободы – это тоталитарная идея.

Российская империя образца начала XX века не была тоталитарным государством. Независимые суды, свобода слова, собраний, избирательные права, отмена черты оседлости, а также законы о свободе вероисповедания все это вело к построению правового государства. Конечно, многие законы того времени нам через 100 лет кажутся анахронизмами, например, многоступенчатая система выборов, но, в целом, уровень свободы был довольно высок. И эта свобода была ненавистна. Идея справедливого социального устройства являлась «спросом на тоталитаризм». Институты Российской Империи и лично Николай II этот спрос удовлетворить

для фараона, ибо продали египтяне каждый поле свое, ибо тяготел над ними голод, и стала страна собственностью фараона. 21: А народ он расселил по городам от одного конца Египта до другого.

¹³ Бердяев Н.А. Духовные основы русской революции. Париж, 1990. С. 14.

¹⁴ Шмот: 1:8: И восстал новый царь над Египтом, который не знал Йосефа.

¹⁵ Федотов Г.П. Судьба и грехи России. СПб., 1991. С. 198.

¹⁶ Федотов Г.П. Судьба и грехи России. СПб., 1991. С. 258.

не могли. Временное правительство также не было способно на это, поэтому и потерпело крах. «Спрос на тоталитаризм» смогли удовлетворить большевики, которые ответили колоссальным террором на внешний хаос революционной России.

Следует отметить, что «спрос на тоталитаризм» был не только в кругах представителей левых течений. Корниловский мятеж, изначальный заговор генералитета против царя – это все явления спроса справа. Он наблюдался и в русской религиозной философии. Например, философское учение о всеединстве в лице Е.Н. Трубецкого¹⁷, а позднее С.Л. Франка, это тоталитарные учения, которые используют христианскую риторику. Позднее Г.П. Федотов уже в эмиграции с горечью отмечал, что эмигранты ненавидят большевиков, но хотели бы создать в России такое же тоталитарное государство, только вместо серпа и молота водрузить двуглавого орла.

Все это говорит о тотальной деконструкции христианского сознания накануне революции. «Спрос на тоталитаризм» объясняется желанием справедливого социального устройства, которого можно достичь только методами такого политического режима. Во время революции этот спрос объясняется попытками обуздать внешний хаос. Но в обоих случаях в основании данного явления лежит страх, что хаос из трансцендентного станет имманентным и произойдет крах сознания. Следовательно, сознание во время революции не имело онтологических оснований. Оно стремилось сделать внешний мир основанием своего «Я». В конце концов, «спрос на тоталитаризм» был реализован Сталиным, который забрал власть не только над трансцендентным сознанию миром, но и над сознаниями советских граждан и значительной частью эмиграции. Спрос породил предложение и был удовлетворен. Но необходимо понимать, что если сознание стремиться к тоталитаризму, то это стремление к рабству. Сначала отбирается свобода, а затем и хлеб. Таков трагичный вывод из того, что сознание лишается христианских онтологических оснований и отказывается от свободы, живет идеями «справедливого социального устройства». Идея справедливости также является ветхозаветной (око за око, зуб за зуб). Христианство учит любви и прощению, а не справедливости. Если бы Бог справедливо карал нас за наши грехи, то у нас не было бы никаких шансов на рай, как не имеет на него шансов дохристианская эпоха.

Преодоление тоталитарного сознания возможно в христианстве, точнее в следовании примеру Христа: когда Иисус с учениками переправлялся на лодке через Галилейское озеро, поднялась сильная буря, грозившая опрокинуть лодку. Испуганные ученики разбудили

---

¹⁷Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М., 2000.

Иисуса, и он запретил ветру бушевать и сказал воде: «умолкни, перестань», а затем, обратившись к ученикам, сказал: «Что вы так боязливы? Где ваша вера?». Ученики же в страхе и удивлении говорили друг другу: «Кто же это, что и ветрам повелевает и воде, и повинуются Ему?!»¹⁸. Буря была трансцендентной сознанию Христа и апостолов, но для апостолов она стала имманентной, Христос же сохранял мир и спокойствие. Эти мир и спокойствие из имманентных стали трансцендентными. Они пришли в эмпирическую действительность на смену хаосу и буре. Данное действие Христа находит свое философское выражение у Н.А. Бердяева с его идеей примата свободы над бытием¹⁹.

В Древнем Египте при социалистических реформах Иосифа остаются жрецы, у которых осталась собственность и моральный авторитет в народе²⁰. Здесь напрашивается параллель с Русской Православной Церковью, к контролю над которой стремились большевики, и им это практически удалось. Египетское жречество вернуло египтянам их естественный уклад жизни²¹, но сможет ли Русская Православная Церковь избавиться от оков чека, цезарепапизма и стать той жизненной силой, которая выведет общество из рабства советского остается открытым.

***

С 1917 года история в России обратилось вспять. Культура Российской Империи имела христианские основания. Даже революционеры-народники обладали моралью атеистических мучеников за веру.

Социалистические идеи большевиков – это Ветхий Завет. И нужно отдать должное советской власти, что с морально-нравственной точки зрения при ней общество соблюдало хотя бы формально семь законов потомков Ноя. Но после краха советской власти в российском социуме эти минимальные моральные требования также были поставлены под сомнение.

***

Анализ соотношения сознания и русской революции приводит к выводу о том, что, теряя православную веру, русский человек очень быстро впадает в идолопоклонство и лишается человеческого облика. Как только таких людей становится существенное количество,

---

¹⁸ Мф. 8:23-27; Мк. 4:35-41; Лк. 8:22-25.

¹⁹ Бердяев Н.А. Н.А. Бердяев: pro et contra. СПб., 1994. С. 23.

²⁰ Брейшит, Ваиграш: 48: 22: Только земли жрецов он не купил, потому что бал надел жрецам от фараона, и они питались своим наделом, который дал им фараон; потому и не продали своей земли.

²¹ Брейшит, Микец: 41:40: Ты будешь над домом моим, и по велению твоему будет управляться весь народ мой; только престолом я буду выше тебя. (Указания на то, что фараон будет только престолом выше Иосифа нет в Ветхом Завете, тогда как из этого следует вывод о том, что жречество остается в юрисдикции фараона)

эмпирически это приводит к русской смуте²². Любая попытка построения «лестницы в небо», устройства рая на земле неизбежно приводят к идолопоклонству, что подтверждает тезис Н.А. Бердяева о том, что, как только человек перестает поклоняться Богу, он начинает придумывать себе богов, поклоняться вещам²³:

Опыт русской революции также говорит о необходимости преодоления интеллигентского сознания, которое характеризуется социальной мечтательностью, идейностью, беспочвенностью, нигилизмом и неспособностью конвертировать свои идеи в реальность. Изначально русскую интеллигенцию породило дворянство, потом она была разбавлена разночинцами, что, с одной стороны, понизило ее культурный уровень, с другой, – окончательно ее радикализировало. Процесс превращения дворянства в интеллигенцию фатален. Призвание дворянства заключалось в том, чтобы стать аристократией, избранным меньшинством, жизненной силой, которая творит культуру, расширяет границы империи, покрывает себя славой на полях сражений. В статье «Революция идет»²⁴ Г.П. Федотов показывает, что дворянство справлялось с этой функцией до восстания декабристов, но после восстания оно было заменено Николаем I на бюрократию и превратилось в интеллигенцию. Из этого можно сделать вывод, что интеллигентность – это ложный путь актуализации сознания. Духовное преодоление революции будет заключаться в возврате ценности свободы и христианских ценностей.

Библиография

- Бердяев Н.А.* Дух и реальность. М., 2004.
Бердяев Н.А. Из глубины. М., 1991.
Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1994.
Бердяев Н.А. Духовные основы русской революции. Париж, 1990.
Бердяев Н.А. Н.А. Бердяев: pro et contra. СПб., 1994.
Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М., 2000.
Федотов Г.П. Судьба и грехи России. СПб., 1991.
Франк С.Л. Из глубины. М., 1991.
Франк С.Л. Из размышлений о русской революции. М., 2010.

---

²² *Франк С.Л.* Из размышлений о русской революции. М., 2010. С. 260.

²³ *Бердяев Н.А.* Я и мир объектов. М., 2004. С. 95.

²⁴ *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России. СПб., 1991.

Критика эмпиризма и идеализма в «Письмах об изучении природы» А.И. Герцена

Егор Садаков (образовательная программа «Философия»)

Введение

В настоящем эссе рассматривается критика эмпиризма и идеализма в «Письмах об изучении природы» А. И. Герцена. Может показаться, что в «Письмах» Герцен ограничивается изобличением последовательно воплощаемых установок мнимого эмпиризма и одностороннего идеализма и следствий, вытекающих из них. В действительности же, Герцен предстает перед нами в качестве философа жизни.

Центральный вопрос «Писем» о соотношении мышления и бытия неслучайно ставится Герценом одновременно с вопросом об абсолютном бытии и абсолютном небытии. «Беличье колесо жизни»¹ и его вращение, создающее новые жизненные формы, составляют главный интерес Герцена-натурфилософа. Эмпирик и идеалист сталкивают единичное и всеобщее в природе, приводят их в состояние вражды. Последовательный приверженец мнимого эмпиризма отказывается восходить от единичного к всеобщему, провозглашает невозможность восхождения от вещи к понятию. В свою очередь сторонник одностороннего идеализма начинает с мышления, то есть понятия, но никогда не достигает вещи, поскольку его ум с начала и до конца своего пути игнорирует вещи: для него единичная вещь онтологически ничтожна.

В «Письмах» Герцен предлагает «встать над» этими системами, чтобы увидеть природу со стороны ее разума. Если бы только человек был разумен, познание сделалось бы невозможным. В этом смысле возможность познания возникает лишь постольку, поскольку природа также содержит разум. Познание требует разума не только от человека: столь же необходим «разум предмета»².

Примирение эмпиризма и идеализма оказывается вместе с тем примирением всеобщего и единичного, понятия и предмета, *рода и человека*. Герцен выступает одновременно против двух зол – онтологического неприятия всеобщего со стороны эмпиризма и признания идеализмом ничтожности и небытия единичного. Герцен критикует характерные для этих

---

¹ Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 3. Дилетантизм в науке. Письма об изучении природы. М, 1954. С.156.

² Там же. С. 146.

позиций атомизм и динамизм, которые известны еще со времен греческой философии. Атомисты не видят того, что единичное не может обойтись без всеобщего, в то время как динамисты признают только всеобщее и не способны увидеть единичное.

По Герцену, истина есть «единство односторонностей»³. «Строгое требование „того или другого“ очень похоже на требование „кошелек или жизнь!“»⁴. В ответ на вопрос «эмпиризм или идеализм?» Герцен предлагает понимать противоположное, мышление и предмет, в сочетании. Анаксагоров *нус* лежит в основании природы и мышления. По Герцену, бытие (*res extensa*) и мышление (*res cogitans*) не противоположные друг другу, а соразмерные субстанции. В природе *нус* проявляется в виде единичного, а в мышлении *он* дает о себе знать в виде всеобщего. Если предмет, который намеревается познать разумный человек, не упорядочен в соответствии с разумом и не устроен разумно, то как ему удастся познать его? Герцен – гносеологический оптимист, сохраняющий веру в разумность мира и соразмерность ему разумного человека. Герцен отвергает онтологию абсурда, предустановленной неразумности мира и горе-разумности человека, обладающего разумом непонятно для какой цели. Разум человека и разум природы делают возможной свободу.

Эмпирическая «груда фактов» и идеалистические понятия без содержания

*Die Sonne tönt nach alter Weise
In Brudersphären Wettgesang,
Und ihre vorgeschriebne Reise
Vollendet sie mit Donnergang.
Ihr Anblick gibt den Engeln Stärke,
Wenn keiner sie ergründen mag;
Die unbegreiflich hohen Werke
Sind herrlich wie am ersten Tag.*

Goethe

«Письма об изучении природы» А. И. Герцена представляют собой не просто попытку осмысления двух главных гносеологических систем Нового времени – эмпиризма и идеализма. Герцен ставит перед собой завораживающую ум цель и если не достигает ее, то, по крайней мере, со всей ясностью подчеркивает необходимость ее достижения.

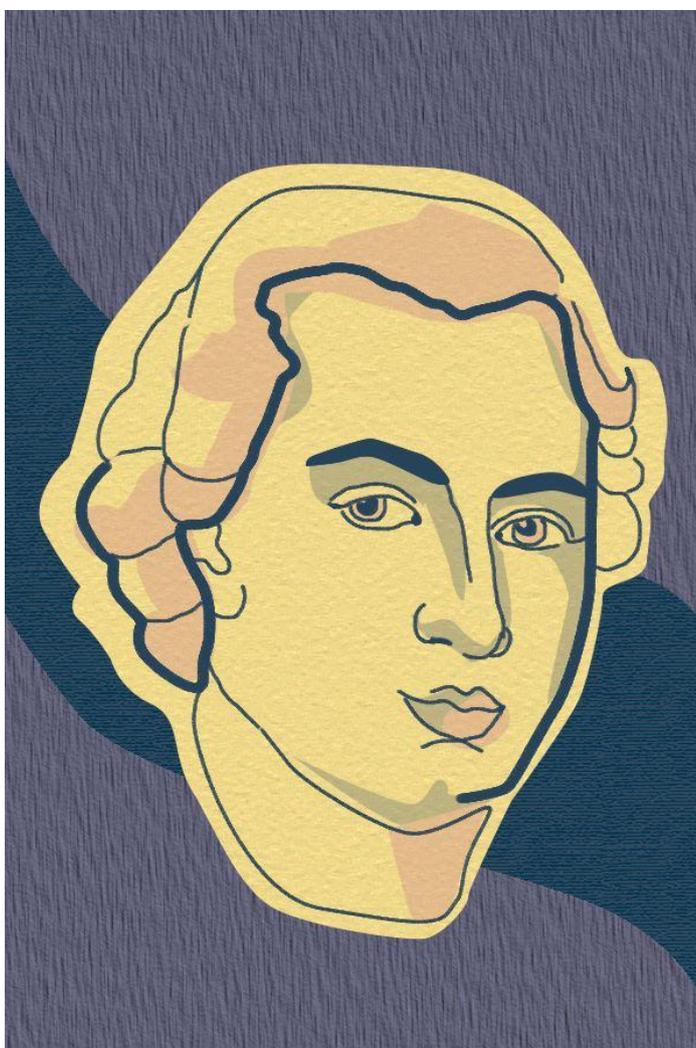
---

³ Там же. С. 160.

⁴ Там же.

Его намерение состоит в том, чтобы наметить путь к созданию новой методологии, способной вобрать в себя лучшие черты эмпиризма и рационализма и в то же время положить конец учености, которая или «складирует» факты, пренебрегая мышлением, или умножает не имеющие содержания понятия, пренебрегая эмпирическими данными. Герцен не желает довольствоваться ни эмпиризмом, который вырождается до инвентарного списка «познанных» явлений, ни рационализмом, который начинает с понятия и не идет дальше него. Он считает необходимым направить интеллектуальные усилия на выяснение того, в каких отношениях находятся мышление и бытие, знание и предмет, человек и природа.

Герцен критикует эмпиризм, последовательный в своей односторонности, за формы, которые приобретает осуществляемое на такой манер познание. Познающий оказывается в страдательном положении наблюдателя, который в стремлении найти опору в чувственной достоверности желает только одного – аффицироваться предметом. «Само собою разумеется, – заявляет Герцен, – что для мыслящего существа это так же невозможно, как организму принимать пищу, не претворяя ее»⁵. Эмпиризм, останавливающийся на этапе аффицирования, – мнимый эмпиризм, который, согласно Герцену, и вовсе не заслуживает права носить столь почетное имя. Наученные обнаруживать новые формы в природе, такие эмпирики почему-то не придают значения формам, которые должно приобретать правильное мышление. «Эмбриология истины»⁶ оказывается чуждой для физиолога.

⁵ Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 3. Дилетантизм в науке. Письма об изучении природы. М, 1954. С. 96.

⁶ Там же. С. 96.

С точки зрения Герцена, прекращение антагонизма между эмпиризмом и рационализмом способно изменить облик науки. На философию ложится бремя доказательства того, что противостояние мышления и предмета бессмысленно и вредно. Герцен формулирует идеал познания, который предполагает союз опыта и умозрения. «Без эмпирии нет науки, так, как нет ее и в одностороннем эмпиризме. Опыт и умозрение – две необходимые, истинные, действительные степени одного и того же знания; спекуляция – больше ничего, как высшая развитая эмпирия...»⁷. Рассудок не способен действовать в одиночку так же, как разум не может обойтись без рассудка. Рассудок не может мыслить и создавать понятия, тогда как разум не имеет доступ к эмпирическим данным и чувственной достоверности. Рассудок и разум нуждаются друг в друге. «Это два магдебургские полушария, которые ищут друг друга и которых, после встречи, лошадьми не разорвешь»⁸.

Забывающий о несовпадении представления и предмета, идеализм впадает в односторонность иного рода. По Герцену, такой идеализм сначала создает пустые понятия, а затем произвольным образом наполняет их содержанием. Игнорирующий опыт, идеализм не способен сформулировать новый философский «совершеннолетний» язык. Если идеализм научится иметь дело с частным и предметным, позаимствует у эмпиризма часть его «словаря», его органа, то язык философии и науки станет действительно совершеннолетним. «...Одна спекулятивная философия, выращенная на эмпирии – страшный горн, перед огнем которого ничто не устоит»⁹.

Герцен убедительно показывает, что ученые, занимающиеся естественными науками, недолго остаются в границах собирания опытных данных и норовят поскорее покинуть их. «Дагерротипирование» и ведение «кадастра недвижимого имущества науки» быстро надоедает ученому. По Герцену, собрать эмпирический материал еще не значит познать природу. Собираание опытных данных – необходимое, но не достаточное условие успешной науки. Без восхождения от опыта к мышлению невозможно знание. Естественная наука не может оставить предмет «неприкосновенным», как бы сильно этого не хотели ученые. «... Природа не заключает в себе всего смысла своего – в этом ее отличительный характер; именно мышление и дополняет, развивает его...»¹⁰

---

⁷ Там же. С. 97.

⁸ Там же. С. 98.

⁹ Там же. С. 100.

¹⁰ Там же. С. 105.

Примечательно, что задолго до Ричарда Рорти Герцен критикует воззрение на философию, как на зеркало природы, которое точно отражает истину¹¹. Мышление и язык не позволяют нам увидеть точное отражение в зеркале природы. Подобно Витгенштейну, Хайдеггеру и, собственно, самому Рорти, Герцен высказывается против восприятия мышления в качестве зеркала, которое не изменяет предмет.

Тем не менее, в отличие от них, он не выступает против самого концепта «познания»: напротив, Герцен надеется на прогресс науки, занимает оптимистическую позицию в вопросах ее развития. Более того, Герцен предлагает проект научного реформирования: в соответствии с ним ученый, ухватившийся обеими руками за явления, ослабит хватку и научится переходить от опыта к мышлению, а философ-идеалист осознает необходимость умелого применения эмпирических данных. Герцен не ставит крест на познании, он возлагает большие надежды на естествознание и технику. Естественные науки играют не только важную научную роль, они не суть лишь «наука для науки» и «познание ради познания», «... они подают средства отрешать руки человеческие от непрерывной тяжелой работы». Согласно Герцену, невозможность познания природы имела бы следствием *невозможность достижения свободы*. Непознаваемая, недоступная человеческому разуму и чуждая ему, природа осудила бы человека на вечное рабство. Изолированный от познания, человек не мог бы даже прийти к заключению, что рабство – зло. Так как оно оказалось бы укорененным в природе вещей, нечего было бы и говорить о его неправильности.

По мысли Герцена, сражаться за мертвое – бессмысленное занятие. Другое дело – спасение живого. Понять «явление жизни»¹², как утверждает автор, необходимо ради самой жизни и человека: согласиться с невозможностью познания значит запретить человеку пользоваться правами совершеннолетия своего разума¹³, значит лишить человека способности быть свободным.

---

¹¹ Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1997.

¹² Герцен А.И. Указ. соч. М, 1954. С. 93.

¹³ Кант И. Собрание сочинений: В 8 т. Т 8. М.: Чоро, 1994.

Критика эмпиризма и идеализма в «Письмах...» А.И. Герцена

Библиография

Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 3. Дилетантизм в науке. Письма об изучении природы. М, 1954.

Кант И. Собрание сочинений: В 8 т. Т 8. М.: Чоро, 1994.

Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1997.

Goethe J. W. Faust. Hamburger Lesehefte Verlag, 2016.

Беспочвенность как способ достижения истины и аксио-онто-гносеологизм Льва Шестова

Олег Глебов (магистерская программа «Философская антропология»)

«Апофеоз беспочвенности» Льва Шестова был не понят и не оценен современниками ввиду: 1) их увлечения анархизмом и декадентских настроений, через оптику которых рассматривалось произведение; 2) псевдо-бессистемного стиля автора¹. Почему псевдо? Потому что бессистемность этого текста, как и остальных произведений философа, носит системный характер. Шестов создает новый способ изложения – он всегда говорит о «своем», разбираясь с «другим»². «Свое» всегда дано в наличии и недоступно концептуальному схватыванию различающего и отчуждающего сознания³. К «своему» можно лишь приобщиться, т.к. оно формирует основу для теоретических изысканий, пустых форм рациональности⁴, которыми слишком увлекаются ученые. Желание облечь жизнь в статику, схему обусловлено страхом перед открытой неизвестностью жизни. Шестову же чужда всякая «культура», его размышления касаются не «лучшей», «благой» жизни, а жизни как таковой⁵. Основной интерес философа состоит в фундаментальном эпохэ (др.-греч. ἐποχή)⁶, выводящем нас в сферу чистой жизни, – открытой экзистирующей онтики, совершенно независимой от оснований.

Системность, непротиворечивость и последовательность, по признанию самого Шестова, удаляют мысль от жизни, в которой она рождается⁷. Мысль есть эпифеномен жизни, и в такой структуре второе приоритетнее первого, ведь мысль не может существовать без наличия. Задача «Апофеоза бесчувственности» – «раз навсегда избавиться от всякого рода начал и концов», которые навязываются мыслителями, ведь эта рациональность основана только на вере. Поскольку ноуменальный мир сам по себе нам недоступен, то, изучая его через трансцендентальные структуры, мы опосредованно облачаем его в моральные рамки, и отсюда

---

¹ Шестов Л. Апофеоз беспочвенности / Вступ. ст. А. Тесли. М.: Рипол-Классик, 2018. С. 3–4.

² Там же. С. 5–6.

³ Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. с фр. и послесл. С. Зенкина. М.: Академический Проект, 2009. С. 43–71.

⁴ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга 1. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.

⁵ Шестов Л. Указ. соч. С. 7.

⁶ Гуссерль Э. Указ. соч. С. 72–74.

⁷ Шестов Л. Указ. соч. С. 4.

следует, что мир «морален» и вера в рацию оправдана⁸. Шестов борется с этой позицией методами самого разума, т.к. «незаконченные, беспорядочные, хаотические, не ведущие к заранее поставленной разумом цели, противоречивые, как сама жизнь, размышления – разве они не ближе нашей душе, нежели системы...»⁹. Следовательно, можно сделать вывод, что гносеологема Шестова содержит в себе две составляющие: 1) жизнь, понимаемая как динамическое и открытое, и 2) мысль как статичное и закрытое, как то, что основывается на схватывании данного в жизни, которое облекается в некий теоретически артикулируемый конструкт. Необходимо помнить, что этот конструкт, ввиду момента схватывания-артикулирования (теоретизирования, если артикулирование последовательно и непротиворечиво) происходит: 1) во временности, т.е. в моменте присутствия здесь и сейчас, в праимпрессии, и 2) открывается определенным образом, т.е. в другой момент нечто может открыться иначе, а значит не соответствует жизни. Разумное схватывание-артикулирование – отличный инструмент, но к жизни не всегда применим. Истину такой подход не откроет. Через подобную схему мы не узнаем действительность, а лишь понимаем ее¹⁰. Отсюда следует, что вера в науку и ее «понимание» ничем не превосходит все остальные веры. Рациональное мышление Шестов уподобляет ровному плацу, на котором при помощи логики можно выстукивать уверенным, доработанным до автоматизма шагом рациональные высказывания. Но жизнь, по Шестову, скорее похожа на море, где все неустойчиво и неопределенно.

Мы рассмотрели 51 суждение из первой части «Апофеоза» для того, чтобы понять «бессистемную систему»¹¹ Шестова. Изначально мы планировали структурировать суждения по пунктам: онтология, гносеология, антропология, но чем дальше мы продвигались, тем яснее становилось, что все эти пункты взаимосвязаны, ведь Шестов представляет уникальную парадигму, основание которой мы попытались найти. Ниже приведен анализ важнейших, с методологической точки зрения, суждений.

Суждение 1¹²

Гносеологично и крайне феноменологично. Путнику вне городского центра, где мало света, приходится ориентироваться в темноте и искать дорогу «на ощупь». Лишь случайная молния может озарить округу, и тогда необходимо напрячься и зафиксировать в памяти эту

---

⁸ Там же. С. 11–15.

⁹ Там же. С. 7.

¹⁰ Там же.

¹¹ Имеется в виду структурно-динамическая онтология.

¹² Шестов Л. Указ. соч. С. 23.

секунду просветления. Ошибочно или верно суждение о направлении – не столь важно, ведь страх неизвестного призывает верить хотя бы этому мимолетному просветлению, дающему надежду и основание для дальнейшего движения. Тьма – то состояние, в котором мы находимся вне всякого смыслоположения, это открытость, динамика и жизнь¹³. Вспышка – момент фиксации динамичного нечего (то, что выше мы причислили к онтологической структуре «жизнь»), после которой происходит смыслонаделение, т.е. некая артикуляция, позволяющая ориентироваться. Это свет разума, который схватывает образ сущего, имея его в сознании как предмет, т.е. ограниченное и определенное. Вспышка, как принадлежащее сфере мысли, придает человеку уверенность, умалая страх перед открытой жизнью. Кажется, что этот образ есть укрощенное нечего, дрессированная вещь, понимаемая как неопределенное. Но это не так, ведь есть: 1) временность, в рамках которой сущее динамично, и 2) открытость сущего, т.е. текучесть жизни вне фиксации-артикулирования.

Суждение 3¹⁴

Упомянутый здесь сюжет о кочевниках и оседлых людях появляется у Шестова еще во введении. Там философ утверждает, что «<...> настоящий исследователь жизни не вправе быть оседлым человеком и верить в определенные приемы искания <...>. Он должен быть готов ко всему <...>. Он должен уметь держаться прямо и глядеть на небо, но он же должен, когда нужно, не побрезгать согнуться в три погибели и искать истину на земле»¹⁵. Так, если мы исследуем принадлежащее онтологической сфере жизни (т.е. данное в присутствии вне всяких оснований и теоретических артикуляций = беспочвенность), то мы не имеем никакого права привязываться к определенной методологии. Для различных целей нужны различные инструменты, и если мы занимаемся «пониманием», т.е. трансцендентальной сферой, в которой истина невозможна, то и трансцендентальные методы (упомянутый выше рациональный, ровный и удобный «плац») будут подходящими. Нужно лишь помнить, что эти рациональные «жонглирования» основаны на вере, безосновательны и имеют к жизни опосредованное отношение, это вспышка¹⁶, которая освещает округу, но ненадолго. К тому же, следует учесть, что в цепочке «фиксирование → схватывание → артикулирование → теоретизация» всегда что-либо может пойти «не так» и малейшая ошибка ведет к краху всей системы. А если принять во внимание временный характер вспышки и динамичность

---

¹³ Об этом мы говорили в начале.

¹⁴ Шестов Л. Указ. соч. С. 25.

¹⁵ Там же. С. 21.

¹⁶ См. анализ суждения 1.

Беспочвенность как способ достижения истины...

«округи», т.е. жизни, то выходит, что необходимо искать иной способ взаимодействия с миром. Если мы хотим найти истину, которая содержится в сфере жизни, необходимо быть критичным к используемой методологии и уходить от статичных трансцендентных высот и трансцендентальных глубин к беспочвенной жизни, т.е. к динамичной земле, при этом смотря на небо, т.е. имея в виду сам радио. Так, на наш взгляд, Шестов не желает полностью уничтожить «рациональное» и сферу мысли, он лишь выказывает праведное недоумение от притязаний этой сферы на абсолютность и универсальность; ведь мысль принадлежит жизни и из нее рождается, но при этом отходит от нее в процессе теоретизации.

В самом же отрывке говорится об оседлом человеке, который не понимает, как можно жить без уверенности в завтрашнем дне, без крова, т.е. без радио, и цепочки, описанной выше, т.е. теоретизации, принадлежащей сфере мысли (не жизни). Человек, не знает, что делать без опредмечивания жизни, ограничивая открытых вещей, «но вот случай выгоняет оседлого человека навсегда в лес»¹⁷ – это момент вмешательства жизни, когда наступает беспочвенность, т.е. когда основания теоретического конструкта схватывания жизни и ее описания рушатся, концепты не работают и надвигается нечто. Человек без структуры артикуляции жизни находится в неопределенном, в сфере жизни, он обеспокоен – «<...> он ночует в лесу. Не спится ему: он боится дикого зверя, он боится своего же брата бродяги»¹⁸. Однако Шестов пишет, что, доверившись случаю, человек начнет жить как бродяга без обеспокоенности и даже со временем обретет сон. Соответственно, автор утверждает, что человек способен полноценно жить вне различных структур теоретизации входящего и исходящего, выражаемых как феномены в сознании. Как? – Пока не ясно, но такая возможность существует.

Суждение 6¹⁹

Здесь Шестов говорит об истоке мысли, находящемся в жизни. Отбрасывание мыслей в связи с какими-либо условиями, например, бесполезностью и ненужностью, безосновательно. Эти мысли в любом случае проявят себя, и если не открытым путем, то тайком. Куда они доберутся и как проявятся? – В жизнь и в жизни. Почему? – Потому что мысль есть эпифеномен жизни, она подчинена ей.

Суждение 8²⁰

---

¹⁷ Шестов Л. Указ. соч. С. 25.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 27.

²⁰ Там же. С. 28.

Понять истину можно лишь в онтологической сфере жизни. Истина есть определенный способ существования. «Попасть» в сферу жизни можно через гносеологическую операцию потери всякого основания. Таким образом достигается беспочвенность, ведущая к чистой жизни, т.е. истинности, под которой понимается открытое существование без всяких намеков на смысл в наличном, вне различных интерпретаций и репрезентаций.

Суждение 9²¹

Шестов утверждает, что последние истины нашего существования (сферы жизни) не могут быть определены и раскрыты, но это не значит, что сфера мысли и вся совокупность структур ей подчиненная должны руководствоваться хаосом, а значит то, что нет ничего странного или негативного в частой смене мировоззрений, ведь один способ мышления о мире ничем не отличается от другого в плане соотнесенности с онтологической сферой жизни. Любое мировоззрение есть статика, пытающаяся ухватить и объять динамичную жизнь, но это невозможно (в виду динамичной и неопределенной природы жизни, следующей из временности и различности перетекания форм сущего). И если открытое существование в беспочвенности вызывает у человека беспокойство, то можно как бы обмануть себя, принимая положение «порядок внутри, хаос снаружи».

Суждение 11²²

Своим умом и воспринимаемым через него опытом мы не можем ограничить произвол, творящийся в природе. Так, Шестов пишет о беспочвенности, т.е. отсутствии всякого основания (например, естественной установки), которое позволяет ему говорить о сфере жизни из сферы мысли. В человеческих суждениях о явлениях есть элементы: 1) случайного и 2) необходимого (ведь мысль как ограничение жизни, статика, коренится в жизни), но мы до сих пор не нашли, и, как утверждает философ, вряд ли когда-нибудь найдем способ различения 1) от 2) из-за ограниченности и несоответствия сфере жизни цепочки сферы мысли «фиксирование → схватывание → артикулирование → теоретизация». Отсюда следует задача философии – «<...> бросить попытки отыскания *veritates aeternae*. Ее задача – научить человека жить в неизвестности – того человека, который больше всего боится неизвестности и прячется от нее за разными догматами. Короче: задача философии не успокаивать, а смущать людей».

---

²¹ Там же. С. 29–30.

²² Шестов Л. Указ. соч. С. 30–31.

Суждение 13²³

Между метафизикой и позитивизмом мало отличий: «И тут, и там – закрытые горизонты, только иначе разрисованные и раскрашенные»²⁴. Теоретизированный способ мышления направлен на предметы, которые всегда определены. Соответственно, горизонт, понимаемый как потенциальность, т.е. совокупность соподрозумеваемых и возможных смыслонаделений сознания, в любом случае сужается. В контексте этого, любая форма артикуляции действительной и динамичной жизни в сознании есть неполнота и несоответствие самой жизни – это лишь вспышка. И несмотря на то, что вспышка метафизики и вспышка позитивизма отличаются друг от друга по содержанию и внутренней структуре, через которую описывается и рассматривается действительное, это все же вспышки, из чего следует, что разницы между ними по отношению к онтологической сфере жизни нет.

Суждение 14²⁵

«Задача писателя: идти вперед и <...> делиться новыми впечатлениями». Впечатления (то, на основе чего строятся когнитивные схемы, т.е. содержания актов сознания) расширяют структуры схватывания мира и мышления о мире, а иногда и рушат их. Писатель отступает от изведанных разумом троп и пускается в опасное путешествие, чтобы показать читателю иное. В таком плане, писатель похож на фихтевского героя, который своей деятельностью учреждает новое, т.е. другое, изменяющее действительное.

Суждение 21²⁶

Человек, использующий логическое мышление, невольно убеждается в том, что есть только один способ достижения истины, хотя на самом деле логикой достичь истину невозможно, о чем мы говорили выше. Философия, по Шестову, не должна иметь с логикой ничего общего, ведь она есть сфера фантастического, где все одинаково возможно и невозможно. Философией должны заниматься «<...> бездомные авантюристы, природные кочевники <...>» – номадический мотив, который Шестов использует уже третий раз за 42 страницы. По мнению автора, широкий горизонт с низкой степенью определенности, а лучше без нее, способен приблизить нас к беспочвенности, а оттуда к истине.

---

²³ Там же. С. 32.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 41–42.

Суждение 25²⁷

Это суждение – философское откровение Шестова. Здесь он пишет, что «Сократ и Платон под вечно изменяющейся видимостью пытались найти постоянную, неизменную сущность». Основное утверждение Платона – «видимая, никогда себе не равняющаяся, принимающая миллионы разнообразных форм действительность – не есть истинная реальность». Т.е. философу трудно уследить за динамичной жизнью, и он решает назвать все динамичное фикцией. Для понимания этого отрывка следует обратиться к суждению 23²⁸, где говорится о том, что все метафизические системы убедительны, ведь они раскрываются с базового понятия – с предпосылки, которая обычно является ложной. Таким образом, редукция динамичности в системе Платона является ложной предпосылкой, лишаящей мысль онтологической сферы жизни, из которой она проистекает. Следовательно, осмысляется не жизнь, а «отдаленные понятия», не имеющие отношения к жизни, в которой раскрывается истина.

Суждение 37²⁹

Самые важные и сокровенные, имеющие отношение к жизни и истине мысли являются нам «голыми». Трудно облечь ценное, которое принадлежит сфере жизни, в слова, ведь слова ограничивают и придают определенность. В пошлостях и обыденностях можно быть многословным, сказать же что-то определенное об истине невозможно – истина не фрагментарна (это скорее поток) и лежит за пределами когнитивной цепочки «фиксирование → схватывание → артикулирование → теоретизация».

Суждение 41³⁰

Учитель, как творец, относится пренебрежительно к своим идеям и может быть непоследователен, ведь знающий человек для того, чтобы быть «героем» и показать иное, вынужден нарушать «правила», т.к. иное, по своему определению, – то, что не вмещается в существующие концептуальные схемы мысленной сферы.

Суждение 45³¹

Чтобы вести спор о теориях, нужно иметь общее основание, т.е. условиться о предпосылках. Спор – это своего рода спорт, игра. Однако, если цель человека узнать жизнь,

---

²⁷ Шестов Л. Указ. соч. С. 45–49.

²⁸ Там же. С. 44–45.

²⁹ Там же. С. 58.

³⁰ Там же. С. 61–62.

³¹ Там же. С. 65.

Беспочвенность как способ достижения истины...

научиться в ней существовать и схватить истину, игра для этого не подходит, т.к. ведется с целью обучения, лишь готовит к прыжку в неизвестное.

Суждение 49³²

Глубоко метафорическое суждение. Мы интерпретируем его следующим образом: для того, чтобы познать истину, необходимо достичь онтологической сферы жизни, для этого нужно оказаться в состоянии беспочвенности, когда все теоретические основания для репрезентации и навязывания концептов наличному (т.е. жизни) исчезают. Со стороны, беспочвенность кажется саморазрушающей деятельностью, но она ведет к жизни в истине.

Таким образом, мы приходим к выводу, что Шестов является представителем структурно-динамической онтологии, в которой определяющие элементы взаимосвязаны так, что при изменении одного из них меняется система в целом. Онтология, гносеология, антропология, аксиология образуют единую структуру. Шестов разделяет жизнь как динамику, в рамках которой рождается мысль, и жизнь как способность «схватывать» эту динамику в статике. Это «схватывание» имеет сложную структуру «фиксирование → схватывание → артикулирование → теоретизация», в рамках которой и формируется способ мышления = способ существования. Мысль, рождающаяся из жизни, отчуждается от нее ввиду логики опредмечивания. В таком способе мышления жизнь умалена, и истина, понимаемая как беспочвенный (безосновательный) способ существования, недостижима. Следовательно, Шестов не желает уничтожить радио, он лишь пытается показать его фрагментарность, частность и безосновательность.

Библиография

Шестов Л. Апофеоз беспочвенности / Вступ. ст. А. Тесли. М.: Рипол-Классик, 2018.

Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. с фр. и послесл. С. Зенкина. М.: Академический Проект, 2009.

Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга 1. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.

---

³² Там же. С. 66–67.

Образование для «Забракованных»: сатира Н.А. Некрасова и политика министерства народного просвещения в журнальном контексте эпохи

Юлия Ким (образовательная программа «Филология»)

Судьба сатиры «Забракованные» наглядно иллюстрирует проявления цензурной политики министерства народного просвещения, которое взяло на себя полномочия по осуществлению цензурного надзора практически над всеми сферами общественной деятельности: от формы одежды учащихся школ и гимназий до предписаний, какие книги людям стоит читать, а какие строго запрещено. Как пишет А.М. Гаркави¹, коллежский советник В.П. Ефремов, назначенный наблюдать сначала за публикациями «Современника», а позже и «Свистка», подготовил донесение, датированное 29 октября 1859 года. Цензор акцентирует внимание на тематике сатиры: в произведении описывается судьба трех юношей, не выдержавших вступительные экзамены в университет. В результате мытарств трех неудавшихся студентов (что подробно описывается в сатире) один из трех юношей (Харчин) погибает в пожаре, а двое оставшихся – Тузов и Триумвиратов – становятся «формальными дармоедами»². Цензор «представил сцены эти на благоусмотрение» министра просвещения, который оставил это донесение без последствий, однако Ефремов все же напомнил ему 29 ноября 1859 г. о своем мнении, пытаясь таким образом побудить его принять меры против автора и журнала. При жизни Некрасова сатира «Забракованные» была опубликована лишь единожды – в 3-ем номере «Свистка» (под псевдонимом «Чурмень»)³, все последующие публикации были посмертными.

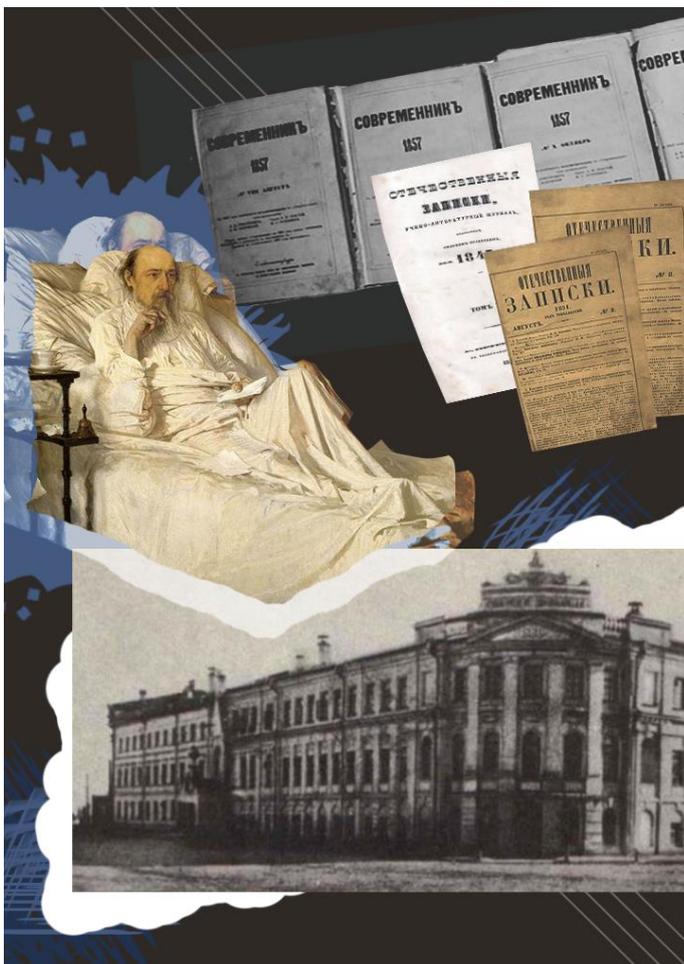
Предметом критики Некрасова в сатире стала просвещенческая политика второй половины XIX века (ужесточение критериев приема в государственные университеты, сокращение числа учебных заведений, предвзятость по отношению к разночинцам). Создание в 1802 году Министерства народного просвещения ознаменовало увеличение роли образования с жизни общества – образование получило организационное оформление на высоком уровне и по значимости было приравнено к основным государственным отраслям (армии, финансам и

¹ Гаркави А.М. Некрасов и цензура // Некрасовский сборник. Т. II / Ред. Н.Ф. Бельчикова, В. Е. Евгеньев-Максимов. М., Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1956. С. 445–457.

² Некрасов Н.А. Забракованные // Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений: в 15 т. Т. 6. Драматические произведения 1840–1859 гг. Л.: Наука, 1983. С. 190–206. Здесь и далее сатира цитируется по данному изданию.

³ Чурмень. Забракованные (Трагедия) // Свисток. 1859. № 3. С. 501–516.

проч.). Однако к 1859 году своего апогея достигло всеобщее антиуниверситетское движение, по меткому выражению А.И. Герцена названное «войной против университетов»⁴.

Сатира «Забракованные», обозначенная автором как «Трагедия в трех действиях, с эпилогом, национальными песнями и плясками и великолепным бенгальским огнем и великолепным бенгальским огнем», выступает одновременно в двух жанрово-стилистических направлениях: описывает действительность и высмеивает ее. Трое юношей, не сумевших выдержать вступительные испытания в университет, описывают свои мытарства. Наиболее показателен пример Константина Харчина: сын уездного приказного, «чинишка малого», т.е. разночинца, бегавший пешком с Охты на Васильевский остров, который так и не смог стать студентом из-за чрезмерной

строгости экзаменационной комиссии. Харчин терпит лишения при подготовке к экзаменам (по словам Триумвиратова, «Он до того зазубривался часто, // Что отливали мы его водой»).

Михайло Триумвиратов, сын сельского дьяка, тезка Ломоносова, отправившийся в столицу за знаниями и также вернувшийся ни с чем, в одном из монологов так объясняет своему отцу причину провала: «Наступил // Век строгости какой-то небывалой...». Харчин же о вступительных экзаменах отзывался как об «экстренной оказии». Слова Харчина и Триумвиратова подтверждаются публикациями Журнала министерства народного просвещения – основного органа печати министерства: 1853 г. было начато дело о пересмотре правил испытаний поступающих в университеты; в отчете министра народного просвещения А.С. Норова за 1857 г. император обратил внимание на переполнение студентами младших курсов медицинских факультетов и постановил «усилить строгость приемных в университеты

⁴ Герцен А.И. Экзамены в Петербургском университете // Колокол. 1859. Л. 57–58. С. 480.

и переводных испытаний»⁵. Следующий министр народного просвещения Е.П. Ковалевский в мае 1859 г. в записке Совету министров установил более строгие правила поступления в университеты – увеличил количество необходимых экзаменаторов на вступительных испытаниях («...на помощь каждому профессору-экзаменатору были призваны по два учителя гимназии...»⁶). Все попечители учебных округов и советы университетов единогласно высказались за ужесточение правил приема на том основании, что «в последнее время обнаружилось сильное понижение уровня элементарных познаний в предметах общего образования, неприготовленность к успешному слушанию университетских курсов большей части молодых людей, поступающих в университеты»⁷.

Кроме того, был ограничен прием крестьян и разночинцев в университеты: официальным рескриптом 1828 года предписывалось брать крестьянских детей только в начальные школы, а в докладе императору за 1850 год значилось, что преимущественное право поступления имели молодые люди, имеющие право заступить на гражданскую службу – дети дворян, чиновников, купцов 1-ой гильдии и т.д. Выходцы других сословий имели право обучаться на богословском факультете в Дерпте, на другие факультеты разрешалось поступать, только если там оставались места после приема дворян. Доклад Николаю I в январе 1850 г. “О принятии в университеты преимущественно молодых людей, имеющих право на вступление в гражданскую службу” гласил, что выходцы из низших сословий, получая университетское образование, «слишком много мечтали о своих способностях и знаниях, и поэтому гораздо чаще делались людьми беспокойными и недовольными существовавшим порядком вещей»⁸. Образование должно развивать общество в пределах одного сословия, не допуская мысли о выходе из состояния, в котором они находятся на данный момент – такова была основная стратегия образования. Про сословность образования говорит и герой Некрасова, причем явно; в одном из монологов Григорий восклицает: «Тузову все простительно: богаты // Соседи наши...», – а позже добавляет: «...но ты [Триумвиратов]... сын нищего дьячка, // Семьи своей единая надежда...».

---

⁵ *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения 1802–1902. СПб., 1902. С. 361.

⁶ *Иловайский Д. И.* Несколько слов о реформах в системе общественного воспитания // *Московские ведомости*. 1859. № 210. 4 сентября.

⁷ *Рождественский С. В.* Указ. соч.

⁸ *Аврус А.И.* История российских университетов. Очерки. М., 2001. С. 24.

Отдельного внимания заслуживают варианты цензорской корректуры сатиры. В частности, были изменены наиболее показательные реплики Триумвиратова и Харчина. Так, отвечая на вопрос отца о причине провала на экзаменах, Триумвиратов отвечает:

Я зубрил, зубрил,
А вышло, что зубрить не надлежало;

что противоречит изначальной задумке Некрасова – показать несправедливость системы вступительных испытаний. Задачей цензора же было показать некомпетентность гимназиста. Этой же цели служит замена упомянутых строк об «экстренной оказии» на

Сидят экзаменаторы -
Крутые господа,
Угрюмы, как сенаторы...

В монологе Харчина семья превращается из «бедной» в «странную»; таким образом, оттеняется очевидный сословный характер образования: В авторскую характеристику Харчина добавляются строки «окончивший курс гимназии», хотя, скорее всего, он окончил не гимназию, куда принимали преимущественно дворян, а уездное училище.

Помимо трех «забракованных» героев – Триумвиратова, Харчина и Тузова, в сатире фигурирует профессор Кадыков, который появляется в эпилоге сатиры (спустя год после пожара, в котором погиб Харчин). На замечание Григория, отца Триумвиратова, о том, что студентов слишком мало и университет может остаться вовсе без слушателей, Кадыков отвечает:

Аудитория далеко не полна,
То правда, брат Григорий;
Зато взглянул бы ты – какая тишина
И никаких историй!

Под «историями», видимо, понимаются заговоры учащихся, которые хотели активно участвовать в политической жизни государства (студенческие волнения 1858–1859 гг. в Харьковском, Казанском, Московском университетах). В образе Кадыкова Некрасов объединяет черты консервативной профессуры того времени.

«Забракованные» – это, помимо всего, журнальная публикация, которую нельзя рассматривать вне публицистического контекста эпохи. Напечатанная в «Свистке»

(приложении к «Современнику»), сатира была частью обширного сатирического «проекта» Некрасова и Добролюбова. Как отмечают исследователи А.А. Жук и Е.И. Покусаев, главной целью «Свистка» была борьба с псевдообличением, «не проникающее до главного, существенного зла» и с критикой «без значительных общественных выводов и требований»⁹. Жанровый состав «Свистка» разнообразен – от легких фельетонов и пародийных стихотворений до более крупных эпических и драматических жанров. Если говорить о тематической близости «Забракованных» с другими публикациями «Свистка», то стоит выделить две тенденции: авторы писали либо о нравах эпохи – образованность, роль науки и псевдонаучность, чиновничий аппарат и государственность, либо конкретно об образовании – а точнее, о студентах. Деятельность передового студенчества затрагивает Эфиоп (псевдоним Н.Г. Чернышевского) в работе «Опыты открытий и изобретений». Чернышевский обращает сатиру на реакционно настроенную часть общества, обсуждающую крестьянский и университетский вопросы, в том числе реакционную профессию (Б.Н. Чичерин; вспомним предвосхитивший его образ профессора Кадыкова из «Забракованных»). Особенное внимание Чернышевский обращает на Московский университет («А Московский университет! О, как я хвалю состав московского университетского совета...»), т.к. основная масса консервативной профессуры преподавала именно там. В частности, Чернышевский ссылается на одно из выступлений Б.Н. Чичерина, – профессора Московского университета – вступительную лекцию по государственному праву, прочитанную 28 октября 1861 г. Лекция содержала открытую «апологию консервативности»¹⁰: критику демократии, призывала студентов не участвовать в манифестациях. Отношение к взаимосвязи образования и политики Чернышевский кратко интерпретирует так – «...наука сама по себе, жизнь сама по себе...», отсылая к словам Чичерина («В стены этого здания, посвященного науке, не должен проникать шум страстей, волнующих внешнее общество»)¹¹.

Кроме того, отринув сатирические методы и пародийность, Чернышевский приводит якобы найденный «одним из наших друзей» отрывок из записок студента Санкт-Петербургского университета за август 1861, где уже открыто обличает образовательную политику времени. В частности, Чернышевский выступает против ограничения доступа молодежи в

---

⁹ Жук А.А., Покусаев Е.И. Свисток и его место в русской сатирической журналистике 1860-х годов // Свисток. Собрание литературных, журнальных и других заметок. Сатирическое приложение к журналу «Современник». 1859–1863. М.: Наука, 1981. С. 407–431.

¹⁰ Примечания к №8 «Свистка» // Свисток. Собрание литературных, журнальных и других заметок. Сатирическое приложение к журналу «Современник». 1859–1863. М.: Наука, 1981. С. 516–539.

¹¹ Чичерин Б.Н. Вступительная лекция по Государственному праву, читанная в Московском университете 28 октября 1861 года // Московские ведомости. 1861. № 238. 31 октября.

университеты с целью подорвать корни инакомыслия («...запретите людям учиться более 15-летнего и 12-летнего возраста; тогда у вас не будет беспокойной учащейся молодежи»). Этой же проблемы касается и Некрасов в «Забракованных», причем в том же ракурсе, что и Чернышевский: он изображает уже не одного (подобно Чернышевскому), а троих «забракованных» студентов; вводит в сатиру собирательный образ консервативного профессора (Кадыкова), а завершает произведение его патетическим высказыванием: «Зато взглянул бы ты - какая тишина // И никаких историй!», возможно, подразумевая под историями распространение вольнодумных мыслей. Позже Герцен в статье «1860» также использовал подобную формулировку: «Чем раздражили студенты правительство до иезуитских экзаменов и диких исключений? – Да как же! История за историей!»¹².

Рассматривая «Забракованных» в контексте публикаций других журналов нельзя не упомянуть публикации сатирического журнала «Искра». «Искра» во многом сходна со «Свистком» – начавшая издаваться в тот же (1859) год «Искра» с не менее ярким энтузиазмом отозвалась на проблему образования. Стихотворение Д. Минаева «Просьба» охватывает обширнейшую проблему женского образования:

Я, жены севера, ныне с участием
К вам обращаюсь с благими советами,
Ваше развитие считая несчастьем,
Вашу ученость - дурными приметам¹³.

Проблема женского образования удачно сопрягается с темой социального неравенства («...эмансипация // Лишь унижает сословье дворянское») и темой «вольнодумных» и дерзких студентов – «Бойтесь, как язвы, якшаться с студентами, // В Думе на лекциях, в аудитории». Автор, в частности, высмеивает суеверный страх перед студенческими движениями, как перед рассадниками инакомыслия и крамолы. Ту же проблему затрагивает Владимир Монуменов (псевдоним В.П. Буренина) в «Главах из “Благонамеренной поэмы”»: студент, а также литератор в представлениях реакционно настроенных слоев общества являет собой угрозу:

Порошок я хочу изобрести, чтоб сморить
Порождение злых элементов:
Свистунов, журналистов, писателей всех

---

¹² Герцен А.И. 1860 // Колокол. 1860. № 60. 1 января. С. 491–495.

¹³ Минаев Д. Д. Просьба // Искра. 1862. № 15.

И, особенно, дерзких студентов¹⁴.

И тем самым волшебным «порошком», чтоб «сморить <...> студентов», явились меры по устранению низших сословий от образования. В.С. Курочкин в 1862 году опубликовал «Цепочку и грязную шею» – драматическое произведение, «сцена из комедии «Горе от ума», включающая в себя героев известной Грибоедовской комедии. «Ученая!» «Профессорша!» «Студентка!» – вскрикивают одна за другой каждая молодая княжна, героиня комедии. Описание некоей спутницы Чернышевского представляется ужасно непривлекательной дамой – неопрятной, с воротничком «чернее сажи» и обстриженной «в кружок»; но самым главным недостатком княжны однако же называют вовсе не неопрятность, а ученость и «плохую» компанию («И все с студентами!»)

Сатирический журнал «Гудок» (а точнее, сатирическое приложение к газете «Русский мир») также отозвался на проблему университетских реформ: в апреле 1862 года в №14 «Гудка» появляется рисунок Иевлева «В учебном заведении»: на нем изображены четверо молодых людей, прощающихся со швейцаром. На первый взгляд рисунок «совершенно невинный»¹⁵. Однако, если принять во внимание портретное сходство героев с четырьмя исключенными из университета и высланными из Петербурга студентами – М.П. Покровским, К.А. Геном, М.А. Новоселицким, Ф.П. Орловым, а швейцара – с известным университетским швейцаром Савельичем (В.С. Прытков) – подоплека карикатуры становится ясна. В 1861 году в Петербурге произошли студенческие волнения, зачинщики которых были арестованы, исключены из университета и заключены в Петропавловской и Кронштадтской крепостях.

С другой стороны на проблему высшего образования смотрели авторы более консервативно настроенных журналов: «Русское слово» следует тематической тенденции освещения проблемы студенчества. Журнал изобилует публикациями на просвещенческую тематику: открытие педагогических классов при каждом университете¹⁶ («Общественная жизнь в Петербурге» Е. Моллера), устройство университетов, порядок приема студентов, а также иллюстрация деятельности университета на примере Дерптского университета¹⁷ («Об условиях университетского образования» Н.В. Варадинова). В.А. Владиславский в статье «Из Одессы. Несколько слов о строгих приемных экзаменах Московского и Петербургского университета» поднимает финансовую проблему – студенты «совершенно без состояния»

¹⁴ Монументов В. Благонамеренная поэма // Искра. 1863. № 16–17.

¹⁵ Ямпольский И.М. Сатирический журнал «Гудок» (1862 год) // Русская литература. 1962. №3. С. 102–119.

¹⁶ Моллер Е. Общественная жизнь в Петербурге // Русское слово. 1859. № 8. С. 95.

¹⁷ Варадинов Н.В. Об условиях университетского образования // Русское слово. 1859. № 4. С. 69–93.

теперь практически не отваживаются на поступление в университет¹⁸. «Московские ведомости», несмотря на общий реакционный характер публикаций, все же отозвались в нескольких статьях на университетский вопрос. Так, Трусов весьма резко высказывается по поводу ужесточения вступительных испытаний. Основной аргумент – приток талантливых студентов снижается из-за того, что «бедный человек, напуганный <...> печатными известиями о строгостях вступительных испытаний в университетах» не отваживается ехать в столицу и держать экзамен в университет¹⁹ (то же наблюдение выдвигает Некрасов устами Харчина:

... бедняков отучите
За сотни верст пешком
Идти толпой голодною
На берега Невы
С надеждой благородною
К развитию головы...

В статье «Из записок бывшего семинариста» поднимается вопрос о учениках приходских училищ – автор убежден, что новая мера «почти пресекла всякую мысль об университете» у «духовных воспитанников»²⁰. Стоит, однако, отметить, что многие авторы «Московских ведомостей» встретили новость об ужесточении вступительных экзаменов одобрительно. Так, статья «По поводу строгости университетских приемных экзаменов» гласит, что «экзамен получает свое настоящее значение и перестает быть пустою <...> формальностью»²¹.

«Колокол» – журнал, издаваемый в Лондоне Герценом и Огаревым, несмотря на идейный конфликт «Колокола» и «Современника», был сходен по тематике публикаций со «Свистком». В частности, статья Н.П. Огарева «Русские вопросы. Крестьянская община» посвящена проблеме образования: публицист пишет, что «образованность и наука достаются <...> на долю самого маленького меньшинства»²². Подобным образом о состоянии сферы образования того времени отзывался и А.И. Герцен в статье «1860» – «самые печально-самовластные распоряжения правительства были направлены против литературы, а теперь и против

---

¹⁸ Владиславский В.А. Из Одессы. Несколько слов о строгих приемных экзаменах Московского и Петербургского университета // Русское слово. 1860. № 3. С. 76.

¹⁹ Трусов. Письмо из Калуги // Московские ведомости. 1860. № 130. 14 июня.

²⁰ И. Из записок бывшего семинариста // Московские ведомости. 1860. № 215. 6 октября.

²¹ П.Г. По поводу строгости университетских приемных экзаменов // Московские ведомости. 1859. № 253. 24 октября.

²² Огарев Н.П. Русские вопросы. Крестьянская община // Колокол. 1858. № 8. 1 февраля. С. 60–65.

студентов»²³. Также в «Колоколе» был опубликован отрывок без заголовка в разделе «Смесь»: «Из 375 молодых людей, державших экзамен для поступления в Петербургский университет, приняты 73 человека...»²⁴. Большое внимание вопросу образования уделено и в работе Герцена «О развитии революционных идей в России»: автор делится наблюдениями о том, как меняется отношение государства к просвещению – «Правительство <...> теперь всеми способами сдерживает <...> прилив; создаются трудности при поступлении, при экзаменах; учеников облагают платой; министр народного просвещения издает приказ, ограничивающий право крепостных на образование»²⁵.

Помимо рядовых периодических изданий, следует выделить и «Журнал министерства народного просвещения» – особый орган печати, главной задачей которого было освещение результатов деятельности Министерства народного просвещения. Кроме постановлений, указов, циркуляров и распоряжений Министерства народного просвещения и других официальных материалов (отдел «Действия правительства»), в журнале имелись разделы «Словесность, науки и художества», «Известия об отечественных (и иностранных) ученых и учебных заведениях», «История просвещения и гражданского образования», «Обозрение книг и журналов», «Новости и смесь» и другие. Примечательно совмещение в одном издании официальных статей – министерские собрания, тексты циркуляров, официальные постановления – и научно-популярных или развлекательных – к примеру, статьи о шелководстве, биографии публичных деятелей, обзоры изданных книг и журналов. Журнал выходил на регулярной основе; также «Журнал министерства народного просвещения» был первым в XIX в. научно-популярным журналом, в котором публиковались многие видные ученые того времени.

«Журнал министерства народного просвещения» реагировал на малейшие нововведения или изменения в сфере образования: в частности, в каждом из отчетов министерства за 1857–1859 гг. неизменно содержатся обзоры работы каждого крупного университета – Московского, Петербургского, Казанского, Дерптского и т.п. По ходу публикаций журнала можно проследить влияние внешних факторов на деятельность университетов, в частности, революции во Франции (в отчете министра народного просвещения А.С. Норова за 1857 год содержатся указания на необходимость возобновить работу кафедры права в российских

---

²³ Герцен А.И. 1860 // Колокол. 1860. № 60. 1 января. С. 491–495.

²⁴ Смесь // Колокол. 1859. № 57–58. 1 декабря. С. 480.

²⁵ Герцен А.И. О развитии революционных идей в России // Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 7. О развитии революционных идей в России. Произведения 1851–1852 годов. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. С. 212.

университетах, закрытых в связи с волнениями в Европе 1848–1849 гг.) Распоряжения касаются в основном университетов, но большое внимание уделяется и гимназиям, и училищам, и в меньшей степени начальным школам. Все большее значение приобретает финансовый вопрос: например, в обозрении министра народного просвещения за 1856 год назначается плата за обучение в гимназиях и частных школах, постановлении от 4 декабря 1857 года предписывается увеличить плату, в годовом отчете за 1857 год плата признается «весьма незначительной»²⁶ и неприемлемой; в постановлении от 30 мая 1858 года приводятся суммы оплаты за обучение училищам и гимназиях²⁷, к концу года количество статей увеличивается, а в извлечении из годового отчета министра народного просвещения за 1858 год приводятся суммы к уплате за обучение и в Институтах для девиц. Все большее количество университетов перемещает студентов из казеннокоштных квартир на вольные. Все это можно рассматривать как часть реализации политики ограничения доступа крестьян и разночинцев к образованию – увеличенная плата стала серьезным ограничением для бедных слоев населения.

Важное место в публикациях журнала занимают статьи об административном надзоре и о цензуре. Во-первых, в каждом без исключения выпуске журнала помещался обзор издававшихся журналов и книг – одним словом, в редакции происходил своеобразный отбор «годных» и «негодных» сочинений, которые допускались или не допускались к демонстрации общественности. Более того, цензурный комитет проводил проверку учебных пособий для гимназий, училищ и университетов. Относительно цензуры примечательно постановление от 1 марта 1858 о присоединении военной цензуры к общей цензуре министерства народного просвещения. Доскональному контролю подвергались гимназии, как подготовительные ступени перед университетами: одна за другой, каждая гимназия укомплектовывалась штатом комнатных надзирателей, которым предписывалось следить за разговорами и чтением учеников. Надзор касался даже формы одежды учащихся: каждый студент обязан был носить студенческий мундир (причем даже в выходные дни), что было очень накладно и неудобно²⁸. Форма была обязательна и для гимназистов (вспомним 3-ю сцену первого действия сатиры, где, согласно ремарке, Триумвиратов одет в «гимназический старый сюртук»).

---

²⁶ Высочайшее повеление от 4 декабря 1857 года. Об увеличении платы за учение в гимназиях с приходящих и о взимании оной с учащихся в уездных училищах // Журнал министерства народного просвещения. 1858. Часть ХСVII. С. 42.

²⁷ Высочайшее повеление от 30 мая 1858 года. О плате за учение в учебных заведениях Дерптского округа // Журнал министерства народного просвещения. 1858. Часть ХСIX. С. 11.

²⁸ Аврус А.И. Указ. соч. С. 18.

Итак, сатира «Забракованные» – богатое, с точки зрения аллюзий на актуальные для эпохи второй половины XIX в., произведение. С помощью мелких деталей – метких выражений, говорящих имен, упоминания реальных топонимов, Некрасов удачно воссоздает в замкнутом пространстве сатиры атмосферу того времени. К тому же, богатым материалом сатиру делает не только изначальный авторский замысел, но и ее публикация, а именно – конфликт с цензурой и цензорская корректура. Периодика того времени, «Журнал министерства народного просвещения», издание, обзоревающее деятельность министерства народного просвещения, а также таких журналов, как «Свисток» (в котором была опубликована исследуемая сатира), «Колокол», «Русское слово», «Московские ведомости», «Гудок», «Искра» позволили проанализировать процессы, описываемые Некрасовым в «Забракованных», в актуальном контексте эпохи. «Забракованные» можно назвать «студенческим закулисьем» или рассказом о том, в чем заключаются университетские порядки и как это отражается на судьбе бывших гимназистов и выпускников училищ.

Библиография

- Аврус А.И.* История российских университетов. Очерки. М., 2001.
- Бухштаб Б.Я.* Козьма Прутков // Козьма Прутков. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1965. С. 5–52.
- Варадинов Н.В.* Об условиях университетского образования // Русское слово. 1859. № 4. С. 69–93.
- Владиславский В.А.* Из Одессы. Несколько слов о строгих приемных экзаменах Московского и Петербургского университета // Русское слово. 1860. № 3. С. 76.
- Высочайшее повеление от 30 мая 1858 года. О плате за учение в учебных заведениях Дерптского округа // Журнал министерства народного просвещения. 1858. Часть ХСІХ. С. 11.
- Высочайшее повеление от 4 декабря 1857 года. Об увеличении платы за учение в гимназиях с приходящих и о взимании оной с учащихся в уездных училищах // Журнал министерства народного просвещения. 1858. Часть ХСVІІ. С. 42.
- Гаркави А.М.* Некрасов и цензура // Некрасовский сборник. Т. II. М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1956. С. 445–457.
- Герцен А.И.* 1860 // Колокол. 1860. № 60. 1 января. С. 491–495.
- Герцен А.И.* 1860 // Колокол. 1860. № 60. 1 января. С. 491–495.
- Герцен А.И.* О развитии революционных идей в России // Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 7. О развитии революционных идей в России. Произведения 1851–1852 годов. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956.
- Герцен А.И.* Экзамены в Петербургском университете // Колокол. 1859. Л. 57-58. С. 480.

Образование для «Забракованных»...

- Жук А.А., Покусаев Е.И.* Свисток и его место в русской сатирической журналистике 1860-х годов // Свисток. Собрание литературных, журнальных и других заметок. Сатирическое приложение к журналу «Современник». 1859–1863. М.: Наука, 1981. С. 407–431.
- И.* Из записок бывшего семинариста // Московские ведомости. 1860. № 215. 6 октября.
- Иловайский Д.И.* Несколько слов о реформах в системе общественного воспитания // Московские ведомости. 1859. № 210. 4 сентября.
- Минаев Д.Д.* Просьба // Искра. 1862. № 15.
- Моллер Е.* Общественная жизнь в Петербурге // Русское слово. 1859. № 8. С. 95.
- Монументов В.* Благонамеренная поэма // Искра. 1863. № 16–17.
- Некрасов Н.А.* Забракованные // Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений: в 15 т. Т. 6. Драматические произведения 1840–1859 гг. Л.: Наука, 1983. С. 190–206.
- Огарев Н.П.* Русские вопросы. Крестьянская община // Колокол. 1858. № 8. 1 февраля. С. 60–65.
- П.Г.* По поводу строгости университетских приемных экзаменов // Московские ведомости. 1859. № 253. 24 октября.
- Примечания к №8 «Свистка» // Свисток. Собрание литературных, журнальных и других заметок. Сатирическое приложение к журналу «Современник». 1859–1863. М.: Наука, 1981. С. 516–539.
- Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения 1802–1902. СПб., 1902.
- Смесь // Колокол. 1859. № 57–58. 1 декабря. С. 480.
- Трусов.* Письмо из Калуги // Московские ведомости. 1860. № 130. 14 июня.
- Чичерин Б.Н.* Вступительная лекция по Государственному праву, читанная в Московском университете 28 октября 1861 года // Московские ведомости. 1861. № 238. 31 октября.
- Чурмень.* Забракованные (Трагедия) // Свисток. 1859. № 3. С. 501–516.
- Ямпольский И.М.* Сатирический журнал «Гудок» (1862 год) // Русская литература. 1962. №3. С. 102–119.

Театральность в «Тупейном художнике» Н.С. Лескова

Аполлинария Острожкова (образовательная программа «Филология»)

В рассказе Н.С. Лескова «Тупейный художник» элементы театральности являются организующим началом как сюжетного, так и повествовательного уровня текста. Как закон, подчиняющий себе весь художественный мир, театральность реализуется в описании персонажей, событий, выборе автором времени и места действия. В настоящей работе преимущественно будет рассмотрено влияние принципов сценического искусства на сюжет. Тем не менее, необходимо отметить, что нарратив «Тупейного художника», определяющийся особенностями сказа, также не лишен элементов театральности. Главным образом это касается «спонтанности» и «диалогичности». Спонтанность подразумевает создание иллюзии, как если бы речь велась в настоящий момент, а диалогичность – установку говорящего на слушателя и его реакции¹. Эти черты поэтики сказа влияют на устройство нарративной структуры произведения, которая воспринимается не как ретроспективное повествование, а как разворачивающееся в реальном времени сценическое действие².

Мотив театральности появляется еще в первой главе рассказа. Автор, как будто вступающий с читателем в непринужденную беседу об искусстве и признании, приводит слова Гейне о портном, «бывшем художнике» и «имевшем идеи», о платьях мадам Ворт, которые «и сейчас называют “художественными произведениями”», и вольно излагает сюжетную интригу рассказа Брета Гарта «Разговор в спальном вагоне»³. Эти, казалось бы, не относящиеся к основному сюжету незначительные детали, вводят в ткань повествования два вида искусства, одинаково «не признанных академией» и являющихся неотъемлемой составляющей театра, – искусство грима и костюмов. Упоминание двух ремесел, без которых в XIX веке не мыслилось создание ни одного театрального представления, важно не только потому, что один из центральных персонажей рассказа Аркадий – цирюльник, гримирующий актрис в крепостном театре графа Каменского. Переодевание и нанесение грима – главные инструменты перевоплощения героев рассказа.

---

¹ Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 191–192.

² Эйхенбаум Б.М. Лесков и современная проза. // Эйхенбаум Б.М. О литературе: Работы разных лет. М.: Советский писатель, 1987. С. 409.

³ Лесков. Н.С. Тупейный художник. Рассказ на могиле // Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 11 т. Т. 7. М.: Художественная литература, 1958. С. 220.

Ю.М. Лотман в статье «Театр и театральность в строе культуры начала XIX века» пишет о воздействии принципов сценического искусства на реальную жизнь, когда театральные модели становятся естественными для бытового поведения, стремящегося «подражать» искусству⁴. В «Тупейном художнике» можно выделить два типа театральности как системы, определяющей поведение персонажей: армейскую и литературную (драматическую).

Армейская, военная театральность – следствие эпохи, к которой относятся описываемые в рассказе события. Несмотря на то, что временные рамки развития сюжета в тексте не обозначены четко, упоминание о приезде государя (Александра I или Николая I) вводит в произведение набор эстетических представлений, накладываемых на дворян в пределах рассматриваемого исторического периода. В упоминавшейся статье Лотмана обозначено, что парад и фрунт, столь любимые обоими «Павловичами» (так же, как и Павлом I), ориентируются на балет. В таком театральном представлении каждое действие пешек императора механистически выверено⁵.

Строгий порядок распространяется и на внешний вид служивших дворян. В «Тупейном художнике» даже Любовь Онисимовна понимает, насколько важно военным соответствовать установленной «форменности», которая идет отнюдь не всем. В высшей степени регламентированная система – парикмахерское, гримерное искусство Аркадия, – становится неотъемлемым элементом успешного функционирования дворянского быта.

Приезд государя является для брата графа Каменского сигналом к перевоплощению. Граф же непрерывно существует в обстановке театральности, постоянной игры. Его поведение определяется эпохой военной, «форменной» театральности, общая модель которой перенесена им в сферу частной жизни – театр. В отличие от брата ему не нужен особый сигнал для перевоплощения, он и так постоянно играет роль жестокого крепостника, обязанного следовать лишь одной поведенческой стратегии. Отказывая брату в парикмахерских услугах Аркадия, граф спрашивает: «Как ты думаешь – разве я могу мое же слово перед моим рабом переменить? <...> Если я сам так поступать начну, то что же я от людей могу требовать?»⁶.

Каменский продумывает свои бесчинства так, чтобы они обязательно наблюдались зрителями или были слышны. Об этом свидетельствует, например, описание погребов, в которых «люди живые на цепях как медведи сидели», или истязание Аркадия в комнате, расположенной под каморкой Любви Онисимовны. Характерен пример с князем

⁴ Лотман Ю.М. Театр и театральность в строе культуры начала XIX века // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин: Александра, 1992. С. 269–270.

⁵ Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 281.

⁶ Лесков. Н.С. Указ. соч. С. 227.

Андросовым, разговор с которым, вероятно, нужен графу для того, чтобы его поступок (травля священников борзыми собаками) запомнился, превратился в жест. Графу необходимо соответствовать разыгрываемому образу, поэтому перед гостями театра он всегда является с выражением большей «важности и “военного воображения”», чем ему дано от природы.

Некоторые поступки графа Каменского определяются законами иного типа театральности – литературного, связанного со сценической, ритуальной образностью. Одаривание актрис «камариновыми серьгами» и последующее возведение удостоенной особым вниманием девушки в покои графа в образе святой Цецилии – символические действия, жесты, заимствованные из сферы искусства.

Любови Онисимовне и Аркадию, не видевшим жизни за пределами театра, напоминающего декорации («серое деревянное здание с фальшивыми окнами, намалеванными сажей и охрой»), в большей степени свойственен способ моделирования действительности с помощью знакомых им литературных образцов. Любовь Онисимовна хочет играть герцогиню де Бурблян, просящую прощения у отцовских ног, потому что разучиваемые ей роли в постановках крепостного театра – единственная возможность прожить недоступный в реальности сюжет. Так же легко Любовь Онисимовна отзывается на героические, театральные поступки Аркадия.

Силой и порывистостью благородного жеста они выделяются из общей фабулы: принятие вызова брата графа, побег и похищение Любови Онисимовны, попытка скрыться от погони, взаимное обещание умереть, надежда обвенчаться у «смелого» священника и убежать в Турцию – все это могли совершить только люди, уверовавшие в возможность выбора нового типа поведения. Отсутствие подходящих реальных альтернатив делает художественный текст жизненной программой. Аркадий и Любовь Онисимовна стремятся вырваться за пределы замкнутого круга, обычая при помощи театральной модели поведения, не осознавая, что она хорошо знакома тем, от кого они бегут.

Несмотря на то, что в театре графа Каменского ставят весьма сомнительные представления, он предназначен для господ. В «Тупейном художнике» так же изображается и площадной театр – театр народного зрелища, в репертуар которого включен лишь один спектакль – наказание преступника (постоялого дворника или убийцы «жестокоего» графа). Как представление простыми людьми воспринимаются военно-театральные похороны Аркадия. Призвание тетушки Дросиды «наблюдать» психозы сумасшедших лишний раз подчеркивает, что в состоящем из разных спектаклей мире крепостного театра выстраивается иерархия зрителей, восходящая к графу Каменскому.

Жестокость Каменского, кровожадное любопытство крестьян, обусловленное художественными моделями поведение Аркадия и Любови Онисимовны, в равной степени театральны и во многом определяются временным периодом, которым условно ограничено действие «Тупейного художника». Понятие театральности подразумевает не только включение сценических моделей поведения в повседневную жизнь, но и наличие зрителей, наблюдающих эти поступки. Без их присутствия сценическое не становится в полной мере частью реальности. Иерархия зрителей, так же, как и принцип театральности, связана с крепостным укладом русской жизни, влияющим на сосуществующие в пространстве текста военную театральность, свойственную братьям Каменским, и восходящую к сфере искусства модель поведения Любови Онисимовны и Аркадия.

Библиография

- Лесков Н.С.* Тупейный художник. Рассказ на могиле // Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 11 т. Т. 7. М.: Художественная литература, 1958. С. 220–241.
- Лотман Ю.М.* Театр и театральность в строе культуры начала XIX века // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин: Александра, 1992. С.269–286.
- Шмид В.* Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003.
- Эйхенбаум Б.М.* Лесков и современная проза // Эйхенбаум Б.М. О литературе: Работы разных лет. М.: Советский писатель, 1987. С. 409–424.

Идеологическая концепция и отношение автора к героям в повести Н.М. Карамзина «Марфа-посадница, или Покорение Новгорода»

Надежда Шмелевич (магистерская программа «Литературное мастерство»)

Историческая повесть Н.М. Карамзина «Марфа-посадница, или Покорение Новгорода» была напечатана в «Вестнике Европы» в 1803 году. Само решение поместить повесть на страницы журнала ясно свидетельствует о политической составляющей сочинения, в котором ярко воплотились идеи Карамзина.

Для понимания идеологической концепции повести необходимо принять во внимание время создания этого произведения. Уже завершилась революция во Франции, которая, с точки зрения Карамзина, пыталась реализовать утопические по своей природе идеалы республики и ограниченного народной волей самодержавия, но обернулась кровопролитием и террором. Окончилось правление Павла I, которое поставило перед современниками острую проблему характера самодержавной власти: до каких пределов она может распространяться и с какого момента превращается в деспотизм. Все эти события навели Карамзина на размышления о наиболее подходящей для России форме государственного правления. Политические предпочтения писателя были на стороне неограниченной монархии, способной силой обуздать эгоистические порывы отдельных личностей для утверждения общего блага. Здесь сказались ранее освоенная Карамзиным «масонско-кутузовская идеология» об эгоистической природе человеческой природы, интересы которой часто противоречат благу всего общества.

Отражение этой политической концепции находим в словах «мужа благоразумного и твердого»¹, воеводы князя Холмского: «Народы дикие любят независимость, народы мудрые любят порядок, а нет порядка без власти самодержавной»². В оппозицию к истинной монархической власти ставится несправедная власть богатых новгородских купцов, власть олигархии, которой потворствует народ: «Вы повинуетесь – ибо народ всегда повиноваться должен, – но только не священной крови Рюрика, а купцам богатым. О стыд! Потомки славян ценят златом права властителей!»³. Как указывает в книге «Сотворение Карамзина» и статье

---

¹ Карамзин Н.М. Марфа-посадница, или Покорение Новгорода // Карамзин Н.М. Избранные сочинения: В 2 т. М.; Л.: Художественная литература, 1964. Т. 1. С. 682.

² Там же. С. 683.

³ Там же.

«Эволюция мировоззрения Карамзина (1789-1809)» Ю.М. Лотман, на тот период времени писатель окончательно разочаровался в деятельности каких бы то ни было политических объединений, видя в них лишь тщательно скрывающиеся эгоизм, стремление к личной выгоде, корыстолюбие и тщеславие: «Представительное правление объявляется фикцией, парламентская республика – олигархией, при которой тирания «единого» заменяется еще более губительной тиранией многих»⁴. В отношении Карамзина к древнему новгородскому правлению прослеживается его точка зрения относительно текущих преобразований в России, связанных с деятельностью Негласного комитета. Анализируя общий идеологический посыл карамзинского журнала «Вестник Европы», Лотман выделяет ключевой для писателя «образ слабого правителя, который, поддавшись корыстным увещаниям окружающих его вельмож, облакавших свой эгоизм в либеральную фразеологию, превратил верховную власть в фикцию, передал ее в руки честолюбцев, создал вместо провозглашенной демократии аристократическую олигархию и погубил свое государство»⁵. За этим образом правителя скрывается намек на Александра I, находившегося под влиянием Негласного комитета.

Речь Холмского, наиболее полно отражающая политические взгляды Карамзина, структурно построена на оппозиции «губительной вольности»⁶ и «спасительной власти единого»⁷. За «спасительной властью единого» стоит истинная религия, воинская слава, праведный суд, который не допустит притеснения бедных богатыми, так как перед лицом правосудия все равны. В персонаже Холмского, таким образом, наиболее важна декларативная составляющая, соответствующая политической позиции Карамзина. Речь Холмского является обоснованием самодержавной власти, воплощенной в лице Иоанна III. Идея «истинного самодержавия» как самой подходящей для России формы государственного правления присутствует и в других исторических сочинениях Карамзина. Так, в «Записке о древней и новой России» Карамзин именует самодержавие «единственно умной политической системой, согласно с обстоятельствами времени. Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спаслась мудрым самодержавием»⁸. Таким образом, исторически мотивированное самодержавие мыслится как спасение Руси от раздробленности, княжеских междоусобных войн. Другая причина, обосновывающая необходимость монархического

⁴ Лотман Ю.М. Эволюция мировоззрения Карамзина (1789-1809) // Лотман Ю.М. Карамзин. СПб., 1997. С. 335.

⁵ Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина // Лотман Ю.М. Карамзин. СПб., 1997. С. 273.

⁶ Карамзин Н.М. Марфа-посадница, или Покорение Новагорода. С. 683.

⁷ Там же.

⁸ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 22.

управления страной во времена татаро-монгольского ига, выражена в шестом томе «Истории государства Российского: «Нет свободы, когда нет силы защитить ее»⁹. Такая формула, напоминая по форме афоризм или поговорку, указывает на вневременной характер этого высказывания и, как следствие, на связь с текущим положением страны.

Тема самодержавия в повести тесно связана с образом сильного и справедливого правителя Иоанна III. Еще в самом начале произведения автор расставляет акценты и дает оценку основным персонажам и главному событию повести, которое характеризуется как «один из самых важнейших случаев российской истории»¹⁰. Карамзин отмечает, что «старинный автор повести»¹¹, с которым он неизбежно отождествляется, «даже и в душе своей не винил Иоанна»¹². Царь Иоанн III сразу вводится в повествование с характеристикой Мудрый и по ходу повести оправдывает свое почетное прозвище. Через слова Холмского ретроспективно вырисовывается образ царя – храброго победоносного воина-вдохновителя, опытного политика-объединителя русских земель, который «все предвидит»¹³. Холмский вспоминает величавое достоинство Иоанна и его мудрые беседы во время первого визита в Новгород. В образе Иоанна III соединяются необходимые для монарха добродетели: строгость во имя всеобщего блага и милость, великодушие. На великого князя московского возложена высокая миссия объединения русских земель для общего блага, и он неотступно следует своим идеалам, защищая честь самодержавия: «Бояре московские советовали ему удалиться от града, но великая душа его содрогалась от мысли уступить непокорным. “Хотите ли, – он с гневом отвечивал, – хотите ли, чтобы я венец Мономаха положил к ногам мятежников?..”»¹⁴. Действуя исключительно в интересах государства, Иоанн становится карающей десницей Божьей. Карамзин подчеркивает роль божественного провидения в споре московского князя с новгородцами, которое оказывается на стороне самодержавной власти. «Бог судил меня с новгородцами»¹⁵, – говорит Иоанн после своей победы. Бескомпромиссный и суровый государственный муж, царь Иоанн Васильевич не злоупотребляет своей властью, не становится тираном и мучителем. Его суд – «правосудие и милость»¹⁶. Автор подчеркивает великодушие Иоанна во время боя. Не теряя рассудка и во время ожесточенной битвы, он

⁹ Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1818. Т. 6. С. 50.

¹⁰ Карамзин Н.М. Марфа-посадница, или Покорение Новагорода. С. 680.

¹¹ Там же. С. 681.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 685.

¹⁴ Там же. С. 686.

¹⁵ Там же. С. 723.

¹⁶ Там же.

щадит храбрость юного Мирослава, закрывая его своим щитом, а позднее сожалеет о его потере и утрате других славных воинов. Мудрому и справедливому правителю чужда мелкая мстительность, и он милует бывших врагов: «Не грозный чужеземный завоеватель, но великий государь русский победил русских: любовь отца-монарха сияла в очах его»¹⁷. Примечательно и то, как Карамзин разрешает конфликт Иоанна III и Марфы Борецкой. Великий князь готов простить героиню, но Марфа сама решает умереть последней новгородской гражданкой. Таким образом, Марфа принесена в жертву новому государственному строю. В ее лице Иоанн казнит не человека, к достоинствам которого испытывает невольное уважение, а обезличенного зачинщика мятежа. В такого рода жертве можно усмотреть отражение концепции Карамзина, изложенной им в «Записке о древней и новой России»: «Народ в первоначальном завете с венценосцами сказал им: “Блюдайте нашу безопасность вне и внутри, наказывайте злодеев, жертвуйте частью для спасения целого”»¹⁸.

Обратившись к другим источникам, можно заключить, что общая трактовка персонажа Иоанна III у писателя Карамзина совпадает с трактовкой исторического лица у Карамзина-политика. Уже в предисловии к «Истории государства Российского» историограф именует Иоанна достойнейшим монархом – Карамзин высоко ценит правление Иоанна, восстановившее «Единодержавие» в России. Так же, как и в «Марфе-посаднице», он подчеркивает мудрость и умеренность государя, который не считал, что можно использовать все средства даже для такого великого дела как объединение Руси. Карамзин вновь рисует портрет строгого, но милосердного монарха: «...жалую вас, храню, но могу и казнить за дерзкое ослушание... Еще медлю, не любя, кровопролития, и готов миловать, если с раскаянием возвратитесь под сень отечества»¹⁹. В отличие от повести в «Истории государства Российского» Иоанн III, прежде чем проявить милосердие, сурово расправляется с зачинщиками, но и казня сохраняет мудрость, справедливость, различая главных врагов Москвы от слабых людей, которые были оружием в чужих руках. В милосердии государя Карамзин усматривает не столько проявление христианского человеколюбия, сколько умеренность и грамотный расчет опытного дальновидного политика.

Другим главным героем повести, становящимся в оппозицию к Иоанну III, является Марфа Борецкая. Как и великий князь московский, Марфа-посадница являет в себе воплощение всех добродетелей: она горда, великодушна, храбра. Марфа Борецкая обладает великим умом, до

---

¹⁷ Там же. С. 725.

¹⁸ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. С. 33.

¹⁹ Карамзин Н.М. История государства Российского. С. 36.

конца следует своим идеалам и жертвует всем ради них: радостью материнства, мягкой женской натурой, собственной жизнью. В жертву войне за идеалы свободы принесены оба ее сына и зять Мирослав. Марфа предстает как лишенная людских пороков и слабостей, вроде корыстолюбия, тщеславия, личных эгоистических интересов. Она – истинная вдохновительница народа в борьбе за вольность, идеальная античная героиня эпоса или трагедии. На ассоциации с античностью наводит сравнение Марфы с древнеримским политическим деятелем республики, философом Катонем. Их судьба сходна своим трагическим финалом и борьбой за свободу. Принеся себя в жертву собственным идеалам, оба, по сути, кончают жизнь самоубийством (в произведении Карамзина Марфа сама принимает решение погибнуть вместе с Новгородской республикой). Гордая Марфа не принимает милостей Иоанна. Обладая высокой силой духа, она приемлет смерть с мужеством, превосходящим героев древности, так как не боится казни. Параллель с античностью развивает и сам республиканский строй Новгорода, напоминающий о республиках Спарте и Афинах. Примечательно, что и в предисловии к «Истории государства Российского» Карамзин сравнивает отечественную историю с историей Древней Греции и Рима, упоминая при этом покорение Новгорода. В образе Марфы-посадницы Карамзин не стремится к достоверности, лишая персонажа черт реальной личности. Перед нами, таким образом, не историческое лицо, а аллегорическое воплощение прекрасных, но утопических по своей природе идеалов свободы («ибо вольность и Марфа одно знаменовали»²⁰).

О разнице между Марфой Борецкой, описанной в повести, и реальной личностью говорит трактовка Карамзина этого исторического лица в «Истории государства Российского». В трактате персонаж Марфы обрисован негативно. Она предстает как «жена гордая, честолюбивая»²¹, чьи хитрость, велееречие, знатность, богатство и роскошь доставили ей способ воздействовать на правительство. Марфа-посадница действует вопреки древним нравам, согласно которым женщины не должны принимать участие в гражданских делах. Ради личных целей она пользуется корыстолюбием новгородцев, потворствуя их пагубной страсти. Если в карамзинской повести неспособная на предательство Марфа отвергает предложение союза от литовского князя Казимира и восклицает: «Лучше погибнуть от руки Иоанновой, чем спастись от вашей!»²², то в «Истории государства Российского» Борецкая одержима

---

²⁰ Карамзин Н.М. Марфа-посадница, или Покорение Новагорода. С. 717.

²¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. С. 29.

²² Карамзин Н.М. Марфа-посадница, или Покорение Новагорода. С. 705.

тщеславию и готова пойти на измену ради власти. Одержав победу, Иоанн милует Марфу «как бы из презрения к слабой жене»²³.

Двух идеальных героев повести оттеняет еще один собирательный персонаж – народ. При этом трактовка народа в сочинении Карамзина напрямую отражает его собственные взгляды. Время написания и публикации «Марфы-посадницы, или Покорения Новагорода» совпало с оживленными дискуссиями современников Карамзина по поводу крестьянского вопроса. Карамзин высказывался против решительных действий вроде незамедлительного освобождения крестьян и настаивал на необходимости предварительной нравственной и просветительской деятельности в отношении народа. Ю.М. Лотман приводит в статье «Эволюция мировоззрения Карамзина» любопытный документ, опубликованный в «Вестнике Европы», – «Письмо сельского жителя»: «Воля, мной им [крестьянам] дарованная, обратилась для них в величайшее зло: т.е. в волю лениться, передаваться гнусному пороку пьянства»²⁴. Результаты такой же «гибельной вольности» мы видим в повести. Древние права новгородцев не соответствуют их новым нравам. Карамзин подчеркивает, что «сопротивление новгородцев не есть бунт каких-нибудь «якобинцев», «они сражались за древние свои уставы»²⁵. Тем не менее, нравы новгородцев свидетельствуют об их моральном разложении, предвещающем падение республики. Холмский, в словах которого более всего прослеживается мнение Карамзина, обвиняет новгородцев в эгоизме. Они не участвуют в борьбе русских воинов против татаро-монгольского нашествия и думают только о личной выгоде: «Корыстолюбие, корыстолюбие ослепило вас!»²⁶. Таким образом, свобода новгородцев является мнимой, они стали рабами своих страстей: «Вольность!.. Но вы также рабствуете. Народ! Я говорю с тобою. Бояре честолюбивые, уничтожив власть государей, сами овладели ею»²⁷. Тема корыстолюбия звучит в ответной речи Марфы: «Но если Иоанн говорит истину, если в самом деле гнусное корыстолюбие овладело душами новгородцев, если мы любим сокровища и негу более добродетели и славы, то скоро ударит последний час нашей вольности, и вечевой колокол, древний глас ее, падет с башни Ярославовой и навсегда умолкнет!.. Тогда, тогда мы позавидуем счастью народов, которые никогда не знали свободы»²⁸. В ответ на ее речь божественное провидение посылает грозное знамение, символизирующее падение

²³ Карамзин Н.М. История государства Российского. С. 50.

²⁴ Лотман Ю.М. Эволюция мировоззрения Карамзина (1789-1809). С. 342.

²⁵ Карамзин Н.М. Марфа-посадница, или Покорение Новагорода. С. 680.

²⁶ Там же. С. 685.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 692.

республики, – падает башня Ярослава. Марфа произносит и другие слова, обращенные к новгородскому народу, ставшие пророческими: «Будь всегда достоин свободы, и будешь всегда свободным!»²⁹. Карамзин же в своей повести показывает, что новгородцы не достойны свободы и потому теряют ее. Так, Холмский вспоминает о лицемерии и слабоволии новгородского народа, проистекающих из его стремления к личному благу. Заботясь только о личной безопасности и собственной выгоде, «древние новгородцы лобызали ноги своего отца и князя, который примирил внутренние раздоры, успокоил и возвеличил город их. На сем месте они проклинали гибельную вольность и благословляли спасительную власть единого»³⁰. Здесь отразились взгляды Карамзина на эгоистическую природу человека. Гордые и надменные в начале повести, уверенные в собственном могуществе, новгородцы совершают двойное предательство, платя черной неблагодарностью своей заступнице Марфе, когда удача отвернулась от нее: «Враги посадницы дерзали называть ее жестокою, честолюбивою, бесчеловечною»³¹. Марфа и сама прекрасно осознает, что «народ слаб и легкомыслен»³². Если Марфа Борецкая клянется не пережить новгородской славы и до конца верна своим принципам, то побежденные новгородцы расстаются с прежними идеалами свободы и славят уже новую власть. Неблагодарность народа еще более возвышает значение жертвы Борецкой, ее трагизм. Таким образом, если проводить параллель с мнением Карамзина относительно крестьянского вопроса, то крестьяне еще недостойны вольности, а новгородцы уже ее недостойны.

Карамзин исчисляет пороки новгородцев в «Истории государства Российского». Не беря в расчет интересы государства, находящегося в состоянии войны, новгородцы ищут в сложившихся обстоятельствах личную выгоду: «<...> еще не уверенные в твердости Иоаннова характера и даже сомневаясь в ней по первым действиям сего Князя, ознаменованным умеренностию, миролюбием, они вздумали быть смелыми, в надежде показаться ему страшными, унижить гордость Москвы, восстановить древние права своей вольности, утраченные излишнею уступчивостию их отцов и дедов»³³. Являясь одновременно мятежниками против царя и самодержавной власти, новгородцы совершают государственную измену, идут на союз с врагом Руси и православия Казимиром. Карамзин-историограф

---

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 683.

³¹ Там же. С. 721.

³² Там же. С. 703.

³³ Карамзин Н.М. История государства Российского. С. 26.

отказывает новгородцам даже в мужестве, подчеркивает контраст между величественным Иоанном и слабым духом народом, когда пишет об ужасе, объявшем войско и воевод.

Таким образом, Карамзин, пользуясь маской старинного автора, пишет историческую повесть, в которой затрагивает наиболее актуальные проблемы современности такие, как вопрос о гражданской вольности, о человеческой природе, о государственном строе, подходящем для России, даже об освобождении крестьян. Создавая своих персонажей, автор не стремится к полной исторической достоверности и делает их идеальными героями, аллегорическими воплощениями вольности и монархической власти. В целом, можно трактовать повесть Карамзина как обоснование самодержавия, сильной власти, способной обуздать личностный эгоизм подданных ради воцарения общественного блага. Однако во взглядах Карамзина, отразившихся в повести, чувствуется двойственность. Автору симпатичен и воплощенный идеал самодержавного монарха, и персонаж народной вдохновительницы Марфы Борецкой, и лозунги свободы, утопичность которых писатель признает. Эту неоднозначность уловили и современники Карамзина, что проявилось в их противоречивых оценках повести. «Если для реакционеров типа П.И. Голенищева-Кутузова повесть была исполнена “яда якобинского”, то радикальные круги почувствовали в ней те идеи, которые позже были охарактеризованы Пушкиным как проповедь “необходимости самовластья”»³⁴.

Библиография

Вестник Европы. 1802. № 10.

Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 15–110.

Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1818.

Карамзин Н.М. Марфа-посадница, или Покорение Новагорода // Карамзин Н.М. Избранные сочинения: В 2 т. М.; Л.: Художественная литература, 1964. Т. 1. С. 680–728.

Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина // Лотман Ю.М. Карамзин. СПб.: Искусство–СПБ, 1997. С. 10–310.

Лотман Ю.М. Эволюция мировоззрения Карамзина (1789-1809) // Лотман Ю.М. Карамзин. СПб., 1997. С. 312–348.

---

³⁴ *Лотман Ю.М.* Эволюция мировоззрения Карамзина (1789-1809). С. 345.

Функции пейзажа в балладах Жуковского (на основе баллад «Гаральд», «Эолова арфа», «Варвик», «Рыбак» и «Лесной царь»)

Алиса Китрар (образовательная программа «Филология»)

«Родитель на Руси романтизма», Жуковский считается основоположником жанра баллады в русской поэзии, неслучайно друзья поэта называли его «балладником»¹. Несмотря на то, что баллады Жуковского в основном переводные, особенность поэта как переводчика заключается в абсолютной свободе в обращении с оригинальным материалом и умении находить те стихотворные формы, которые были бы созвучны стихии русского языка. Одной из черт баллады как жанра является элемент фантастического, наличие нераскрытой тайны, непреодолимого искушения или таинственного пути, и поэтому настроить читателя на определенную атмосферу, тонко намекнуть на невыразимые мысль или чувство, назвать неназываемое призвана именно пейзажная экспозиция. В балладах Жуковского пейзажная зарисовка передает неуловимость пограничного состояния, перехода между двумя мирами, раскрывает мистические, необъяснимые изменения, происходящие между днем и ночью, при свете и во тьме. Пейзажная экспозиция строится на приеме суггестии, с помощью которого поэт создает напряженную атмосферу угадывания читателем некоторой эмоции, впечатления, не имея при этом четкой дефиниции, но вполне сочувствуя мыслям автора. Балладный пейзаж создает чрезвычайно важный эффект сотворчества, соприсутствия с автором, который предлагает «пережить» атмосферу недоговоренности, где есть преступление и наказание, любовный апофеоз, зловещий рок, ужас при столкновении со сверхъестественным и мистическое обаяние природных сил.

В ранних балладах Жуковского пейзаж играет роль эмоционального фильтра, отображающего едва уловимую динамику изменений как состояния окружающего мира, так и эмоционального переживания героев. Особенно ярко эта взаимосвязь прослеживается в так называемых «страшных» балладах Жуковского, в которых действуют силы «загробного мира». В них обнаруживается характерная для ранней поэзии Жуковского меланхолическая элегия, «joy of grief» (наслаждения печалью). Однако в балладах «joy of grief» получило выражение еще и в формулах поэтики «кошмаров и ужасов»². Характерно, что поэт называл

---

¹ Вольпе Ц. С. Жуковский // Вольпе Ц. С. История русской литературы: В 10 т. Т. 5. М.; Л., 1941. С. 360.

² Там же. С. 361.

себя «поэтическим дядькою чертей и ведьм немецких и английских»³. Интерес к балладе как народному творчеству возник во второй половине XVIII в., а английские и шотландские баллады широко распространялись среди писателей и ученых, побуждая их искать подобные источники вдохновения у себя на родине⁴. К английскому фольклору обращается и Жуковский, который переводит в 1814 году балладу Роберта Саути «Lord William» и переименовывает ее как «Варвик».

В балладе раскрывается тема наказания и преступления Варвика, купившего себе счастье и преходящие блага «ужасною ценой»⁵. Варвик, стремясь завладеть престолом, убивает невинного младенца, будущего правителя Ирлингфора, за что расплачивается своей жизнью. Природа в балладе выполняет функцию справедливого и непреклонного судьи: убийца погибает в яростных волнах реки Авон, в водах которой и был утоплен младенец. На протяжении всего произведения пейзаж контрастирует с внутренним миром героя, оттеняя тем самым все порывы его смятения и страха перед расплатой. Муки совести братоубийцы (Варвик убивает племянника) резонируют с его отторженностью от природы,

выступающей покровительницей красоты и благоденствия: «Один Варвик был чужд красам природы». Характерным является звукообраз-рефрен⁶ безмолвствующих, но «слышавшихся» крик умирающего младенца берегов, которые сохраняют гармонию «цветущих равнин», безмятежно шумящего Аводна, лесистых холмов, пламенеющего заката, дымящихся сел и небесных звезд, отражающихся в водах реки. Благоденствие природы сменяется ее гневом, мрачный полумистический ночной пейзаж каждой деталью предрекает Варвику ужасную

³ Там же. С. 360.

⁴ Там же. С. 361.

⁵ *Фрайман Т.* Маргинальный жанр в центре поэтической системы (баллады 1816 – 1818 гг.) // *Фрайман Т.* Творческая стратегия и поэтика В. А. Жуковского (1800-е — начало 1820-х годов). Тарту, 2002. С. 85.

⁶ Там же. С. 93.

расплату: «...бросил в волны Эдвина злой Варвик... Ужасный день: от молний небо блещет; Отвсюду вихрей стон...». Пейзаж вторит смятенному состоянию души героя, чувство вины и страха, отравляющие ему жизнь («питье отравлено»): «для души смятенной был сладок бури вой». Наконец, «в тишине безмолвной полуночи» Авон кипит, отмечая час искупления вины Варвика, день угасает (как угасла когда-то жизнь невинного младенца), и воцаряется глухая ночь (возможно, глухая к мольбам о помиловании) без следа звезд на небе, только яркая луна в прозрачной мгле, предвестница загробного мира и потусторонних сил, освещает место расплаты. Совершив свое возмездие, умиротворяются «и небеса и волны», лишь только «брега» становятся немymi свидетелями кары природы.

Жуковский писал не только «страшные баллады». В оригинальной балладе «Эолова арфа» 1814 г. пейзаж становится выражением лирических переживаний двух влюбленных, а также средством передачи романтической атмосферы предстоящего последнего свидания Минваны и Арминия. Повторы в пейзажной экспозиции, встречающиеся в балладе, несут символическую функцию. Так, «холм» с туманом, присутствующий в пейзажных зарисовках, сравнивается с густыми кудрями Минваны, олицетворяя ее неземную красоту. В последней строфе туманные холмы видятся в сцене встречи в другом мире двух теней влюбленных. Вообще, холм как некая возвышенность символизирует возвышенность влюбленных над мирской суетой и их вечную любовь в загробном мире. В то же время образ холмов с помощью суггестии указывает на трагический конец баллады (холм расположен рядом с замком Ордала), представляя уже в первой строфе в негативной тональности: «...И стлался кудрявый // Кустарник по злачным окрестным холмам». При описании же свидания влюбленных на холме под дубом образ пронизан светлым звучанием: «На холме, где чистым // Потокотом источник бежал из кустов...». Природа одновременно и враждебна, и благоволит героям: «мерцание луны» означает «тихую радость их юных сердец», а начинающийся день, «денница», приносит конец блаженству возлюбленных. Пейзаж как вторит чувствам героев («горный поток» утешает Минвану), так и остается равнодушен к ее страданиям, продолжая жить в гармонии: на скорбное место свидания спускается безмолвная ночная росистая тень, и «синие своды» блистают в звездах. Однако умиротворение пейзажа обманчиво – образ ярко сияющего холма и звук арфы в листьях как символ безмятежной любви предрекает смерть милого, душевную муку и последующий катарсис Минваны. Важно отметить, что в балладе романтический психологизм отражается в пейзажной экспозиции, наделяя ее особой ролью.

В балладах 1816 года, в том числе и в переводе Жуковского баллады Людвиг Уланда «Гаральд», по мнению исследователей⁷, резко уменьшается объем произведения за счет «обнажения» фабулы и отказа от пейзажных зарисовок. На мой же взгляд, в «Гаральде» пейзажная экспозиция, занимает хоть и небольшую по объему, но, тем не менее, немаловажную функциональную часть всей баллады. В первых двух строфах баллады природа будто бы слита с героем воедино, передавая все его душевные порывы. Пейзаж предстает персонифицированным: «лес густой» олицетворяет старика Гаральда, «бойца седого», а холмы – бравую дружину, так как «гудят» в такт боевым песням. Неожиданная перемена в образе природы происходит в третьей строфе, наполняя пейзаж движением и звуками манящей таинственности («порхает», «зыблется», «налетает», «плещется»), казалось бы, сулящей отдых и благоденствие. Природные силы из симбиотического единства с героями баллады, словно обнажая свою коварную сущность, постепенно превращаются в самостоятельные неизвестные и роковые силы, затягивающие и дружину, и Гаральда в свои сети: «спасенья нет; уж все бойцы в волшебной стороне». О недобром преображении пейзажа намекает в начале баллады рефреном проходящий сквозь произведение образ полной луны, одиноко светящей оставшемуся в одиночестве Гаральду. Все элементы пейзажа мгновенно становятся враждебными: именно такая пространственная мета, как животворящий, создающий гармонию «журчащий ручей», вершит роковую судьбу Гаральда и, отобрав все жизненные силы, оставляет его на камне, превратив в подобие недвижимого «спящего» утеса («на камень сел, поник головой»). В финальной строфе уже природа повелевает душевным состоянием героя: околдованный, Гаральд, как часть леса, вторит его «реву» и «молний блеску», словно бы представляя себя в битве и бросая боевой клич, обнажая клинок. Таким образом, пейзаж выполняет двойную функцию как носителя эмоционального состояния героя, так и самостоятельного образа мистических сил.

Две другие баллады, «Рыбак» и «Лесной царь», повествуют тоже о таинственном, но уже одновременно и пугающем. В них зло, обладающее губительной силой, отождествлено с необъяснимой и непреодолимой притягательностью. В «Лесном царе», переводе 1818 года одноименной баллады Гете, пейзаж играет двойственную роль в модусе фантастического. То, что ребенку кажется «темной короной и густой бородой» лесного царя, отец принимает за «туман над водой». Нашептывания царя, сулящего ребенку в его обители «жемчужны чертоги», превращаются в всего лишь «проснувшийся ветер», а дочери лесного царя

---

⁷ Жуковский В.А. Баллады. Поэмы и повести // Жуковский В.А. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. М.; Л.: Гос. изд-во Художественной литературы, 1959.

оказываются «ветлами седыми». Привиделся ли ребенку лесной царь или это всего лишь плод воспаленного воображения младенца, находящегося в подавленном, полубредовом состоянии? Жуковский скрывает ответ под покровом «ночной глубины», занавесом «тумана над водой». Иллюзорность пейзажной экспозиции – в восприятии природных сил ребенка и отца – заставляет читателя сомневаться в существовании лесного царя. Природа при этом, как намек как мистические силы, оживает в балладе: ветер просыпается, а ветлы стоят, словно вековые стражи этого леса. В еще одном переводе Гете того же года, балладе «Рыбак», обыкновенные пейзажные виды олицетворяют, как и в «Гаральде», непреодолимую силу природы. Природа персонифицируется в виде красавицы-сирены, заманивающей рыбака в морскую пучину, где случаются всякие чудеса: и солнце купается в лоне вод, и небосвод слит с водой. Рефреном проходящий сквозь балладу образ шумящей волны словно бы передает резкую смену настроения героя: от внутреннего умиротворения рыбака и души, полной «прохладной тишины», к появлению «вала, плеснувшего на берег», как апогея чувств, выражения стремительного порыва героя освободиться от необъяснимой тоски в душе. Однако предчувствие наступившего «часа» оказывается ложным, а обещанные чудеса и любовь – мнимыми: рыбак исчезает бесследно, поглощенный бегущей волной.

Разработку балладного жанра Жуковский поместил в центр своей поэтической системы, при этом язык элегической лирики влияет на формирование поэтики ранних баллад – так пейзаж приобретает пафос суггестивного эмоционального потока, разворачивающегося на фоне эпической фабулы и романтического психологизма баллад. Представления о Жуковском как о романтическом поэте происходит из его балладных произведений. Даже на портрете Кипренского поэт стоит на фоне таинственного пейзажа с туманными холмами, задумавшись и мечтательно устремив взгляд вверх⁸. Зыбкость, переходность чувств, а вместе с ними и картин природы – «в этом ключ к эстетике таинственного, чудесного в балладах Жуковского»⁹. Поэт-романтик отображает пейзаж как стихию таинственного через грозные образы бушующей реки или беспроглядной ночи. Описывая реальную природу, поэт отражает ее как субъективное переживание, где чувство природы и внутреннее состояние души героя связаны воедино.

---

⁸ Вольпе Ц.С. Жуковский // Вольпе Ц.С. История русской литературы: В 10 т. Т. 5. М.; Л., 1941. С. 360.

⁹ Фрайман Т. Маргинальный жанр в центре поэтической системы (баллады 1816 – 1818 гг.) // Фрайман Т. Творческая стратегия и поэтика В. А. Жуковского (1800-е — начало 1820-х годов). Тарту, 2002. С. 87.

Библиография

Вольпе Ц.С. Жуковский // Вольпе Ц. С. История русской литературы: В 10 т. Т. 5. М.; Л., 1941. С. 355 – 391.

Жуковский В.А. Баллады. Поэмы и повести // Жуковский В. А. Собр. соч. В 4 т. Т. 2. М.; Л.: Гос-ное изд-во Художественной литературы, 1959.

Фрайман Т. Маргинальный жанр в центре поэтической системы (баллады 1816 – 1818 гг.) // Фрайман Т. Творческая стратегия и поэтика В. А. Жуковского (1800-е — начало 1820-х годов). Тарту, 2002. С. 83 – 96.

Янушкевич А.С. Баллады 1808 – 1814 гг. как поэтическая система // Янушкевич А.С. Этапы и проблемы творческой эволюции В.А. Жуковского. Томск, 1985. С. 80 – 94.

Как в стихотворении «Я не знаю, Земля кружится или нет...»
Велимир Хлебников перевернул мир и составил
математическую модель жизни и творчества

София Кулик (образовательная программа «Филология»)

*Я не знаю, Земля кружится или нет,
Это зависит, уложится ли в строчку слово.
Я не знаю, были ли мо<ими> бабушкой и дедом
Обезьяны, т<ак> к<ак> я не знаю, хочется ли мне сладкого или
кислого.
Но я знаю, что я хочу кипеть и хочу, чтобы солнце
И жилу моей руки соединила общая дрожь.
Но я хочу, чтобы луч звезды целовал луч моего глаза,
Как олень оленя (о, их прекрасные глаза!).
Но я хочу, чтобы, когда я трепещу, общий трепет приобщился
вселенной.
И я хочу верить, что есть что-то, что остается,
Когда косу любимой девушки заменить, напр<имер>, временем.
Я хочу вынести за скобки общего множителя, соединяющего
меня,
Солнце, небо, жемчужную пыль.*

<1909>¹

Из нынешнего времени мы, читатели Велимира Хлебникова, «как с башни на все глядим»²: знаем, что он «Колумб новых материков»³, «Лобачевский слова»⁴, а для поэтов XX века «то же, что Пушкин для начала XIX»⁵. Мы пытаемся проникнуть в «заумь», пробраться сквозь словотворчество и наконец увидеть «подлинную, благородную, возвышенную простоту»⁶ текстов. Однако это «погружение» не всегда представляется легким. Обратимся к раннему стихотворению 1909 года «Я не знаю, Земля кружится или нет...», дабы увидеть, как в тринадцати строках поэт заключает желание усомниться в общепринятых законах

¹ Здесь и далее текст стихотворения цитируется по следующему изданию: Хлебников В. Степь отпоет. М.: РИПОЛ классик, 2018. С. 33-34.

² Ахматова А. А. Поэма без героя. М.: Изд-во МПИ, 1989.

³ Маяковский В. В. В. В. Хлебников // Полное собр. соч.: В 13 т. Т. 12. М., 1959. С. 23.

⁴ Тынянов Ю. Н. О Хлебникове // Хлебников В. Собрание произведений. Т. 1. Л., 1928. С. 21.

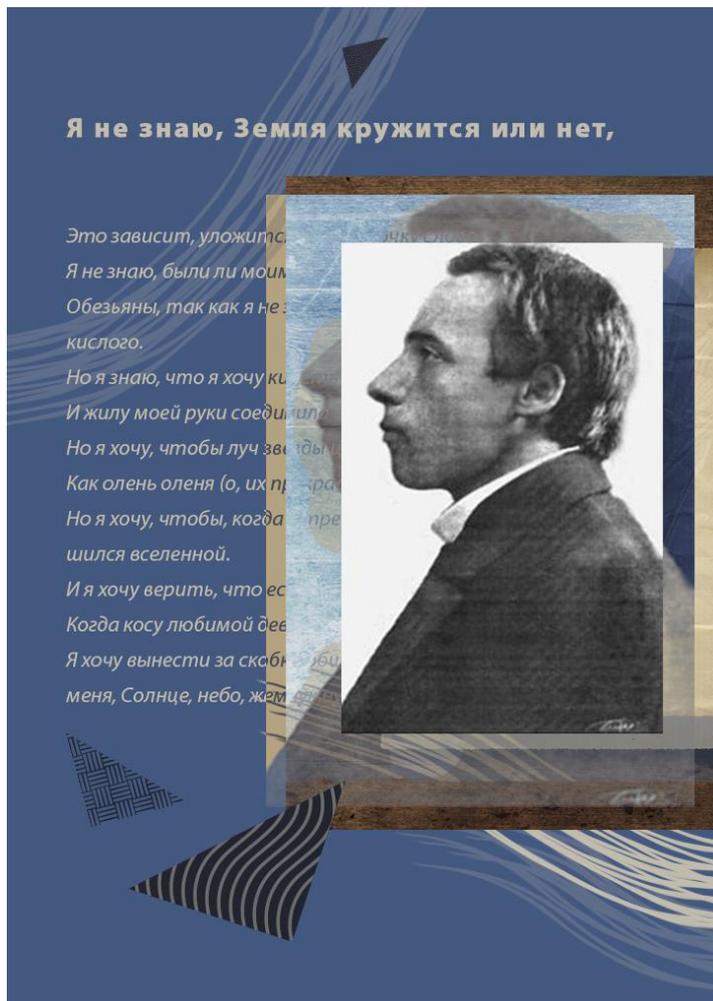
⁵ Лившиц Б. Полутораглазый стрелец. Л., 1989. С. 483.

⁶ Шапир М. И. Язык вне времени и пространства: Г. О. Винокур о лингвистической утопии Хлебникова.

URL: <http://hlebnikov.lit-info.ru/hlebnikov/about/vinokur-shapir.htm>

Как ... Велимир Хлебников перевернул мир...

мироздания, стереть пространственные и временные границы, а также создать математический пример бесконечной жизни и творчества.

«Я не знаю», выведенное в композиционно сильную позицию начала стихотворения, в первом четверостишии повторяется всего три раза: «Я не знаю, Земля кружится или нет», «Я не знаю, были ли моими бабушкой и дедом обезьяны», «я не знаю, хочется ли мне сладкого или кислого». При том, что лирический герой не отрицает вращения Земли или происхождения человека от обезьяны, он явно указывает на то, что общепризнанные и принятые законы мироустройства для него представляют загадку, еще не решенную. Заданная модальность («кружится или нет», «были ли»), возможно иронично подчеркивается «незнанием» героя своих желаний – концепция эволюции,

захватившая сознание людей конца XIX века, сопоставляется с сиюминутной волей к «сладкому или кислому». Отчего создается впечатление, что загадка становится и вовсе неважной, ее решение не претендует на истинность и на всеобщее объяснение. Ведь в строке «Это зависит, уложится ли в строчку слово» поэт будто бы задает собственное условие – пропорциональную зависимость вращения земли от композиции текста.

Здесь мы замечаем, что явный анжамбеман⁷ третьей строки запускает механизм авторской своеобразной формулы – «обезьяны» действительно «не укладываются» в границу стиха, а затем и слово «кислого» подвергается переносу. Подсчет слогов в каждой строке первого четверостишия показывает, что после стройной системы из двенадцати, четырнадцати и

⁷Анжамбеман (фр. *enjambement*, от *enjamber*, «перешагнуть») в стихосложении – несовпадение синтаксической паузы с ритмической (концом стиха, полустихия, строфы); употребление цезуры внутри тесно связанной по смыслу группы слов.

Как ... Велимир Хлебников перевернул мир...

шестнадцати слогов в первом, втором и третьем стихе соответственно, четвертый насчитывает двадцать три. Лишние пять (если стремиться к рисунку с увеличением слогов в каждой строке на два) скрываются в «или кислото». Таким образом, можно предположить, что если бы герой наверняка знал, хочет ли он сладкого или кислото, то также бы знал, кем были его бабушка и дед, тогда все слова укладывались бы в строку, а Земля, возможно, кружилась.

«Карнавальнй» характер «хлебниковского мироощущения», на который указывает М.И. Шапир, «враждебен всему готовому и завершенному, всяким претензиям на незыблемость и вечность»⁸, поэтому, как только читатель оказывается запутан в том, что не знает герой, поэт сразу же открывает новый путь движения в тексте: «Но я знаю, что я хочу кипеть...». Трижды повторенное «я не знаю» сменяется одним «я знаю», и затем формула «я хочу» насчитывается уже шесть раз: «я хочу кипеть», «хочу, чтобы солнце и жилу моей руки соединила общая дрожь», «хочу, чтобы луч звезды целовал луч моего глаза», «хочу, чтобы общий трепет приобщился вселенной», «хочу верить, что есть что-то, что остается», «хочу вынести за скобки общего множителя...». Явное противопоставление необъяснимых научных теорий и истинных желаний поэта еще ярче подсвечивает то, как сразу же самоустраняется уровень модальности и неизвестности, а глаголы «кипеть» и «трепетать» наполняются силой и энергетикой.

Стоит обратить внимание на то, как меняется понимание и осмысление пространства при использовании практически одинаковых слов: в первом четверостишии маркером пространства становится Земля (планета), в следующих пяти — солнце, луч звезды и вселенная. Иными словами, мы находимся в одном космосе, но если в начале текста герой практически не был никак связан с вращением Земли, то далее он указывает на единение себя и вселенной. Слова «соединила», «общая» (дрожь), «общий» (трепет), «приобщился», «общего» (множителя), «соединяющий», — все они подчеркивают природное «сращение» (через жилы и глаза) автора с миром. Подобный выход за рамки Г.О. Винокур определял как «ландшафт без горизонта, <...> одним словом, континуум без деления на дискретные единицы». Поэтому в заключительном четверостишии уже не ясно — солнце, небо, жемчужная пыль являются указателями пространства или времени или вневременного существования.

Соединение и в то же время разъединение пространства и времени, выход за их пределы прочитывается даже в одном слове — луч. Неслучаен выбор именно этого геометрического понятия, ведь в отличие отрезка, луч не имеет границ, на детальном уровне он вновь

---

⁸ Шапир М.И. Указ. соч.

Как ... Велимир Хлебников перевернул мир...

подчеркивает непрерывный континуум. Спустя десять лет в 1919 году в работе «Наша основа» Хлебников обратится к силовому лучу движения:

«Можно подумать, что наука роковым образом идет по тому пути, по которому уже шел язык. Мировой закон Лоренца говорит, что тело сплющивается в направлении, поперечном давлению. Но этот закон и есть содержание «простого имени» Л: значит ли Л-имя ляжку, лопасть, лист дерева, лыжу, лодку, лапу, лужу ливня, луг, лежанку – везде силовой луч движения разливается по широкой поперечной лучу поверхности, до равновесия силового луча с противосилами. Расширившись в поперечной площади, весовой луч делается легким и не падает, будет ли этот силовой луч весом моряка, лыжебежца, тяжестью судна на груди бурлака или путем капли ливня, переходящей в плоскость лужи. Знал ли язык про поперечное колебание луча, луч-вихрь? Знал ли, что R делается $R \sqrt{1 - \frac{v^2}{c^2}}$ где v — скорость тела, c — скорость света?»⁹.

Заключительная формула и понимание луча как импульса в пространстве подводит нас к заключительным четырем строкам стихотворения.

В тексте, где каждое слово, кажется, максимально точно подобрано и поставлено на подходящее ему место, появление неопределенного местоимения «что-то» явно бросается в глаза. Далее следует очередное «условие» хлебниковского уравнения – «когда... заменить» (косу – временем), затем герой хочет вынести за скобки общего множителя солнце, небо, жемчужную пыль. Общим множителем здесь может быть тот самый трепет и дрожь, объединяющий его и вселенную. Таким образом, в заданной формуле «что-то» прочитывается как математическое неизвестное (х), и перед нами пример, решив который, видимо, можно понять, как устроена вселенная автора.

Еще одной деталью, выбивающейся из общего строя стихотворения, становится количество строк – тринадцать, так как в середине стихотворения Хлебников сбивается словно на лирическое мгновенное отступление: «Как олень оленя (о, их прекрасные глаза!)». По замечанию А.Е. Парниса, «олень – излюбленный образ у Хлебникова»¹⁰. Если проследить контекст появления оленя, то можно сказать, что образ всегда окружен ореолом любви и опасности одновременно («Олень, олень, зачем он тяжело / В рогах глагол любви несет?» в

⁹ Хлебников В. Степь отпоет. М.: РИПОЛ классик, 2018. С. 842.

¹⁰ Парнис А.Е. «О метаморфозах мавы, оленя, война» // Мир Велимира Хлебникова: статьи, исследования (1911-1998). М.: Языки русской культуры, 2000.

Как ... Велимир Хлебников перевернул мир...

стихотворении «Грущобы»; на олене появляется «суровый король» в «Харьковском Оно», в котором также будут упомянуты «целуемые косы»; в «Зверинце» «олень – лишь испуг, цветущий широким камнем»). В настоящем тексте олень напрямую перекликается с упоминанием «косы любимой девушки» и, возможно, символизирует искреннюю, естественную и чистую любовь, которая также «остаётся» за скобками общего множителя.

Таким образом, проанализировав настоящее стихотворение, можно увидеть его отчетливое деление на три части: я не знаю, я знаю, что я хочу, я хочу верить. В первом четверостишии поэт, не отрицая законов мироздания, скорее указывает на то, что его жизнь во вселенной устроена иначе. В следующих пяти строках он декларирует свои «заповеди», создавая своеобразное заклинание, и в финальных стихах задается вопросом и разрешает его поэтико-математической формулой – «чем-то» вне пространства и времени, остающемся после всего и растворяющемся в жемчужной пыли, оказывается, видимо, текст как модель мира и искренняя любовь. И тогда культура, по его замыслу, действительно освобождается от «случайных, историчных, национальных, временных форм, в которых она воплощается»¹¹.

Библиография

Ахматова А. А. Поэма без героя. М.: Изд-во МПИ, 1989.

Лившиц Б. Полутораглазый стрелец. Л., 1989.

Маяковский В. В. В. Хлебников // Полное собр. соч.: В 13 т. Т. 12. М., 1959.

Парнис А. Е. «О метаморфозах мавы, оленя, воина» // Мир Велимира Хлебникова: статьи, исследования (1911-1998). М.: Языки русской культуры, 2000.

Тынянов Ю. Н. О Хлебникове // Хлебников В. Собрание произведений. Т. 1. Л., 1928.

Хлебников В. Степь отпоет. М.: РИПОЛ классик, 2018.

Шатир М. И. Язык вне времени и пространства: Г. О. Винокур о лингвистической утопии Хлебникова. URL: <http://hlebnikov.lit-info.ru/hlebnikov/about/vinokur-shapir.htm>

---

¹¹ Винокур Г. О. // Хлебников Мир Велимира Хлебникова. Статьи. Исследования. 1911—1998. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 208.